

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Эканоміка
Права

1'92

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Ходзін С. М.</i> Асноўныя тэндэнцыі развіцця сельскагаспадарчай вытворчасці БССР у 1921—1929 гг.	3
<i>Ствольгін К. В.</i> Альтэрнатывная служба: історыя і сучаснасць	6
<i>Клімовіч В. С.</i> Ідэя «еўрапейскага дома»: міф ці рэальнасць?	10
<i>Мацель В. М.</i> Аграрная рэформа ў кітайскай вёсцы (1978—1988)	11
<i>Смирнова Е. Д.</i> Чэшскія мастацы XVIII в. у Расіі	14
<i>Лисовы І. А., Ревяко К. А.</i> Даследаванне антычнай гісторыі і культуры ў Болгарыі	16

ФІЛАСОФІЯ

<i>Яньян Л., Тітов О. І.</i> Случайнасць і неабходнасць у нераўнаважных сістэмах	20
<i>Титаренко Л. Г.</i> Тэхнакратычнае свядомасць: генезіс і функцыянаванне	24
<i>Кузнецова Л. Ф.</i> Прынцып глабальнага эвалюцыянізму ў сучаснай навуковай карціне свету	28
<i>Смирнов Н. А.</i> Праблемы прыроднага права, рэлігіі і царквы ў творчым спадчыні Дзідро	31
<i>Грищенко Ж. М., Дорин А. В.</i> Агульнае меркаванне і палітыка	34
<i>Беляковіч Н. Н.</i> Сучасная канцэпцыя сацыялізму: прытрымліванне дагмаў ці пошукі новых падходаў?	38
<i>Жарікова А. А.</i> Асаблівасці развіцця палітычнай культуры моладзі ў сучасных умовах	41

ЭКАНОМІКА

<i>Базылев Н. І., Белугін К. А.</i> Некаторыя праблемы становлення эканомікі рыначнага тыпу	44
<i>Косенко З. Г.</i> Праблемы выкарыстання форм сумеснага з замежным капіталам прадпрыемства	47
<i>Давыденко Л. Н., Петровская Л. М.</i> Арганізацыя свабодных эканамічных зонаў	51

ПРАВА

<i>Козлова Н. М.</i> Узростная роля заканадаўства ў рэгуляванні грамадскіх адносін	54
<i>Данілевіч А. А.</i> Логічныя прыёмы будавання мовы судовага выступа	56
<i>Савченко М. І.</i> Рэспубліка Беларусь — морская дзяржава (міжнародна-прававы аспект)	59
<i>Салей Е. А.</i> З гісторыі правага абгрунтавання дзейнасці акцыянерных грамадстваў у Расіі	62

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ

(публікацыі і пераклады)

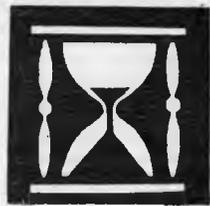
Програма «Саюза 17-га кастрычніка»	67
<i>Талашова Н. С., Корзун М. С.</i> Антычнасць у пісьмах Карла Маркса	72

РЭЦЭНЗІІ

<i>Ігнаценка А. П., Капыскі Б. З., Сосна У. А. П. А.</i> Лойка. Прыватнаўласніцкія сялянскія Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII ст.	75
<i>Кузнецова Л. Ф. В. К.</i> Лукашэвіч. Навуковы метад: структура, абгрунтаванне, развіццё	76
<i>Мартыновіч І. І. І. Л.</i> Петрухін. Правасуддзе: час рэформаў	77

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Александр Петрович Игнатенко	78
--	----

С. М. ХОДЗІН

АСНОЎНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ БССР У 1921—1929 гг.

Ужо на пачатку XX ст. вызначылася пераважнае развіццё сельскай гаспадаркі рэспублікі ў напрамку бульбаводства, ільнаводства і мяса-малочнай жывёлагадоўлі. Значнае месца ў сельскагаспадарчай вытворчасці беларускіх губерняў займала буйное землеўладанне. Памешчыцкія маёнткі ў большасці з'яўляліся цэнтрамі перапрацоўкі прадукцыі жывёлагадоўлі. Так, у Бабруйскім павеце да 1914 г. была сканцэнтравана малочная прамысловасць. Масла і сыры вывозіліся ў Маскву і Варшаву. Аналагічнае становішча назіралася ў Мазырскім павеце¹. На пачатку XX ст., нягледзячы на пэўнае скарачэнне пасяўных плошчаў, істотна павялічылася таксама ўдзельная вага прыватнаўласніцкіх (пераважна памешчыцкіх) гаспадарак у вытворчасці тэхнічных і — у найбольшай ступені — зерневых культур².

У 1918—1920 гг. буйная вытворчасць у сельскай гаспадарцы захавалася ў выглядзе саўгасаў і калгасаў. Аднак апошнія цэнтрамі насенняводства, племянной работы і перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі — у выніку ваенных дзеянняў, разрухі і шэрагу іншых абставін — не сталі. На пачатку ж 20-х гг. даводзілася шукаць шляхі стымулявання дробнай сялянскай вытворчасці з мэтай аднаўлення сельскай гаспадаркі. Ва ўмовах недахопу на вёсцы сельскагаспадарчай тэхнікі і рабочай жывёлы велізарнае значэнне набываў фактар сялянскай гаспадарчай ініцыятывы. Як адзначаў У. І. Ленін, пераход да сацыялізму патрэбна было ажыццяўляць «на асабістым інтарэсе, на асабістай зацікаўленасці, на гаспадарчым разліку»³.

На Беларусі адным з тых, хто адстойваў неабходнасць станаўлення і пашырэння гаспадарчай сістэмы новай эканамічнай палітыкі быў З. Ф. Прышчэпаў. У кастрычніку 1924 г. на другім з'ездзе ўпаўнаважаных сельскагаспадарчай, крэдытнай і саматужна-прамысловай кааперацыі ён (тады яшчэ намеснік наркома земляробства БССР) гаварыў дэлегатам: «Вы бачылі развіццё нэпа ў горадзе і што ж, ці пацярпела ад гэтага наша палітыка, пацярпелі рабочыя? Зразумела, не. І зараз нам патрэбна даць магчымасць развівацца нэпу на вёсцы»⁴.

У гэтым напрамку значнай падзеяй стала замена харчразвёрсткі харчпадаткам. Аднак у 1921/22 гаспадарчым годзе ў БССР замест 2614 пудоў жытніх адзнак па харчразвёрстцы 1920 г. харчпадатак быў вызначаны ў памеры звыш 3 млн. пудоў, уключаючы бульбу і маслічныя. Свабода гаспадарання прадугледжвае таксама свабоду распараджэння вырабленай прадукцыяй, свабоду гандлю. Таму аб стварэнні ўмоў для стымулявання дробнага вытворцы можна гаварыць толькі з 1923/24 г., калі быў ажыццёўлены пераход ад сістэмы натуральнага падаткаабкладання да грашовага. Сялянства атрымала магчымасць лепш прыстасоўвацца да рынку, сеяць больш выгадных культур, займацца дробным прамыслам.

Ужо ў 1924 г. пасяўныя плошчы рэспублікі перавысілі на 6,1 % узровень 1913 г. Але нізкая ўраджайнасць збожжавых перадвызначыла павелічэнне плошчаў, занятых пад імі, і скарачэнне да мінімуму пасеваў тэхнічных культур і кармавых траў. Гэта акалічнасць асабліва выявілася ў развіцці сельскай гаспадаркі былой Віцебскай губерні, што да 1916 г. ўвозіла штогод на душу насельніцтва хлебных грузаў у 2,7 разоў больш, чым Мінская і Магілёўская⁵.

Пераход да рыначных адносін у беларускай вёсцы ўскладняўся і так званымі «нажніцамі» цэн на прамысловыя і сельскагаспадарчыя тавары. Неспрыяльныя эканамічныя абставіны 1923 г. затрымалі рост інтэнсіўных культур, а ў асобных рэгіёнах рэспублікі (Віцебская, Магілёўская губ.) — і далейшае павелічэнне агульнай пасяўной плошчы. У сувязі з падзеннем цэн на сельскагаспадарчыя тавары назралася таксама пэўнае скарачэнне статку сялянскіх гаспадарак. У 1924 г. Народны камісарыят земляробства БССР адзначаў: «Не так прыродныя ўмовы, як рынак і цана з'яўляюцца вырашальнымі фактарамі для сельскай гаспадаркі Беларусі, і таму арганізацыя рынка, а значыць кааперацыя і крэдыт, па сваёй сутнасці маючыя ў аснове самадзейнасць насельніцтва, з'яўляюцца асноўнымі пытаннямі сельскагаспадарчай палітыкі»⁶.

Аднаўленне сельскагаспадарчай вытворчасці стрымлівалася таксама малазямельлем беларускай вёскі. Па звестках Наркамзема БССР у 1925 г. 25 % сялянскіх сем'яў на сваёй зямлі былі не ў стане весці нават спажывецкую гаспадарку. Таму асаблівае значэнне набывала данадзяленне зямлёй малазямельнага сялянства з дзяржаўнага запаснага фонду. Гэтае мерапрыемства, пачатае ў 1925 г. у спалучэнні з дапушчэннем працоўнай арэнды і найму рабочай сілы на вёсцы, канчатковай ліквідацыяй натуральных паставак пашырэннем сеткі дзяржаўнага і кааператываўнага крэдыту садзейнічала па скарачэнню тэмпаў аднаўлення сельскай гаспадаркі ў цэлым, а таксама ўмацаванню прыватных сялянскіх гаспадарак. Напрыклад, колькасць сялянскіх двароў без рабочай жывёлы паменшылася на працягу 1924—1927 гг. з 16,4 да 13,2 %⁷.

У 1926 годзе вартасць валавай прадукцыі сельскай гаспадаркі БССР даваеннай адзнацы дасягнула 384,8 млн. рублёў і перавысіла сярэднегадавы паказчык 1911—1913 гг. на 9,8 %. Значныя змены адбыліся ў структуры пасяўных плошчаў рэспублікі. У параўнанні з 1920-м у 1926 г. удзельная вага збожжавых культур знізілася з 85,9 да 66,5 %, значна ўзраслі пасевы бульбы і асабліва сеяных траў. Пры гэтым у выніку павышэння ўраджайнасці павялічылася вытворчасць збожжавых⁸.

Аднак паскоранае развіццё жывёлагадоўлі садзейнічала росту спажывання хлеба самімі сялянскімі гаспадаркамі, таму збожжавыя культуры па ступоў па страчвалі ранейшае гандлёвае значэнне. Калі ў 1923/24 гаспадарчым годзе ў працэнтах да агульнага падрахунку адчужэнняў прадукцыі палыводства рэспублікі складала 48,6 %, то ў 1924/25 годзе — 32,3 %. Асабліва скарацілася вытворчасць хлеба на продаж (амаль у 2 разы). Пераважнае значэнне перш за ўсё для вялікай колькасці сярэдняцкіх і бядняцкіх сялянскіх гаспадарак набывала рэалізацыя прадуктаў жывёлагадоўлі (мяса: малака, масла, скур, шчаціння і г. д.), птушкагадоўлі і садоўніцтва. Пашырылася вытворчасць на рынак лёну і бульбы. Па разліках шэрагу эканамістаў 20-х гг., беларускі селянін, засяваючы бульбай тую ж плошчу, што збожжавымі, атрымоўваў прыбытак у 2—2,5 разы больш⁹.

Адпаведна звесткам дынамічнага абследавання сялянскіх гаспадарак праведзенага ЦСУ БССР у 1925 г., ступень інтэнсіўнасці гаспадаркі ў значнай меры залежала ад яе памераў. Працаёмкія культуры (лён, канопля, бульба) шырэй былі распаўсюджаны сярод малапасяўных груп сялянства. Можна меркаваць, што ў адносінах да кармавых і збожжавых культур назіралася зваротная сітуацыя. Тым не менш, жывёлагадоўля таксама была распаўсюджана ў гаспадарках бяднейшых сялян, у якіх колькасць кароў на адну і тую ж плошчу пасеву ў 2,5 разы перавышала іх наяўнасць заможных¹⁰. Азначанае становішча выклікала істотныя ваганні ў наяўнасці буйной рагатай жывёлы ў вясенні перыяд, калі адсутнасць кармавых рэсурсаў вымушала сялян-беднякоў збываць яе па заніжаным кошце.

Невысокая якасць беларускага мяса-малочнага статку ўскладняла рэалізацыю сялянамі сваёй прадукцыі. Маскоўскі і ленінградскі рынкі ў значнай ступені былі насычаны танным і якасным украінскім і калмыцкім селям і мясам. Меркавалася арыентацыя на заходнееўрапейскі рынак, арганізацыя перапрацоўкі прадуктаў жывёлагадоўлі і развіццё спецыяльных і даў кааперацыі. Значныя перспектывы ў гэтым напрамку адкрывала паспяховае аднаўленне свінагадоўлі. На 100 дзес. пасеву ў 1923 г. у рэспубліцы мелася свінняў — 31,1; у 1924-м — 37,5; у 1925 — 43,3 галавы. Каўдзельная вага жывёлагадоўлі Савецкай Беларусі ў жывёлагадоўлі ўсялякая ССР складала 3,4, то свінагадоўлі — 12 %¹¹. Дарэчы, у другой палове 20-х гг. вызначыўся рост часткі прадукцыі жывёлагадоўлі ў экспарце сельскагаспадарчых тавараў з СССР, асабліва мясапрадуктаў. Аб'ём вываз алошніх павялічыўся з 1925/26 па 1926/27 гаспадарчы год больш чым

2 разы¹². У мэтах захавання і перапрацоўкі мясной прадукцыі ў канцы 20-х гг. у БССР планавалася будаўніцтва двух мясакамбінатаў (у Оршы і Гомелі) і двух буйных халадзільнікаў, развіццё дробнай каўбаснай прамысловасці. Сур'ёзная ўвага таксама надавалася перапрацоўцы сельскагаспадарчай прадукцыі ў калгасах, каапераванню на гэтай аснове апошніх з адзінаасобнымі гаспадаркамі ў залежнасці ад іх спецыялізацыі.

Добрыя гандлёвыя ўмовы для развіцця жывёлагадоўлі да 1927 г. склаліся ў Гомельскай акрузе, экскансіўны напрамак гэтай галіны вызначыўся ў Мазырскай, а таксама Рэчыцкай акругах. Распаўсюджванне травасеяння, больш рацыянальнае харчаванне і паліпшэнне пародзістасці малочнага статку садзейнічалі высокім надоям на паўночным усходзе БССР. Так, калі ў Мінскай акрузе надоі ад кожнай каровы ў 1926—1927 гг. у сярэднім не перавышалі 1300 л, то ў Віцебскай яны складалі 1620 л¹³.

У беларускай гістарычнай літаратуры склалася думка, што неабходнасць паскарэння тэмпаў калгаснага будаўніцтва ў рэспубліцы перадвызначалася замаруджваннем тэмпаў развіцця сельскай гаспадаркі ў выніку распыленасці сельскагаспадарчай вытворчасці. Сапраўды, за 1916—1928 гг. колькасць сялянскіх двароў у БССР узрасла з 566.622 адзінак да 794.586. У 1926/27 г. таварная частка прадукцыі сельскай гаспадаркі склала толькі 89,3 % у адносінах да папярэдняга года. Нельга адмаўляць таксама пэўнага скарачэння пагалоўя статку¹⁴.

Але бачыць галоўную прычыну азначаных негатыўных з'яў толькі ў існаванні ў рэспубліцы дробных індывідуальных сялянскіх гаспадарак было б памылковым. Развіццё жывёлагадоўлі, пашырэнне пасеваў лёну і бульбы, шматгадовых траў выклікалі (як ужо падкрэслівалася) побач са скарачэннем пасеваў збожжавых культур павелічэнне спажывання хлебапрадуктаў у межах саміх сялянскіх гаспадарак. У 1927/28 г. чысты ўвоз у БССР збожжавых у параўнанні з 1925/26 г. павялічыўся больш чым у 2 разы. У той жа час вытворчасць збожжа ў рэспубліцы скарацілася нязначна. Цяжкасці на хлебным рынку, рост цен на хлебапрадукты замарудзілі працэс развіцця жывёлагадоўлі. Сялянства (галоўным чынам, малазямельнае) перад пагрозай хлыбнага голаду скараціла пасевы кармавых угоддзяў, частку статку і пашырыла пасевы збожжавых культур. Адразу ж за падаражаннем хлеба ўзраслі цэны і на бульбу. Гэта адбілася перш за ўсё на свінагадоўлі, а ў 1928 г. свініна складала 74 % усяго рэалізуемага ў краіне мяса¹⁵.

У шэрагу прычын значнага скарачэння пагалоўя жывёлы патрэбна адзначыць таксама ўзмацненне падаткаабкладання сялянства рэспублікі. Яшчэ ў 1927 г. на VIII Усебеларускім з'ездзе Саветаў З. Ф. Прышчэпаў выказаў прапанову аб неабходнасці ўліку спецыфікі асобных сельскагаспадарчых рэгіёнаў краіны, аб тым, каб саюзны ўрад устанаўляў толькі агульныя лічбы, прыныцы сельгаспадатку, а апошнія б канкрэтызаваліся ўрадам рэспублікі. У 1927/28 г. частка сярэдняцкіх гаспадарак БССР, апынуўшыся перад фактам неабходнасці выплаты двойнога і трайнога падатку ў параўнанні з папярэднім годам палічыла за лепшае ліквідаваць пэўную колькасць жывёлы з мэтай пазбегнуць такога абкладання ў далейшым¹⁶.

Спалучэнне ўсіх азначаных фактараў абумовіла парадаксальную сітуацыю. У 1927/28 гаспадарчым годзе валавая вытворчасць збожжавых культур значна ўзрасла, але таварная частка іх працягвала скарачацца. У той жа час, нягледзячы на скарачэнне валавай прадукцыі жывёлагадоўлі, рэзка павялічылася яе таварная частка. Нельга не пагадзіцца з вядомым даследчыкам В. П. Данілавым, што «хлебнарыхтоўчыя цяжкасці па свайму паходжанню і характару былі выкліканы рыначнымі ваганнямі на фоне ўзрастаючых вытворчасці і таварнага абароту сельскагаспадарчай прадукцыі»¹⁷.

Такім чынам, паскарэнне калгаснага будаўніцтва на рубяжы 20—30-х гг. не выклікалася непасрэднымі інтарэсамі развіцця сельскагаспадарчай вытворчасці рэспублікі. Калі ж разглядаць азначанае фарсіраванне толькі як сродак вырашэння праблемы хлебнарыхтоўчых цяжкасцей, то ўзнікае пытанне: у якой ступені і чаму ва ўмовах паглыблення спецыялізацыі беларускага рэгіёна ў напрамку мяса-малочнай жывёлагадоўлі, тэхнічных культур і бульбаводства калектыўныя гаспадаркі з'яўляліся пастаўшчыкамі таварнага збожжа. Выклікае цікавасць і шэраг іншых пытанняў: наколькі тэмпы калгаснага будаўніцтва абумоўліваліся дэманстрацыяй нейкіх пераваг буйной сельскагаспадарчай вытворчасці, ці зведзала апошняя ўплыў спецыялізацыі асобных сельскагаспадарчых рэгіёнаў у межах БССР, якая склалася да сярэдзіны 20-х гг. Аднак гэта ўжо прадмет асобнага даследавання.

- ¹ Гл.: Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва БССР (далей — ЦДАКР БССР). Ф. 48, воп. 1, спр. 2290, л. 14, 16.
- ² Гл.: Теория и методика историографических и источноковедческих исследований: Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск, 1989. С. 80—81.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.
- ⁴ ЦДАКР БССР. Ф. 334, воп. 1, сп. 51, л. 152.
- ⁵ Там жа. Ф. 48, воп. 1, сп. 1650, л. 39—40.
- ⁶ Там жа. Сп. 2055, л. 1.
- ⁷ Там жа. Л. 41; Белорусская Советская Социалистическая Республика. Мн., 1927.
- ⁸ Гл.: Советское строительство. 1926. № 5. С. 32.
- ⁹ Там жа.
- ¹⁰ Гл.: Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26—1929/30 гг. Мн., 1927. С. 41.
- ¹¹ Гл.: Маргунский С. П. Государственное строительство БССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). Мн., 1966. С. 194.
- ¹² Гл.: Сельское хозяйство СССР в 1925—1928 гг. М., 1929. С. 486.
- ¹³ Гл.: Матэрыялы экспедыцыі па вывучэнню буйной рагатай жывёлы сялянскіх гаспадарак Менскай і Віцебскай акруг БССР у 1928 г. Мн., 1929. Ч. 1. С. 43.
- ¹⁴ Гл.: Сельское хозяйство СССР в 1925—1928 гг. С. 193—194; 424—425.
- ¹⁵ Гл.: Стэнаграма і рэзалюцыі верасеньскага Пленума ЦК КП(б)Б (5—8 верасня 1929 г.). Мн., 1929. С. 53; ЦДАКР БССР. Ф. 18, воп. 3, сп. 21, л. 8, 10.
- ¹⁶ Гл.: Восьмы Усебеларускі з'езд Саветаў. Мн., 1927. С. 154; Советское строительство. 1929. № 2—3. С. 130.
- ¹⁷ Коммунист. 1989. № 4. С. 100.

К. В. СТВОЛЫГИН

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СЛУЖБА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Перестроечные процессы в нашей стране сделали более терпимым и реалистичным отношение государства к религии, церкви, верующим. Взят курс на подлинное, а не декларативное обеспечение свободы совести и вероисповедания, свободное самоопределение человека в духовной сфере, углубление диалога между атеистами и верующими. Церквам предоставляется возможность свободно действовать в рамках законов. Соответствие этого курса целям и задачам перестройки очевидно. Вместе с тем очевидно и другое: его практическая реализация остро ставит ряд проблем как перед государством в целом, так и перед такими специфическими государственными институтами, как армия.

Одной из таких актуальных проблем является введение альтернативной службы, т. е. такого вида государственной службы, которой в соответствии с законом призывникам разрешается заменять военную службу по религиозным, пацифистским или иным убеждениям совести. Характерная особенность альтернативной службы в том, что проходящие ее лица не связаны с применением и ношением оружия. Оперативного разрешения этой проблемы активно требуют как международные обязательства нашего государства, так и движение определенных слоев общества, выступающих за освобождение от военной службы по религиозным или иным убеждениям совести.

В марте 1988 г. Комиссия ООН по правам человека приняла резолюцию, признающую право на отказ от несения военной службы как законное, общепризнанное право на свободу мнений, совести и религии. В резолюцию была также включена рекомендация всем странам — членам ООН ввести альтернативную гражданскую службу¹. В январе 1989 г. наше государство подписало итоговый документ Венской встречи, который закрепляет обязательство СССР обеспечить в своих законах осуществление свободы совести, религии и убеждений².

Социологический опрос, проведенный сектором социологии религии и атеизма Института социологии АН СССР совместно с журналом «Наука и религия», показал, что даже 74 % экспертов-атеистов высказались за предоставление гражданам, религиозные убеждения которых не позволяют брать в руки оружие, возможности проходить альтернативную службу³.

Учитывая все это, Верховный Совет СССР, вводя в действие Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», постановил: «...подготовить к пятой сессии Верховного Совета СССР предложения по законодательному обеспечению введения различных форм общественно полезной альтернативной службы гражданского характера по соображениям совести»⁴. В этой связи большой практический интерес представляет решение проблемы освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям в

первые годы Советской власти (1918—1926). Как же зарождался и развивался этот процесс в те годы?

С июня по октябрь 1918 г. вопрос о сектантах, отказавшихся по религиозным убеждениям нести воинскую службу в Красной Армии, решался следующим образом: заявления этих лиц направлялись председателю Объединенного совета религиозных общин и групп В. Г. Черткову, который проверял их и в случае необходимости удостоверял правомерность освобождения от службы того или иного лица. По удостоверениям Черткова было освобождено от военной службы несколько сот человек, что составило менее половины процента всех призванных⁵.

Первой попыткой узаконить освобождение от военной службы по религиозным убеждениям был приказ Революционного Военного Совета РСФСР от 22 декабря 1918 г., подписанный Председателем РВСР Л. Троцким. В приказе говорилось, что если соответствующим учреждением судебно-следственного характера будет установлено, что религиозные убеждения отдельных лиц не являются простым прикрытием трусости или недобросовестности, тогда «военнообязанный может быть освобожден от непосредственных боевых обязанностей с тем, что он зачисляется в санитарную команду...»⁶

Приказ был воспринят верующими неоднозначно. Некоторые из них принимали такой порядок замены воинской службы, а некоторые отказывались участвовать даже в несении санитарной службы, считая и это посягательством на их совесть. Кроме того, Объединенный совет религиозных общин и групп относительно упоминаемого в приказе учреждения «судебно-следственного характера» полагал, что именно он, Объединенный совет, является учреждением, наиболее осведомленным и компетентным в суждениях об искренности лиц, отказывающихся от воинской повинности из-за религиозных убеждений. В начале декабря 1918 г. свои взгляды на эту проблему высказали Московский окружной военный комиссар Е. М. Ярославский и отдел Народного Комиссариата Юстиции по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства.

Высказанные мнения были неоднозначными, особенно в отношении органа, правомочного узаконить освобождение того или иного лица от военной службы. Все это побудило Советское правительство принять 4 января 1919 г. декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Декрет определял круг лиц, нуждавшихся в замене воинской службы другой повинностью, продолжительность и характер ее, сам механизм замены.

Право замены военной службы другой повинностью предоставлялось «лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе». Срок отбытия этой повинности равнялся сроку военной службы. Декрет предписывал заменять военную службу «санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общепользуемой работой по выбору самого призываемого». Механизм замены состоял в следующем: окончательное решение о необходимости и возможности замены одного вида службы другой принималось народным судом. Для принятия решений народный суд должен был запрашивать экспертизу Объединенного совета религиозных общин и групп по каждому отдельному делу. Экспертиза должна была установить: во-первых, что «определенное религиозное убеждение исключает участие в военной службе»; во-вторых, «что данное лицо действует искренне и добросовестно»⁷.

Допускалось и освобождение от воинской службы без всякой замены ее в случае, «если может быть специально доказана недопустимость такой замены с точки зрения не только религиозного убеждения вообще, но и сектантской литературы, а равно и личной жизни соответствующего лица»⁸.

Декрет от 4 января 1919 г. повышал доверие верующих к религиозной политике социалистического государства. Своевременное издание декрета позволяло спасти от сурового наказания в годы гражданской войны (нередко расстрела) тысячи людей, чьи религиозные убеждения действительно не позволяли брать в руки оружие. Велико было и международное значение декрета. Его текст был передан по радио за границу. Заграничная пресса писала о величайшей гуманности Советской власти.

Однако жизнь показала, что данный декрет полностью проблему освобождения от военной службы по религиозным убеждениям не решил. Прежде всего потому, что установленный порядок замены военной службы не смог совместить на деле, с одной стороны, гуманный подход к лицам, чьи истинные религиозные убеждения включали в число обязательных догматов отказ от выполнения воинской повинности, а с другой — не допустить, чтобы

возможностью освободиться от военной службы, прикрываясь мнимыми религиозными убеждениями, воспользовались бы люди нечестные, уклоняющиеся от важнейшей обязанности гражданина — защиты Отечества.

Сопоставим некоторые цифры. С начала 1-й мировой войны и по 1 апреля 1917 г. (почти за три года) военно-окружными судами за отказы по религиозным убеждениям от употребления оружия против врагов Отечества и обязанности нести военную службу было осуждено 837 нижних чинов⁹. По свидетельству бывшего секретаря Объединенного совета религиозных общин и групп, через совет (а наибольшую активность этот орган проявлял до декабря 1920 г., т. е. в годы гражданской войны) прошло до 40 тыс. отказов от военной службы по религиозным мотивам¹⁰. После Октябрьской революции в стране число сектантов возросло примерно в 2—6 раз¹¹. Таким образом, в годы гражданской войны по сравнению с 1-й мировой войной количество претендовавших на освобождение от военной службы по религиозным мотивам возросло почти в 40 раз. Даже с учетом роста сектантов в целом по стране в 6 раз число действительно нуждавшихся в замене воинской повинности другой обязанностью не должно было превысить 10 тыс. человек. Следовательно, примерно 3/4, или 30 тыс. призывников и дезертиров, не хотевших сражаться за Советскую власть либо из-за страха, либо по контрреволюционным соображениям, использовали в своих корыстных целях декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям.

Реализация декрета была одной из причин роста числа сектантов по стране, способствовала усилению сектами агитации против военной службы, которая велась не только среди сектантов.

В годы гражданской войны отдельные секты занимали явно контрреволюционную позицию, допуская при этом отступления от своих догматов. Наиболее яркие противники военной службы — менониты — во время гражданской войны скомплектовали свой полк в помощь Врангелю. Сектантов, отказывавшихся от военной службы, в белогвардейских армиях пороли, сажали в тюрьмы и расстреливали.

Объединенный совет религиозных общин и групп, проводивший, согласно декрету, экспертизу для народных судов при замене воинской повинности другой обязанностью, состоял только из представителей различных сект, не был объективным. Он был заинтересован в привлечении в секты новых членов, в том числе и тех, кто лишь хотел использовать сектантство для освобождения от военной службы. Необъективность совета усугублялась его монопольным правом назначать экспертов, что делало их мнение истиной в последней инстанции.

Всесторонне изучив ситуацию, Совнарком 14 декабря 1920 г. внес в декрет от 4 января 1919 г. дополнение и изменения. Основное отличие нового декрета состояло в следующем: были значительно расширены возможности выбора судом экспертов. Суд мог приглашать в качестве экспертов лиц, не связанных с какими-либо религиозными течениями, но обладавших достаточными знаниями и опытом (работников университетов, редакций журналов и т. д.).

Однако и этот документ, и циркуляры Наркомата юстиции и Верховного Суда РСФСР, разъяснявшие и дополнявшие его, не привели к полному пресечению спекуляций на религиозных убеждениях, с одной стороны, и обеспечению свободы совести — с другой. Главная тому причина — трудности при определении и доказательстве подлинности религиозных убеждений у того или иного лица.

В начале 20-х гг. отношение Советской власти к сектантству становится менее лояльным. В 1922 г. Объединенный совет религиозных общин и групп был объявлен контрреволюционным и распущен. Под давлением государственных органов руководители ряда сект признали обязательной для своих членов военную службу. Среди сектантов произошел раскол. В итоге сократилось число, претендовавших на замену воинской повинности. В 1926 г. в списки призывников 1904 года рождения было внесено всего 934 «религиозника»¹².

2 августа 1926 г. ВЦИК, СНК РСФСР в связи с изданием союзного закона об обязательной военной службе объявили утратившими силу декреты от 4 января 1919 г. и от 14 декабря 1920 г. Однако сектанты, отказывавшиеся от воинской службы по религиозным убеждениям, призванные в армию, отказывались принимать присягу, брать в руки оружие, за что преследовались в дисциплинарном и уголовном порядке. Проблема освобождения от воинской повинности по религиозным мотивам осталась неразрешенной.

В первые годы Советской власти возможность замены воинской повинности другой обязанностью предоставлялась только по религиозным убеждениям. Другие убеждения совести права на альтернативную службу не давали. В наше время чаще всего имеется в виду, что альтернативная служба будет предоставляться не только по религиозным, но и по иным убеждениям совести. В Грузии, например, уже с октября 1990 г. каждый юноша 18—27 лет, состоящий на воинском учете, заявив, что не желает служить в войсках, фактически становится «альтернативщиком». В Латвии альтернативную службу разрешается проходить и в военизированных частях Министерства внутренних дел, в пограничной охране. Не брать в руки оружие на такой службе — проблематично. Спрашивается, какие же мотивы лежат в заменах такого рода? Если идти по этому пути и предоставлять возможность замены военной службы альтернативной по любым убеждениям совести, т. е. практически всем желающим, то это приведет к резкому сокращению пополнения вооруженных сил, а значит, и к снижению их способности защищать страну.

Означает ли это, что сама идея введения альтернативной службы в нашем государстве должна быть полностью заморожена до лучших времен? Нет. Думается, что сначала можно ввести альтернативную службу только по религиозным убеждениям. В дальнейшем же, основываясь на приобретенном опыте, можно будет решить вопрос и об освобождении от военной службы и по другим убеждениям совести. Такой подход подтверждается не только уже имеющимся опытом, но и относительно небольшим числом лиц (ежегодно примерно 600 призывников)¹³, нуждающихся в освобождении от военной службы по религиозным мотивам.

Введение альтернативной службы только по религиозным мотивам, очевидно, не избавит от попытки части призывников избежать военной службы, прикрываясь мнимыми религиозными убеждениями. Следовательно, надо будет определить орган, которому будет предоставлено право замены военной службы на альтернативную, тщательно продумать порядок экспертизы и состав экспертов. В качестве экспертов следует привлекать и представителей религиозных сект, и ученых соответствующего профиля, и военных специалистов, связанных с комплектованием вооруженных сил.

Немаловажный вопрос — выбор места прохождения альтернативной службы. Если его решение возложить на органы местной власти, то это может привести к стремлению их всячески способствовать росту числа лиц, нуждающихся в альтернативной службе. Понять это можно — практически везде есть неквалифицированная, малопrestижная работа и нехватка рабочих рук для нее. В этой ситуации местные интересы могут возобладать над общегосударственными.

Избегать спекуляций на почве религиозных, да и других пацифистских убеждений в последующем поможет изменение продолжительности и характера альтернативной службы. Она не должна прельщать нечестных людей своей легкостью, отсутствием тягот и лишений по сравнению с военной службой. Наиболее оптимальный путь, по нашему мнению, больший срок альтернативной службы по сравнению с армейской.

Проблемы введения альтернативной службы должны всесторонне обсуждаться всеми заинтересованными в этом сторонами.

¹ Копльетерс Б. Верующие и военная служба // Век XX и мир. 1989. № 1. С. 34—35.

² См.: Альтернативная служба: Только ли для верующих // АнФ. 1990. № 13. С. 2—3.

³ См.: Яковлев С. Какой быть церкви? // АнФ. 1990. № 6. С. 5.

⁴ Правда. 1990. 9 окт.

⁵ ЦГА РСФСР. Ф. 353, оп. 2, ед. хр. 696, л. 216.

⁶ РСФСР, Революционный Военный Совет: Сб. приказов. М., 1918. С. 131.

⁷ Революция и церковь. 1919. № 1. С. 29.

⁸ Там же.

⁹ ЦГА РСФСР. Ф. 353, оп. 5, ед. хр. 238, л. 316—317.

¹⁰ См.: Клибанов А. И. Религиозное сектанство и современность. М., 1969. С. 203.

¹¹ ЦГА РСФСР. Ф. 353, оп. 4, ед. хр. 418, л. 2; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 792, л. 87—88; Путинцев Ф. Современное сектанство // Антирелигиозник. 1926. № 4. С. 44.

¹² ЦГАСА. Ф. 4, оп. 1, д. 603, л. 80.

¹³ В армии без оружия // Моск. церков. вестн. 1990. № 15. С. 7.

ІДЭЯ ЕЎРАПЕЙСКАГА ДОМА»: МІФ ЦІ РЕАЛЬНАСЦЬ?

XX век, да канца якога засталася менш за восем год, з'яўляецца эпахальным у гісторыі Еўропы. Складанае асэнсаванне цяжкіх выпрабаванняў дзвюх трагічных сусветных войнаў, а затым «халоднай вайны» прывялі, здаецца, еўрапейцаў да высновы, што яны ўяўляюць сабой згуртаванне кантынентальнага маштабу. Якой будзе Еўропе 2000 года — гэта залежыць, у першую чаргу, ад грамадзян на Усходзе і Захадзе, іх разважнасці, вытрымкі, адказнасці, іншымі словамі, — ад намаганняў і еўрапейскіх народаў, і іх удачай.

Бурныя, хаця і супярэчлівыя змены на кантыненце, адкрываюць шырокія магчымасці для пераўтварэння прасторы ад Атлантыкі да Урала ў больш зручнае і надзейнае месца пражывання больш за паўмільярда еўрапейцаў. Пры тым горкі вопыт мінулага, памылкі і пралікі абедзвюх бакоў нагадваюць усім жыхарам «еўрапейскага дома», што толькі ўзаемная павага, неўмяшанне ў справы іншага, адмова ад сілавой палітыкі могуць даць нам усім новую Еўропу.

Як гавораць, усведамленне — пачатак мудрасці. Калі гэта так, то Еўрапейская суполка і кожная з уваходзячых у яе краін павінны трымаць шырока адчыненымі свае вокны і дзверы і наладжваць узаемавыгадныя сувязі з садружнасцю суверэнных дзяржаў, якія складаюцца ў межах былога СССР.

Як уваходжанне Саюза ў Еўропу (пры любой яго назве і пры наяўнасці любой колькасці рэспублік) пачнецца з прызнання яго лідэрамі і грамадзянамі агульначалавечых каштоўнасцей, а таксама гатоўнасці кіравацца імі ў палітычным і грамадскім жыцці.

Калі паспрабаваць разгледзець гісторыю кантынента, мы прызнаем факт дзівоснага, плённага ўзаемаўзбагачэння еўрапейскіх народаў, выявім шмат павучальнага. Так, пясняр славянскай душы паляк Шапэн — французскага паходжання па бацьку; вялікі рускім пісьменнік Дастаеўскі мае беларуска-польскія карані, а тыповы нямецкі мастак Дзюрэр — вянгерскія; вялікі пясняр Венгрыі — Ліст — паходзіць з немцаў; нацыянальны венгерскі паэт Пяцёфі быў сербам. Аўтар буйнай польскай нацыянальнай эпопеі «Пан Тадэвуш» Міцкевіч быў з літоўцаў, а бацькі Бетховена, які выразна паказаў трывогі і радасці нямецкай душы, былі фламандцамі. Наша гісторыя, такім чынам, складаецца не з нянавісці і расколаў, а хутчэй з сувязей і дыялогу. Наша самасвядомасць трымаецца на творчасці тых, хто пакінуў нам скарбы культуры і складае агульны гонар. І гэта — наша багацце, сапраўдны веліч і шчырае ўкладанне ва ўсеагульную культуру. Таму, калі мы хочам будаваць агульны дом, трэба прыняць нашу спадчыну з усімі яе культурнымі адрозненнямі, асэнсоўваючы агульнасць каранёў.

Агульнаеўрапейскае будаўніцтва немагчыма без стварэння трывалага эканамічнага падмурка. Першыя крокі зроблены, але тым не менш эканамічнае супрацоўніцтва паміж дзвюма часткамі Ейропы знаходзіцца на вельмі нізкай адзнацы. Шматлікія цяжкасці тут можна пераадолець, калі не забывацца, што Еўропу будучага мы жадаем стварыць дзеля добра чалавека, у імя чалавека, яго палітычнай і духоўнай свабоды.

Якую ж стратэгію трэба выбраць Беларусі ў адносінах да гэтага рэгіёна, што хутка змяняецца і перажывае бурны палітычны рост? Перш за ўсё наша рэспубліка не можа дазволіць сабе адстаць ад хуткага цягніка сучаснай цывілізацыі. Мы па духу, можна сказаць, — «еўрапейцы». Але цэлыя дзесяцігоддзі не па добрай волі беларусы жылі ў нейкай меры павярнуўшыся спіной да Еўропы, адгарадзіўшыся ад яе ідэалагічнымі шорамі. Зараз, калі ўсё мяняецца на вачах, калі мы сталі суверэннай дзяржавай, наш шлях — да еўрапейскай інтэграцыі.

Тапаграфічнае месца Беларусі ў Еўропе вызначаецца мерыдыянамі і паралелямі, якія адвёў рэспубліцы лёс. І ўсё ж такі мы ў аднолькавай ступені і Усход Еўропы, і Захад СНД. Рэспубліка наша размяшчаецца ў рэгіёне, праз які пралягаюць найважнейшыя старажытныя шляхі, па іх перасоўваюцца тавары, ідэі і асобы. Калі мы зможам разумна скарыстаць гэтыя магчымасці, то зможам ператварыць рэспубліку ў адзін з філіялаў еўрапейскага кантынента. І гэта не кепскі варыянт.

Грамадзяне Беларусі змогуць суіснаваць, калі яны сумеюць арганізаваць быццё, а не геаграфічнае існаванне ў Еўропе, калі яны наблізяць рэспубліку да сусветнай цывілізацыі. А гэта, акрамя ўсяго іншага, азначае, што

народы і асобы, якія валодаюць вялікімі дабротамі, павінны паступіцца часткай гэтых даброт на карысць іншых народаў і грамадзян, у тым ліку і не вельмі забяспечаных грамадзян Беларусі. Аварыя на Чарнобыльскай АЭС у жорсткай форме нагадала аб узаемнай залежнасці ўсіх народаў: радыеактыўныя хмары, як вядома, не ведаюць межаў.

Гуманнае перапарэмеркаванне матэрыяльных даброт будзе галоўнай гарантыяй захавання грамадскага парадку, які забяспечвае асноўныя свабоды і правы асобы. А менавіта такі парадак заслугоўвае, каб яго сцвярджалі і захоўвалі. І толькі тады, калі выкананне гэтага прынцыпу будзе забяспечана ва ўсіх еўрапейскіх краінах, можна будзе з поўным заснаваннем гаварыць аб стварэнні «агульнаеўрапейскага дома».

Але так сказаць, напэўна, мала. Неабходна рупліва «адсартаваць» з еўрапейскага і саюзнага вопыту тое, што падыходзіць да беларускай спецыфікі, і вызначыць тое, што не прыгодна наогул ці можа быць рэалізавана пазней, у будучым. Патрэбны новыя, набліжаныя да нашых рэалій ідэі, ідэі смелыя і неардынарныя. У першую чаргу, неабходна прызнаць, што нават самая ўражальная ідэя «агульнаеўрапейскага дома» будзе мёртвай да таго часу, пакуль яна не напоўнена канкрэтным зместам. Менавіта таму Еўропа дастаткова халаднавата рэагуе на нашы, нават самыя цікавыя, бяспрэчна, важныя ініцыятывы.

Думаецца, суверэнная Беларусь можа садзейнічаць умацаванню суполкі еўрапейцаў. Важнай прадмовай гэтага можа быць гарантыя непарушнасці межаў у Еўропе. Рэспубліка Беларусь не мае тэрытарыяльных дамаганняў да іншых дзяржаў.

Урад рэспублікі павінен праводзіць палітыку, якая накіравана на замену ваенных саюзаў надблокавымі структурамі, што ўтвараюць зародак агульнаеўрапейскай сістэмы бяспекі. Наказам часу мы лічым распаўсюджванне паняцця бяспекі на сферу эканомікі, навакольнага асяроддзя, культуры, навукі і тэхналогіі.

Беларусь ужо зараз адмаўляецца ад валодання ядзернай, бактэрыялагічнай і хімічнай зброяй і размяшчэння яе, імкнецца да таго, каб аналагічныя мэты мела адзіная Еўропа.

Дасягнуты ўзровень дэмакратыі ў Беларусі звязаны з ажыццяўленнем правоў чалавека. Новы патрыятызм павінны выяўляць нашу прыхільнасць асноўным правам, абешчаным Канвенцыяй аб правах чалавека.

На наш погляд, урад рэспублікі можа весці перагаворы аб распаўсюджванні сферы дзеяння ЕС на сённяшняю суверэнную Беларусь. Асабліва важнае значэнне гэта будзе мець для нашай сельскай гаспадаркі, сацыяльных і экалагічных праграм.

Аб'яднаная Еўропа павінна спрыяць працэсам замацавання міру і ўзаемаразумення на планеце. Дапушчальным інструментам гэтага з'яўляюцца нарады пад эгідай Еўрапейскага палітычнага супрацоўніцтва. Беларусь павінна хадайнічаць аб прадстаўленні ёй права ўдзельнічаць у гэтых пасяджэннях. Доўгатэрміновай мэтай Беларусі павінна стаць імкненне да стварэння справядлівага эканамічнага парадку, які адкрывае перад усімі народамі светлыя эканамічныя перспектывы.

Галоўным базавым момантам для далейшага канструявання «агульнаеўрапейскага дома» з'яўляецца, вядома, дакладнае разуменне таго, у чым еўрапейскія краіны маюць патрэбу ў першую чаргу, у чым можа выяўляцца іх зацікаўленасць у такім «доме», што іх аб'ядноўвае. На гэтае пытанне адназначна адказаць цяжка ўжо таму, што інтарэсы еўрапейскіх краін вельмі разнастайныя. Таму, мусіць, працэс агульнаеўрапейскага будаўніцтва зойме шмат часу. Чым больш разнастайнай будзе гама палітычных, грамадскіх і рэлігійных сіл, якія ўдзельнічаюць у ім, чым глыбей укараніцца ў іх асяроддзе ідэя «агульнаеўрапейскага дома», тым эфектыўней будучы вынікі.

В. М. МАЦЕЛЬ

АГРАРНАЯ РЭФОРМА У КІТАЙСКОЙ ВЭСЦЫ (1978—1988)

Паспяховае ажыццяўленне эканамічнай рэформы ў сельскай гаспадарцы дазволіла Кітайскай народнай рэспубліцы ў сціслыя тэрміны выйсці на перадавыя рубяжы па вытворчасці прадукцыі раслінаводства і жывёлагадоўлі. Так, сярэднегадавая вытворчасць зерня ў краіне дасягнула амаль 400 млн. т¹, што вывела краіну на адно з першых месц у свеце па вытворчасці гэтага віду сельскагаспадарчай прадукцыі.

Найважнейшай гістарычнай падзеяй на шляху радыкальных сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў, якія аказалі кардынальнае ўздзеянне на ўсе галіны народнай гаспадаркі краіны, стаў III пленум адзінацатага склікання ЦК КПК, які адбыўся ў снежні 1978 г. Асудзіўшы «культурную рэвалюцыю» як лявацкі перагіб, кіраўніцтва краіны на чале з Дэн Сяопінам прыняло рашэнне аб правядзенні шэрагу рэформ, мэта якіх — вывесці краіну з найцяжэйшага эканамічнага крызісу, накарміць, апрануць і абуць мільярдны народ. Па ацэнцы амерыканскіх кітаязнаўцаў, на канец 70-х гг. прыблізна 200 млн. кітайцаў пакутвалі ад недаядання².

Пачатак рэформы паклалі рэвалюцыйныя пераўтварэнні ў сельскай гаспадарцы — асноўнай галіне эканомікі, дзе працуе амаль 80 % насельніцтва краіны. «Народныя камуны» з сістэмай харчавання з «адзінага катла» і ўраўняльным прынцыпам размеркавання, якія поўнасцю адчужалі работнікі ў ад сродкаў вытворчасці, былі распушчаны. Кітайская вёска стала арэнай шырокага, у цэлым паспяховага выкарыстання падворнага, ці сямейнага, падраду. Пераход сялянства на новыя формы арганізацыі працы і вытворчасці атрымаў агульную назву «сістэма вытворчай адказнасці». Яе асновай стаў калектыўны, ці звычайны, падрад. Сутнасць яго заключалася ў тым, што звычай, якое поўнасцю выконвала ўстаноўлены бригадай план вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі, за перавыкананне задання атрымлівала паўную грашовую прэмію або частку звышпланавай прадукцыі, што заставалася пасля ўсіх разлікаў звычайна, якая размеркоўвалася паміж усімі членамі ў залежнасці ад іх асабістага працоўнага ўкладу. У той жа час у цяжкадаступных, аддаленых, у першую чаргу горных раёнах краіны, дзе выкарыстанне калектыўнага падраду было нерэальна, рашэннямі пленума дазвалялася скарыстоўваць як выключэнне сямейны, ці падворны, падрад.

Паколькі ў розных правінцыях, паветах і нават асобных раёнах існавалі розныя эканамічныя і палітычныя ўмовы, пастолькі права на існаванне атрымалі самыя разнастайныя варыянты сістэмы вытворчай адказнасці. Аднак усіх іх радзіла тое, што паўсюдна на першым плане знаходзіліся прынцып матэрыяльнай зацікаўленасці працаўнікоў у выніках сваёй працы, выхаванне павялі да правоў уласнасці і дазвол поўнай свабоды ў прыняцці рашэнняў. Усе формы выдзялення гаспадаркі ўлічвалі спецыфіку мясцовых умоў.

Поспех аграрнай рэформы ў кітайскай вёсцы шмат у чым быў прадвызначаны намаганнямі ўрада краіны па ўмацаванню матэрыяльна-тэхнічнай базы сельскай гаспадаркі, павышэнню закупачных цэн на асноўныя віды сельскагаспадарчай прадукцыі, ажыўленню сельскіх кірмашоў, укараненню дасягненняў навукі і перадавой практыкі ў сельскагаспадарчую вытворчасць. Значна палепшылася матэрыяльна-тэхнічнае аснашчэнне вёскі. Так, колькасць машынна-трактарнага парку павялічылася з 2004 тыс. адз. у 1978 г. да 6891 тыс. адз. у 1986 г., ці больш чым у 3 разы, колькасць збожжаўборачных камбайнаў узрасла ў 1,6 разы³. Агульны энергабаланс сельскай гаспадаркі дасягнуў на канец 1987 г. 247,2 млн. квт. г, ці на 50 % болей, чым у 1982 г. У той жа час з укараненнем сістэмы вытворчай адказнасці развіццё матэрыяльна-тэхнічнай базы сельскай гаспадаркі Кітая пайшло ў новым напрамку. Пачаў зніжацца попыт на магутныя сельскагаспадарчыя машыны і абсталяванне: сяляне ўсё часцей набывалі сельскагаспадарчую тэхніку малой магутнасці і паўмеханізаваную (напрыклад, трактары малой магутнасці 12—18 л. с. і матаблокі 4—12 л. с., вадапомпы, сушылькі).

Гэта тлумачылася тым, што такімі машынамі, з аднаго боку, нескладана кіраваць і адначасова іх няцяжка рамантаваць, з другога (і гэта галоўнае) — каштуюць яны адносна нядорага і адпавядаюць маштабам сельскагаспадарчай вытворчасці (сярэдня памер сялянскай дзялянкі 0,5 га), тэхнічнаму, эканамічнаму і культурнаму ўзроўню саміх сялян. На канец 1987 г. трактары малой магутнасці і матаблокі складалі 85,8 % агульнай колькасці трактароў у сельскай гаспадарцы КНР⁴.

У цэлым жа ўзровень механізацыі сельскай гаспадаркі краіны невысокі: з 144 млн. га агульнай пасяўной плошчы ў 1987 г. было ўзарана толькі 40,5 млн. га, а плошча засеянага поля склала ўсяго толькі 13,1 млн. га⁵.

Усё болей удзяляецца ўвагі ўкараненню перадавых навукова-тэхнічных дасягненняў у сельскагаспадарчую вытворчасць. Яскравым пацвярджэннем таму служыць праграма «Іскра», прынятая ўрадам у 1985 г. З гэтай актывізацыі навуковай працы на сяле, удасканалвання структуры і мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі ў рамках гэтай праграмы на працягу 1986—1987 гг. былі выкананы працы па 372 тэмах агульнанацыянальнага і 2500 тэмах рэгіянальнага значэння, У выніку іх рэалізацыі за два гады атрымана дадат-

кова прадукцыі на суму 7,39 млрд. юаняў⁶. У ажыццяўленні праграмы «Іскра» прынялі ўдзел больш за 400 тыс. навукова-тэхнічных кадраў, што ўвайшлі ў сельскагаспадарчую вытворчасць з навукова-даследчых інстытутаў вялікіх гарадоў.

Дзейным стымулам ўзмацнення матэрыяльнай зацікаўленасці кітайскага сялянства ў павелічэнні вытворчасці і продажу сельскагаспадарчай прадукцыі дзяржаве сталі грунтоўныя змены ў палітыцы закупачных цэн. Яны былі падняты ў сярэднім на 20 %, пры гэтым павышэнне іх на звышпланавую прадукцыю складала ад 80 да 88 %⁷.

Комплекс мер, распрацаваных кіраўніцтвам Кітая па ўздыму сельскай гаспадаркі, прывёў да паспяховага ўкаранення ў вёсцы сістэмы вытворчай адказнасці. У той жа час сяляне, аналізуючы і супастаўляючы на асабістым вопыце розныя віды гэтай сістэмы, большую перавагу аддавалі сямейнаму падраду, чым звеннявому, які не ліквідаваў канчаткова ўраўнілаўкі ў размеркаванні. Сямейны ж падрад даваў селяніну магчымасць (пасля таго як ён разлічыцца з дзяржавай па кантракту) прадаваць лішкі прадукцыі або той жа дзяржаве, але ўжо па дагаворных цэнах, або на кірмашы, дзе цэны былі ў некалькі разоў вышэй за дзяржаўныя. Улічваючы настрой большасці сялянства, урад краіны ў пачатку 1983 г. прыняў рашэнне аб паўсюдным пераходзе большасці брыгад на сямейны падрад. На пачатак 1984 года на падворную падрадную сістэму перайшло 99 % усіх сялянскіх сем'яў⁸.

Укараненне сямейнага падраду садзейнічала выяўленню і ўздыму ўнутраных патэнцыялаў сельскай гаспадаркі краіны, у выніку чаго кітайская вёска выйшла са стану працяглага застою. Так, за шэсць гадоў рэформы (1979—1984) валавыя зборы збожжавых культур узраслі з 300 да 400 млн. т. І ў наступныя гады (1986—1988) гэтыя тэмпы амаль захаваліся⁹. Вытворчасць бавоўны за перыяд 1978—1986 гг. узрасла з 2,16 млн. т да 3,54 млн. т: павялічылася ў 1,7 разы. З імпарцёра сельскагаспадарчай прадукцыі Кітай ператварыўся ў яе экспарцёра.

Поспех аграрнай рэформы прывёў да значнага паляпшэння дабрабыту працаўнікоў сяла. Так, калі ў 1978 г. чысты гадавы даход кітайскага селяніна складалаў 134 юані, дык у 1985 г. — ужо 424: павялічыўся ў 3,2 разы¹⁰. Амаль у тры разы павялічыліся за даследуемае дзесяцігоддзе і сярэднегадавыя расходы сялянства на выкарыстанне і куплю будаўнічых матэрыялаў. Рэформа рэзка змяніла аблічча вёскі. На месцы ранейшых хацін выраслі новыя дамы, прывычнымі ў сялянскім доме сталі швейная машына і веласіпед, радыёпрыёмнік і пральная машына. Амаль 90 % сялянства стала жыць у дастатку¹¹.

Аднак у апошнія гады тэмпы росту сельскагаспадарчай вытворчасці пачалі замаруджацца, а валавыя зборы такіх найважнейшых культур, як рыс і бавоўна, нават зніжацца, скарацілася і вытворчасць мяса¹². У 1988 г. вытворчасць зерня зменшылася на 9,2 млн. т у параўнанні з папярэднім годам, збор бавоўны і алею скараціўся адпаведна на 4,3 і 15,9 %¹³.

Сярод прычын, якія прывялі аграрны сектар да пэўнага зніжэння тэмпаў, належыць выдзеліць у першую чаргу непрадуманую інвестыцыйную палітыку. У той час як тэмпы росту сельскагаспадарчай вытворчасці па меры ўкаранення сістэмы вытворчай адказнасці працягвалі ўзрастаць, памеры дзяржаўных капітальных укладаў год за годам пачалі скарачацца. Так, калі ў пачатку рэформы дзяржаўныя капітальныя ўкладанні ў аграрны сектар складалі каля 10 %, дык у 1987 г. — толькі 3 %¹⁴. Да таго ж і мясцовыя (правінцыяльныя, павятовыя) ўлады грашовыя сродкі, што прызначаліся для пад'ёму сельскай гаспадаркі, напраўлялі, як правіла, у больш прыбытковыя (па іх меркаванню) індустрыяльны сектар. Вызначаная нестабільнасць палітычнай сітуацыі ў краіне ў канцы 80-х гг. прымусіла сялян прытрымаць назапашаныя зберажэнні да лепшых часін, чым укладаць іх у развіццё сваёй асабістай гаспадаркі.

Тормазам для росту сельскагаспадарчай прадукцыі ў канцы 80-х гг. стала і цэнавая палітыка. Павялічыўшы закупачныя цэны (у сярэднім на 20 %) у пачатку рэформы, урад пра іх больш не клапаціўся. Больш таго, рэкордны ўраджай 1984 г. стварыў ілюзію таго, што ўсе праблемы рэформы ўжо вырашаны і далейшае развіццё сельскай гаспадаркі будзе ісці толькі па ўзыходнай лініі. Замена ў 1985 г. сістэмы цэнтралізаваных закупак па кантрактных дагаворах з адначасовым увядзеннем свабоднай куплі і продажу ўсіх другіх відаў сельскагаспадарчай прадукцыі прывяло ў далейшым з-за нізкіх цэн на зерне і бавоўну да рэзкага павелічэння цэн на гародніну, тэхнічныя культуры, птушку, рыбу¹⁵. Гэтыя фактары прымусілі сялян пераключыцца з менш рэнтабельнай збожжавай вытворчасці і бавоўнаводства на

вырощиванне гародніны, тэхнічных культур і мяса. У той жа час вынікам значнага росту вытворчасці працы ў аграрным сектары стала вызваленне каля 80 млн. сельскіх працаўнікоў, якія склалі ядро працоўных калектываў зноў створаных пасялковых прамысловых прадпрыемстваў.

Сярод аб'ектыўных прычын, якія выклікалі пэўную затарможанасць у развіцці рэформы, належыць прызнаць значнае абмежаванне пасяўных плошчаў, слабасць матэрыяльна-тэхнічнай базы сельскай гаспадаркі і ў першую чаргу вострую нястачу ўсіх відаў энергіі, неразвітасць транспартнай інфраструктуры. І ўсё ж у цэлым развіццё аграрнага сектара ў 1978—1988 гг. мела прагрэсіўны характар, тэмпы прыросту асноўных відаў сельска-гаспадарчай прадукцыі, такіх, як збожжа, бавоўна, алейныя культуры, мяса, значна апырэджаў рост насельніцтва краіны.

Поспех укаранення сістэмы вытворчай адказнасці быў прадвызначаны тым, што падворная падрадная сістэма адказнасці пакончыла з ураўнілаўкай у размеркаванні даходаў, цесна ўвязала асабісты інтарэсы сялян з вынікамі працы, зрабіўшы іх па-сапраўднаму самастойнымі ў гаспадарчай дзейнасці. Выход аграрных пераўтварэнняў у кітайскай вёсцы паказвае, што на пэўным этапе развіцця сацыялістычнай эканомікі, яе вытворчых сіл скарыстанне індыўідуальных формаў гаспадарання больш эфектыўна, чым калектыўных.

Вывучэнне і крытычнае асэнсаванне гэтага вопыту набывае важнае значэнне ў сувязі з перабудовай гаспадарчага механізма і пераходам эканомікі, у тым ліку і сельскай гаспадаркі нашай рэспублікі, на рыначныя адносіны.

¹ Гл.: Statistical yearbook of China. Goncong, 1987. P. 143.

² Гл.: Алексеев И. А. и др. Американские китаеведы об экономике и политике Китая сегодня и завтра. М., 1989. С. 125.

³ Гл.: Statistical yearbook of China. P. 109.

⁴ Гл.: China Daily. 1988. January 6.

⁵ Там жа.

⁶ Гл.: Женьминь жыбао. 1988. 14 студзеня.

⁷ Гл.: Алексеев И. А. и др. Американские китаеведы... С. 129.

⁸ Гл.: Энциклопедия нового Китая / Пер. с англ. М., 1989. С. 214.

⁹ Гл.: Statistical yearbook of China. P. 143; China Daily. 1988. November 4.

¹⁰ Гл.: XIII съезд КПК и реформа в Китае. Пекин, 1987. С. 60.

¹¹ Гл.: Deng Xiaoping Fundamental issues in present-day China. Beijing, 1987. P. 109.

¹² Гл.: Мост. Пекин, 1988. С. 21—22.

¹³ Гл.: China Daily. 1989. January 6.

¹⁴ Гл.: China Daily. 1988. December 7.

¹⁵ Гл.: XIII съезд КПК и реформа в Китае. С. 44.

Е. Д. СМЕРНОВА

ЧЕШСКИЕ МАСТЕРА XVIII в. В РОССИИ

Разные причины заставляли представителей зарубежных славянских народов переселяться в Россию. Первопричиной чешской эмиграции были культурно-языковая дискриминация и религиозно-политические преследования славян в австрийской монархии.

Белогорское поражение 1620 г. привело к аннексии Чешских земель, утрате независимости землями чешской короны (Чехии, Моравии, Силезии). Австрийские Габсбурги насильственно превратили Чешские земли в провинцию своей полиэтнической монархии, что привело к наступлению феодально-клерикальной реакции, онемечиванию всех сфер общественной жизни. Культура чехов оказалась поставленной в маргинальное положение.

Помимо культурно-языковой дискриминации, религиозных преследований, к миграции подталкивали и такие факторы, как желание усовершенствовать свое мастерство за границей, невозможность найти работу на родине¹.

Эмиграция коснулась прежде всего деятелей чешской культуры. Появление в России выходцев из Чехии сыграло значительную роль в развитии чешско-русских культурных связей, в установлении непосредственных личных контактов между учеными, музыкантами, художниками, театральными деятелями двух славянских стран. Чешские мастера-музыканты появляются при Петре I и со временем становятся обычным явлением в русской музыкальной жизни. обстоятельно освещено развитие чешско-русских музыкальных связей этого периода в сочинении Якоба Штелина «Музыка и балет в России XVIII в.»².

Я. Штелин — личность весьма заметная в культурной жизни России XVIII в. Немец по происхождению, он жил и работал в Петербурге с 1735 по 1785 г. Серьезный знаток искусства Я. Штелин был членом Академии наук, заведовал ее художественным департаментом и помимо этого занимался историей литературы, риторикой, философией, критикой, логикой, журналистикой. Некоторое время был редактором в первой русской газете «Санкт-Петербургские ведомости», а затем — библиотекарем и воспитателем великого князя Петра Федоровича, впоследствии — императора Петра III. Мемуары Я. Штелина о живописи, скульптуре, архитектуре, музыке и балете России — бесценный источник по истории русского искусства XVIII в. Я. Штелин упоминает нескольких богемских музыкантов, работавших при дворе: Кельбеля, Эйзеля и Мареша.

Наиболее яркая личность из них — Ян Антонин Мареш (1719—1794), виолончелист и валторнист. Он приехал в Петербург в 1748 г. С этого времени Россия становится его второй родиной. Я. Мареш был принят в оркестр канцлера императрицы Елизаветы Петровны М. Н. Бестужева-Рюмина, а через три года фаворит императрицы обер-егермейстер С. К. Нарышкин приглашает его руководить оркестром «роговой музыки». А еще через некоторое время чешскому музыканту императрица предлагает место в придворном оркестре. Так Я. Мареш становится капельмейстером императорского двора, но еще долгие годы продолжает совмещать службу капельмейстера в царском оркестре со службой капельмейстера «рогового оркестра» у маршала С. К. Нарышкина.

В русской музыкальной жизни Я. Мареш известен в основном как мастер роговой, так называемой «охотничьей» музыки. С давних пор роговая музыка считалась атрибутом парадной охоты, а затем и концертного быта России. Будучи капельмейстером оркестра С. К. Нарышкина, Я. Мареш ввел ряд нововведений: значительно расширил состав оркестра, а также усовершенствовал конструкции музыкальных инструментов, прежде всего валторны, что дало основание его биографам говорить о нем как о фактическом создателе русской «охотничьей» музыки.

Около 1770 г. в России появляется ученик известного певца и композитора В. Ф. Трутовского — Ян Богумир Прач (?—1819). В. Ф. Трутовский оказал сильное влияние на Прача прежде всего как собиратель народных песен, который с 1776 г. в Петербурге начал издавать первые выпуски сборника «Собрание русских простых песен с нотами». Его работу по собиранию русских и украинских народных и бытовых песен продолжил Я. Прач, выпустивший в 1790 г. «Собрание русских народных песен с их голосами. Музыку для фортепиано положил Иван Прач».

Чешские музыканты стояли у колыбели многих инструментальных оркестров и музыкальных школ, как в крупных культурных центрах Российской империи — Москве и Петербурге, так и в отдельных дворянских поместьях. Так, при дворе служили: капельмейстер Франтишек Тума (1704—1774), контрабасист Т. Фойт (в 1778—1801 гг.), гобоисты Червенка (с 1798 г.), Турек (с 1786 г.), фаготист Зеленка (с 1789)³. Одновременно со знаменитым Я. Марешем в придворном оркестре работал скрипач, клавесист и дирижер Арност Ванчура (1750 — ок. 1802), впоследствии ставший директором придворной оперы. Одним из дирижеров придворного оркестра был уроженец Чехии И. Старцер (1726—1787). Кроме театра, придворный оркестр был занят на торжественных аудиенциях, придворных балах, маскарадах, концертах, в Эрмитаже. Капельмейстеров было несколько. В концертах дирижировал, как правило, И. Старцер, пропагандировавший серьезную музыку. Это он познакомил русское общество с музыкой Глюка, Бенды и многих других.

Подражая царскому двору, многие русские вельможи во второй половине XVIII ст. содержали свои оркестры и театры. Как правило, они состояли из крепостных артистов и музыкантов, но работали там и иностранные мастера. В екатерининскую эпоху только в одной Москве частные театры имели граф Н. П. Шереметев, князь П. М. Волконский, князь Н. И. Одоевский, А. И. Давыдов, И. К. Земятин, Г. И. Бибииков, князь А. И. Гагарин, Н. Н. Демидов, С. С. Апраксин, А. С. Степанов, Д. Е. Столыпин, П. Колычева, князь А. Д. Трубецкой. Последний имел самый большой оркестр (около 60 музыкантов), а капельмейстером у него был чех Михаил Керцель.

Фаворит Екатерины II граф Орлов также имел свой театр с оркестром и капеллу, дирижером которой был друг Моцарта, чешский виолончелист Йозеф Фиала (1748—1816). В 70-е гг. у графа Разумовского служил капельмейстером чех Карел Лау. Современник Я. Мареша К. Лау, вероятно, пер-

вый заменил в русском театре медные рога на деревянные. В 1784 г. К. Лау поступает в качестве капельмейстера на службу к Г. Потемкину, который тоже имел собственный оркестр роговой музыки и хор.

С середины XVIII в. музыка становится непременным элементом дворянского быта России. Обязательным проявлением хорошего тона считалось умение играть на нескольких музыкальных инструментах, знать и исполнять романсы и арии. В дворянских домах музыкальному образованию отводилось много времени, а первыми учителями музыки были, как правило, иностранцы. При Анне Иоанновне и Елизавете Петровне высшее русское общество обучали капельмейстеры и музыканты придворного оркестра: Арайя, Раупах, Гюбнер, Я. Мареш. В 1780—1781 и 1791—1795 гг. в Институте дворянских девиц (впоследствии Смольном) музыку преподавал Я. Прач.

В 1783 г. в России открывается первая музыкальная школа, а основали ее чешские музыканты Михаил Керцель (сын чешского дирижера Франтишека Керцеля) и Антонин Диле (Дило?). В связи с чем в газете «Московские ведомости» было помещено объявление, что в школе М. Керцеля — А. Дило «учиться можно на разных инструментах: скрипке, альте, виолончели, контрабасе, кларнетах, фаготах, гобоях, литаврах и роговой музыке»⁴.

В период расцвета творчества русских живописцев Левицкого и Боровиковского много иностранных мастеров живописи, ваяния, зодчества работало в России⁵. Из чешских художников наиболее известен живописец Мартин Фердинанд Квадаль. Он появился в Петербурге в 1797 г. Как сообщает журнал «Старые годы»⁶, его пригласил в Россию Павел I. Известно, что свои живописные работы Квадаль выставлял в картинной галерее на Невском проспекте, называвшейся тогда «Картинный шалаш». В 1804 г. ему было присвоено звание академика.

Личные контакты были установлены и между мастерами чешской и русской сцены, актерами двух стран. Знакомство с чешскими актерами, их творчеством происходило во время гастролей богемских артистов (например, Э. Тиллова-Шольцова, К. Штейнберга и др.), а также в период деятельности в Москве на рубеже XVIII и XIX вв. труппы чешских актеров, которой руководил драматург и публицист К. Штейнберг.

Безусловно, XVIII век, эпоха Просвещения внесли много нового в развитие контактов Западной и Центральной Европы с Россией. И деятельность зарубежных мастеров в России, в частности выходцев из Чехии — центральной европейской страны с богатыми культурными (прежде всего музыкальными) традициями, — способствовала ознакомлению русского общества с культурой Европы, западнославянской в первую очередь. С другой стороны, они, включаясь в культурную жизнь России, усваивали русский язык, обычаи и становились полноправными гражданами новой родины.

¹ См.: Židek F. Čestí houslisté třetí století. Praha, 1979. S. 27.

² См.: Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века / Пер. с нем. Б. И. Загурского. Л., 1935.

³ См. Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России. Л., 1929. Т. 2.

⁴ Московские ведомости. 1783. № 3.

⁵ См.: Врангель Н. Иностранцы художники XVIII столетия в России // Старые годы. 1911. № 7. С. 7 и далее.

⁶ См.: Яремич С. П. Список картинам // Старые годы. 1916. Апрель — июнь. С. 23—25.

И. А. ЛИСОВЫЙ, К. А. РЕВЯКО

ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРИИ

Изучение античности занимает одно из важных мест в исторической науке Болгарии. Поскольку территория Болгарии являлась частью античного мира, болгарские ученые рассматривают ее древнейшую историю как составную часть национальной истории. Необходимость обобщить результаты болгарского антиковедения нашла частичное отражение в работах как болгарских¹, так и советских ученых².

Одним из ведущих учебных заведений страны по исследованию античности в начале 50-х гг. стала кафедра всеобщей истории Софийского университета, в научной деятельности которой выделяются три направления: изучение истории Древней Греции и Рима, а также памятников древнегреческих и римских колоний во Фракии и Мёзии; изучение общественно-экономиче-

ского строя Фракии и Мэзии на основании литературных и археологических источников; организация научно-исследовательской работы студентов. Весомыми в те годы были научные успехи кафедры классической филологии и кафедры археологии того же университета, а также античных отделов института истории и института археологии Болгарской АН. Важными центрами по изучению античного культурного наследия оказались национальный археологический музей БАН в Софии, археологические музеи в Бургасе, Старой Загоре, Силистре и некоторые другие региональные музеи. Большую организаторскую деятельность провели в то время научные журналы и периодические сборники, например: «Исторически преглед», «Векове», «Годишник на Софийския университет» и др.

Огромную работу провели болгарские антиковеды по исследованию источниковедческой базы: археологические раскопки фракийских, греческих и римских центров на территории Фракии, их систематизация, публикация археологических объектов и сводов античных памятников, изучение и публикация найденных в Болгарии античных надписей и монет, а также систематизация сведений античных авторов о Фракии³. Значительных успехов достигли болгарские исследователи и в подводной археологии.

Стержневой проблемой исследований болгарских антиковедов на протяжении 40 лет является история и культура Фракии. Еще на первой научной археологической сессии страны (1950) был разработан комплексный план, объединивший усилия всех археологов Болгарии. С тех пор сформировавшаяся новая отрасль науки — фракология стала одной из важных лодий по исследованию всемирной историографии.

Большую роль в развитии болгарского антиковедения сыграл институт фракологии БАН, ставший в 70-х гг. организующим и целенаправляющим центром всех фракологов. Уже в первом, организованном им, международном конгрессе по фракологии (1972) приняло участие около 300 ученых из 24 стран мира. В работе института, как и в работе всех болгарских фракологов, можно выделить следующий ряд аспектов: исследование размещения фракийских племен и взаимоотношений между ними, их культуры и искусства; греческая колонизация (апойкизация), взаимоотношения фракийцев с греками; возникновение Одрисского государства, его социально-экономическое и политическое развитие; взаимоотношение Фракии со скифами и другими племенами и государствами; македонская гегемония и фракийские земли; фракийская диаспора; Фракия во время римской экспансии на Балканы, завоевание Римом фракийских земель и образование провинции Фракия, ее дальнейшая история и культура в составе Римской империи.

Из множества работ, посвященных рассматриваемой проблеме, выделим наиболее известные и важные. Одной из первых работ болгарской фракологии была монография Хр. М. Данова «Древняя Фракия»⁴. В ней нашел отражение ряд основных вопросов, связанных с источниковедческим анализом и историографией фракийских земель. Рассматриваются вопросы социально-экономического и политического развития древнефракийских племен. Особое внимание автор уделил исторической географии фракийских земель. Рассматривая вопрос о греческой колонизации, Хр. Данов не только дает ей оценку как катализатора экономического и культурного развития Фракии, но и определяет ее значение для всего греческого мира. Центральное место в книге занимает глава об Одрисском царстве, в которой автор пересмотрел свое отношение к полисной организации фракийских поселений, раскрыл роль фракийской общины в возникновении и формировании социальной структуры Одрисского государства.

Своеобразным переломом в болгарской фракологии, как и во всем антиковедении, явились 70-е гг. Ученые значительно расширили круг исследований благодаря накопленному археологическому материалу, что позволило поставить и частично решить многие, не исследованные до тех пор, вопросы, например, — об этногенезе и этнокультурном развитии фракийских племен в доримскую эпоху, о демографической и социальной структуре древней Фракии, а также об исторической географии фракийских земель⁵.

Заслуживает также внимания работа В. Велкова и А. Фола о роли фракийцев и иллирийцев в историческом развитии древнего мира⁶. Говоря об этнической картине Балкан, авторы подчеркивают, что к концу II тыс. до н. э. в результате миграций племен и народностей Юго-восточной Европы и Восточного Средиземноморья существенно изменилась этническая карта Балкан. В конце I тыс. до н. э. появляются две основные группы, объединившие многочисленные этнические племена — фракийцы и иллирийцы. Они существовали вместе с эллинами вплоть до поздней античности.

вии рабского труда и преобладании общинного землевладения в Римской Фракии. Д. Николов обратил внимание на следы большого количества вилл в этой провинции — центров крупных землевладельческих комплексов. Автор насчитал 5 тыс. таких вилл, около одной тысячи из которых принадлежало фракийскому этносу. Общая площадь, охватываемая виллами, составляла одну пятую обрабатываемой во Фракии земли, что свидетельствует о большом удельном весе крупного землевладения. В имениях, по мнению автора, было занято около 300—400 тыс. человек, т. е. одна четверть всего населения провинции. Это дает основания Д. Николову определить Фракию как район с развитым рабовладением еще в середине I века до н. э. (в соответствии с датировкой постройки вилл).

Проблемы рабства периода римского господства изучались болгарскими исследователями в двух аспектах: гладиаторы и гладиаторские игры во Фракии, а также восстание рабов под предводительством Спартака. Итоги этих исследований рассматривались на международном научном симпозиуме, посвященном 2050-летию спартаковского восстания (1977 г.), в Благоевграде.

В заключение выражаем сердечную благодарность коллеге Ивану Тодорову за ознакомление с рукописью данной статьи и ценные пожелания.

¹ Иванов Т. Прочувания на града през римската и ранновизантийската епоха в България (1944—1964) // Археология. VI. 1964. Кн. 3; Катинчаров Р. Прочувания на бронзовата епоха в България (1944—1974) // Археология. XVII. 1975. Кн. 4; Тачева-Хитова М. Българската тракология в периода 1966—1970 г. // Известия на Българското историческо дружество. 1972. Т. 28; Попов Д., Тачева М. Съвременното състояние на прочуванията по история българските земи в древности // Университетски изследвания и преподавания по българска история у нас и в чужбина. София, 1982.

² См.: Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980, Мурыгина Н. Ф. Проблемы развития общественного строя римских провинций Фракии и Мёзии в современной болгарской историографии // Уч. зап. МГПИ. 1967, № 275; Штаерман Е. М. Две новые работы по социально-экономической истории Фракии // Вестник древней истории. 1971. № 4.

³ См. Извори за историята на Тракия и траките. Т. 1. / Состав. В. Велков и др. София, 1981.

⁴ См.: Данов Хр. Древна Тракия. Изследвания върху историята на българските земи, северна Добруджа, източна и егейска Тракия от края на IX до края на III в. пр. н. е. София, 1969.

⁵ См.: Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия: I хилядолетие преди новата ера. София, 1970; Демирадев П. Принос към историческата география на Тракия. София, 1953. Т. 2; Фол А., Стридинов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н. е. София, 1983. Т. 1; Атлас. Т. 2.

⁶ См.: Велков В., Фол А. Ролята на древните балкански народи (траки и илири) в историческото развитие на античния свят // Археология. XVIII. 1976. Кн. 1.

⁷ См.: Велков В. Икономическо развитие на тракийските земи през античността // Икономич. мисъл. 1981. № 4; Венедиктов И. Земледелието при траките // Развитие на земеделството по българските земи. София, 1981; Роров V. Problemes du developpement socio-economique de la Thrace durant (e premier millenaire av. n. ere) // Pulprudeva. 3 Plovdiv, 1978; Sofia, 1980.

⁸ См.: Данов Хр. Към история на рабството в древна Тракия // Исторически преглед. V. 1948—1949. Кн. III—IV; Велков В. Рабството в Тракия и Мизия през античността. София, 1967.

⁹ См.: Фол А. Политическа история на траките. Края на второто хилядолетие до края на петти век преди новата ера. София, 1972.

¹⁰ См.: Фол А. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975.

¹¹ См.: Жуглев К. Економическите връзки фракийските земи с егейским миром и древним Востоком в доримское время // Thracia. 1975. № 3. Фол А. Тракия и европейския югоизток // Международен семинар по римска керамика, септ. 1975 г. Велико Търново, 1975; Тачева-Хитова М. Древния Фракия и Юго-Восток Европы. София, 1976; Марков К. Трако-атински отношения в Егейска Тракия през VI—V в. пр. н. е. // Thracia antiqua. 1977. № 2.

¹² См.: Балканска А. Тракия и елинистическия свят // България в света от древността до наши дни. София, 1979.

¹³ См.: Тончева Г. О фракийцах нынешних Украины, Молдавии, Добруджи и Северо-восточной Болгарии в XI—VI вв. до н. э. // Studia Thracia. 1975. № 1; Крикин С. Траките в Боспор: Факты и гипотезы // Thracia antiqua. 1978. № 4.

¹⁴ См.: Велков В. Българските земи под римска власт (I—VI в.) // Векове. 1977. № 5; Velkov V. Roman Citizens in Bulgaria (Collected Studies). Amsterdam, 1980; Геров В. Beiträge zur Geschichte der römischen Provinzen Moesien und Thracien. Amsterdam, 1980.

¹⁵ См.: Геров В. Земевладението в Римска Тракия и Мизия (I—III в.). София, 1980; Николов Д. Селското хозяйство в Римской Фракии // XV конференция «Эйрена». София, 1978.

ЛЮ ЯНЬЯНЬ, О. И. ТИТОВ

СЛУЧАЙНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

Древний и вечно новый спор о детерминизме и индетерминизме, случайности и необходимости проходит через всю историю мышления и теорию познания и получает в каждую историческую эпоху свою особую постановку сообразно с накопленным практическим опытом, теоретическим знанием и определенной философской картиной мира. Эти проблемы поднимаются как в естественных, так и в общественных науках, периодически обостряются и приобретают особую актуальность в переломные эпохи, подобные переживаемой ныне нашей отчизной, Китаем и рядом других стран.

Стержнем современной постановки этого вопроса является диалектика обратимости и необратимости, соотношение однозначно-детерминистских классико-механических и статистических законов, которые не поддаются осмыслению в рамках ньютоновой механики. По классико-механическим представлениям статистика и вероятность входят в естествознание только вследствие недостаточности наших знаний.

Квантовая физика, молекулярная термодинамика и теория диссипативных систем, напротив, принимают вероятностные и статистические законы как объективную, фундаментальную характеристику материального мира.

По классико-механическим представлениям движение не только отдельных частиц, но и любых систем в принципе обратимо, что выражается в симметричности уравнений ньютоновой динамики относительно знака времени. В то же время и практический опыт, и развитие научного знания говорят нам, что из обратимых по отдельности изменений микрообъектов (напр., молекул) складывается необратимое поведение макросистем. Для индивида, поскольку не принимается во внимание его собственный системный характер, характерны те или иные единичные изменения, а для системы — эволюция, качественные изменения.

Правда, еще Л. Больцман на некоторое время примирил микрообратимость с макронеобратимостью в поведении больших систем вероятностно-статистическим истолкованием второго закона термодинамики, объясняющим локальные антиэнтропийные процессы. Но такое объяснение антиэнтропийных процессов (от хаоса к порядку), ограниченное исключительно молекулярно-динамическим аспектом движения, приписывающее таким процессам ничтожно малую вероятность, ставило их на одну доску с абсолютной случайностью, типа чуда Джинса, и, вследствие технической и временной ограниченности человеческого бытия, страдало пороком принципиальной непроверяемости. В лучшем случае можно было сказать, что наблюдаются физические явления, не противоречащие такому объяснению, и в этом отношении оно мало отличалось от гипотез *ad hoc*. Это во-первых. Во-вторых, с этой точки зрения, было совершенно непонятно, почему для обширнейших классов систем (напр., биологических) антиэнтропийное поведение является не исключением, а правилом. Будучи приемлемым для объяснения регрессивных изменений, оно явно недостаточно для понимания изменений прогрессивных. Приемлемое для замкнутых систем, оно очевидно неприемлемо для открытых систем.

Эти и специально-математические недостатки больцмановской концепции были еще в прошлом веке подвергнуты критике рядом математиков и есте-

ствоиспытателей (Пуанкаре, Цермело, Лосмидт). Эта критика, по сути дела, поставила вопрос о границах истинности больцмановских представлений и выявила логическую независимость однозначно-детерминистских (классико-механических) и вероятностно-статистических постулатов в термодинамике Больцмана. Признание «равноправия» однозначно-детерминистской и вероятностно-статистической компонент в теоретических конструкциях физики и в самой природе долго пробивало дорогу через приверженность классико-механическим представлениям. Даже после создания квантовой механики и всеобщего признания вероятностного смысла ψ -функции многие физики еще надеялись на сведение вероятностно-статистических квантово-механических законов к однозначно-динамическим, что лучше выразил Эйнштейн словами: «Вог не играет в кости». Но такая редукционистская программа выведения статистически-необратимого поведения макросистем из однозначно-детерминистского взаимодействия микрообъектов постоянно наталкивается на непреодолимые трудности (как, напр., гипотеза о «скрытых параметрах» в квантовой физике), и ее возможности в разрешении одной из самых больших загадок науки — проблемы необратимости становились в глазах ученых все более и более сомнительными.

Специалисты-ученые и философы науки, напр., К. Поппер, стали все чаще приходить к заключению, что необратимая эволюция макросистем несводима к механической суперпозиции однозначно-детерминистских взаимодействий микрообъектов, что в природе существует иная форма причинной связи, не укладывающаяся в однозначные причинные цепи, что в поведении макросистем кроется нечто, выходящее за рамки ньютоновой механики, и что для понимания этого нечто необходимо ввести в теорию вероятностные предпосылки.

Последующее развитие естествознания только укрепило эту методологическую позицию. Теория диссипативных систем дает достаточные основания для вывода, что поведение макросистемы как целого не равно линейной суперпозиции поведения составляющих ее частей, что в итоге взаимодействия частей целое приобретает качественно новые характеристики, не присущие его частям; в связи с чем переход в процессе познания от одного уровня строения систем к другому, от одного уровня структурной организации материи к другому уровню выдвигает новые проблемы, приводит к ломке некоторых фундаментальных представлений, в частности к отказу от линейно-однозначной причинности, к переосмыслению соотносительной роли необходимости и случайности в эволюции систем.

Совсем иную картину действительности предлагает неравновесная термодинамика. Системы, находящиеся вдали от состояния равновесия, особенно сильно неравновесные системы, реагируют на воздействие внешних параметров таким образом, что при этом возрастает взаимодействие, взаимосогласованность в поведении их частей и подсистем, уменьшается число степеней их свободы, что и выражается в термине «когерентность». В таких ситуациях незначительные флуктуации вблизи критических (бифуркационных) точек при взаимодействии нелинейных сил могут увеличиться настолько, что переведут систему в новый режим функционирования, придадут ей новый вид макроупорядоченности.

Таким образом, случайность играет здесь двоякую роль: деструктивную, дестабилизирующую — по отношению к нынешнему качественному состоянию системы, нынешнему виду ее упорядоченности и режиму функционирования, и конструктивную — по отношению к выбору системой нового вида упорядоченности, нового режима ее функционирования. Случайность органически вписывается в историю системы, превращается из несущественного, побочного фактора в фактор системообразующий, выполняя роль пускового механизма разрыва непрерывности, перехода к новому качеству. Характер случайности, т. е. качественная определенность флуктуаций в бифуркационных точках или в малых окрестностях этих точек, определяет собой характер качественного скачка системы, следующий детерминистски-необходимый отрезок ее истории.

Если Л. Больцман еще в прошлом веке показал, что без введения в физику на равных правах с однозначным детерминизмом вероятностных представлений и, следовательно, случайности невозможно рациональное осмысление второго начала термодинамики и однонаправленности времени, то последующее развитие науки привело исследователей к заключению, что вероятностные законы сами по себе хоть и необходимы для понимания необратимых эволюционных процессов, но недостаточны, что не вероятностные законы являются причиной временной асимметрии, а, скорее, наоборот, «лю-

ствоиспытателей (Пуанкаре, Цермело, Лошмидт). Эта критика, по сути дела, поставила вопрос о границах истинности бoльцмановских представлений и выявила логическую независимость однозначно-детерминистских (классико-механических) и вероятностно-статистических постулатов в термодинамике Больцмана. Признание «равноправия» однозначно-детерминистской и вероятностно-статистической компонент в теоретических конструкциях физики и в самой природе долго пробивало дорогу через приверженность классико-механическим представлениям. Даже после создания квантовой механики и всеобщего признания вероятностного смысла ψ -функции многие физики еще надеялись на сведение вероятностно-статистических квантово-механических законов к однозначно-динамическим, что лучше всех выразил Эйнштейн словами: «Бог не играет в кости». Но такая редукционистская программа выведения статистически-необратимого поведения макросистем из однозначно-детерминистского взаимодействия микрообъектов постоянно наталкивается на непреодолимые трудности (как, напр., гипотеза о «скрытых параметрах» в квантовой физике), и ее возможности в разрешении одной из самых больших загадок науки — проблемы необратимости становились в глазах ученых все более и более сомнительными.

Специалисты-ученые и философы науки, напр., К. Поппер, стали все чаще приходиться к заключению, что необратимая эволюция макросистем несводима к механической суперпозиции однозначно-детерминистских взаимодействий микрообъектов, что в природе существует иная форма причинной связи, не укладывающаяся в однозначные причинные цепи, что в поведении макросистем кроется нечто, выходящее за рамки ньютоновой механики, и что для понимания этого нечто необходимо ввести в теорию вероятностные предпосылки.

Последующее развитие естествознания только укрепило эту методологическую позицию. Теория диссипативных систем дает достаточные основания для вывода, что поведение макросистемы как целого не равно линейной суперпозиции поведения составляющих ее частей, что в итоге взаимодействия частей целое приобретает качественно новые характеристики, не присущие его частям; в связи с чем переход в процессе познания от одного уровня строения систем к другому, от одного уровня структурной организации материи к другому уровню выдвигает новые проблемы, приводит к ломке некоторых фундаментальных представлений, в частности к отказу от линейно-однозначной причинности, к переосмыслению соотносительной роли необходимости и случайности в эволюции систем.

Совсем иную картину действительности предлагает неравновесная термодинамика. Системы, находящиеся вдали от состояния равновесия, особенно сильно неравновесные системы, реагируют на воздействие внешних параметров таким образом, что при этом возрастает взаимодействие, взаимосогласованность в поведении их частей и подсистем, уменьшается число степеней их свободы, что и выражается в термине «когерентность». В таких ситуациях незначительные флуктуации вблизи критических (бифуркационных) точек при взаимодействии нелинейных сил могут увеличиться настолько, что переведут систему в новый режим функционирования, придадут ей новый вид макроупорядоченности.

Таким образом, случайность играет здесь двойную роль: деструктивную, дестабилизирующую — по отношению к нынешнему качественному состоянию системы, нынешнему виду ее упорядоченности и режиму функционирования, и конструктивную — по отношению к выбору системой нового вида упорядоченности, нового режима ее функционирования. Случайность органически вписывается в историю системы, превращается из несущественного, побочного фактора в фактор системообразующий, выполняя роль пускового механизма разрыва непрерывности, перехода к новому качеству. Характер случайности, т. е. качественная определенность флуктуаций в бифуркационных точках или в малых окрестностях этих точек, определяет собой характер качественного скачка системы, следующий детерминистски-необходимый отрезок ее истории.

Если Л. Больцман еще в прошлом веке показал, что без введения в физику на равных правах с однозначным детерминизмом вероятностных представлений и, следовательно, случайности невозможно рациональное осмысление второго начала термодинамики и однонаправленности времени, то последующее развитие науки привело исследователей к заключению, что вероятностные законы сами по себе хоть и необходимы для понимания необратимых эволюционных процессов, но недостаточны, что не вероятностные законы являются причиной временной асимметрии, а, скорее, наоборот, «лю-

бая вероятностная интерпретация становится возможной лишь после того, как временная симметрия нарушена», «что вероятность уже предполагает направленность времени»¹.

Кроме того, если причиной однонаправленности времени и макроскопической необратимости эволюции являются действующие на макроуровне случайность и вероятность, то остается непонятным, почему одни системы (классической термодинамики) эволюционируют к хаосу, беспорядку, а другие, например, живые системы, столь же подверженные действию случайностей и вероятностных законов и на микро-, и на макроуровне, упорно эволюционируют, как правило, в противоположном направлении? Как оправдать эволюционную парадигму в науке?

Ответить на эти вопросы нельзя, ограничиваясь объектами классической физики и термодинамики и соответствующими им идеализациями. В центре внимания этих наук стоят относительно простые замкнутые системы и равновесные состояния. Через призму этих идеализаций и производных от них теоретических построений исследователи пытались осмыслить и открытые, неравновесные системы, что, естественно, приводило к противоречию с эволюционной парадигмой науки и к теориям типа тепловой смерти вселенной.

Во второй половине нашего века исследования автоволновых колебаний и квантовых генераторов, открытие циклических реакций и исследования автокатализа, исследование информационных процессов в технических и живых системах и т. д.— все это подготовило почву для радикальной смены методологических установок, смещения акцента с равновесных систем на неравновесные, изменения представлений о соотношении порядка и хаоса. Стало ясно, что изолированные системы и производные от них идеальные объекты, достаточные для анализа физических процессов при абстрагировании от процесса их развития, должны играть подчиненную роль при изучении эволюции сложных систем, законы движения которых отличны от законов, которыми исчерпывается поведение систем классической термодинамики, и что для этих систем понятия порядка и беспорядка лишь в вырожденных, предельных случаях соответствуют больцмановским идеализациям. «Источником порядка является неравновесность,— считает И. Пригожин.— Неравновесность есть то, что порождает порядок из хаоса»². Как мы уже сказали, неравновесные системы могут эволюционировать от хаоса к порядку благодаря взаимосогласованности, когерентности в флуктуациях, которая придает случайности не только деструктивную, но и конструктивную, системообразующую роль.

В больцмановских идеализациях микрочастицы в своем движении абсолютно независимы друг от друга (по крайней мере, на протяжении длины свободного пробега), и потому случайности в них могут играть только разрушительную, ведущую к хаосу роль. В неравновесных системах случайности, флуктуации не столь независимы, как в системах классической термодинамики. В них флуктуации «узнают» друг друга, связываются взаимными корреляциями, уменьшается число их степеней свободы, беспорядочное движение сменяется когерентным, переводящим систему в новое качество, в новый устойчивый режим функционирования. Если в устойчивом режиме функционирования система чувствительна только к сильным внешним воздействиям и гасит случайные внутренние структурные и функциональные отклонения от нормы, то, перейдя в неустойчивый режим, она оказывается не только чрезвычайно чувствительной к случайным внешним воздействиям, но и сама начинает генерировать внутренние случайности, флуктуации, ее поведение утрачивает однозначную определенность и становится непредсказуемым или, в лучшем случае, предсказуемым в рамках некоторого спектра возможных состояний. В этом случае ничтожная (в обычных условиях) случайность может оказать решающее влияние на выбор дальнейшего необходимого направления эволюции. Случайность переходит в необходимость через когерентность. Сама случайность оказывается необходимым условием закономерного развития. Необходимость включает в себя случайность в качестве своего структурного элемента.

Такие закономерности в поведении сильно неравновесных систем обусловлены их открытостью и внутренними взаимодействиями их частей и подсистем и подтверждают, во-первых, истинность и важность диалектико-материалистического тезиса о всеобщей связи и взаимообусловленности явлений, во-вторых, подтверждают тезис о саморазвитии как атрибутивном свойстве материи и, в-третьих, показывают, почему движение от хаоса к порядку (вплоть до высших форм упорядоченности в биологических и социальных системах) столь же закономерно, как и противоположное движение от порядка

к хаосу. Они делают понятным, почему в сильно неравновесных системах вероятности совмещения и согласованного действия многочисленных случайностей, необходимых для образования высокоупорядоченных систем, напр., предбиологических, вовсе не так малы, как это представляется с позиций абстрактных теоретико-вероятностных расчетов классической термодинамики и молекулярной физики, и почему их нельзя оценить только по формуле умножения вероятностей независимых случайных событий.

В рамках классической молекулярной физики и термодинамики уравнения движения, даже в случае нарушения временной симметрии, могут получать симметричные решения (с бесконечно большой энтропией в прошлом и будущем), причем остается без ответа вопрос, почему в одних случаях природа выбирает одно из этих решений в соответствии со вторым началом термодинамики, а в других — противоположное.

Теория диссипативных систем дает ответ на этот вопрос. Она убеждает, что случайность и закономерность, порядок и хаос не разделены китайской стеной. Так, напр., флуктуации, последовательно удваивающие период колебаний в периодическом процессе (последовательность Фейгенбаума), делают его с течением времени практически неотличимым от хаотического и в пределе превращают в апериодический, хаотический процесс, а турбулентный хаос, описанный в пространствах с дробной размерностью, обнаруживает признаки упорядоченности, что открывает возможности прогнозирования его развития и управления им.

Философское осмысление поведения диссипативных, или шире — неравновесных, систем дает ключ к пониманию многовариантности развития и конструктивной роли случайности в эволюционном процессе. Роль случайности в поведении неравновесных систем вынуждает к пересмотру идущего от Энгельса и Гегеля понятия узловой линии отношений меры, поскольку отношения меры в общем случае представимы в виде не однолинейной, а ветвящейся структуры, а «узловая линия отношений меры» оказывается предельным случаем или (если рассматривать ее ретроспективно) фрагментом этой более общей структуры.

Изучаемые в физике и химии диссипативные системы являются подклассом более широкого класса открытых неравновесных систем, к которым относятся также биологические и общественные системы. Это явилось объективной основой теоретических обобщений, приведших к появлению науки синергетики, созданием которой мы обязаны прежде всего И. Пригожину. Многие теоретико-методологические обобщения, полученные этой наукой, имеют не только познавательное, но и практическое значение. Например, если в общем случае нельзя сформулировать какие-либо общие правила выявления дестабилизирующих систему (бифуркационных) параметров и положение критических (бифуркационных) точек, невозможно предсказать качественную природу и положение каждой отдельной дестабилизирующей случайности (флуктуации), то все же в некоторых достаточно хорошо изученных и освоенных на практике областях, по-видимому, имеет смысл поставить вопрос об общем, инвариантном содержании и характере взаимодействия флуктуаций, о бифуркационных параметрах, о количественных или, по крайней мере, о качественных критериях определения близости системы к бифуркационным точкам. Принципиальную возможность решения таких вопросов и их теоретическую и практическую значимость едва ли можно оспаривать: с ними люди сталкиваются едва ли не в любой исследовательской и практической деятельности.

Высокая степень общности и фундаментальный характер законов развития неравновесных систем послужили основой тех философских обобщений, которые легли в фундамент синергетики — науки о саморазвитии любых материальных систем, от физических до социальных включительно. Разумеется, при всей теоретико-методологической важности синергетики было бы наивно надеяться на решение всех указанных вопросов исключительно ее средствами, без привлечения общепризнанных знаний и теоретического арсенала и практического опыта соответствующих специальных областей. Но опасна также и недооценка или игнорирование возможностей синергетики, наклеивания на нее ярлыка редукционизма. Да послужит нам предостережением печальный опыт ниспровержения генетики и кибернетики в Советском Союзе и Китае!

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 368, 327.

² Там же. С. 357.

ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: ГЕНЕЗИС И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Современная техногенная цивилизация¹, поставив во главу угла ускороенное развитие техники, научно-технический прогресс, породила ряд проблем, требующих философского осмысления. Первостепенная из них — проблема взаимоотношения человека и искусственно созданной им материально-технической среды, противостоящей естественно-природной среде и в то же время безгранично расширяющей потенциальные возможности самореализации человека, меняющей само представление о культуре, об Универсуме. Попытки разобраться в этих вопросах предпринимают все философские направления, и прежде всего философия техники, получившая широкое распространение в XX в., когда, как верно заметил Н. Бердяев, «вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры»².

Воздействие техники на духовную сферу общества вызвало к жизни такое сложное многоплановое явление, как технократическое сознание, генезис и функционирование которого избраны предметом данной статьи. Автор исходит из необходимости отказа от упрощенного противопоставления технократизма и гуманизма, пытается осмыслить технократическое сознание в более широком философско-социологическом контексте.

Прежде всего необходимо выяснить, когда взаимодействие техники и человека порождает тот феномен, который называют технократическим сознанием? Человек и технические средства труда существуют столько, сколько существует сам процесс материального производства. Исторически развитие технических средств (орудий труда) обогнало развитие человека в трудовом процессе, что породило несколько подходов к этому явлению: а) абсолютизацию технического прогресса с его последующей мифологизацией; б) недоверие к человеческому фактору производства, культуре в целом, поскольку человек в своем развитии никак не может угнаться за техникой и остается ведомым элементом в системе «человек — техника». Эта точка зрения нашла наиболее полное отражение в теории «культурного отставания» У. Огборна³.

Несмотря на зависимое положение человека в производственном процессе, технократическое сознание поначалу еще не существовало, поскольку на первом плане находилось господство неведомых человеку стихийных сил природы, его бессилие перед ними. В марксизме этому периоду соответствуют доисторические ступени культуры (дикость, варварство)⁴. Н. Бердяев называет эту стадию в истории человечества природно-органической, когда человек полностью зависим от объективного мира, не выделяет себя из природы, относится к ней как к объекту поклонения⁵. Это время господства мифологического и традиционного религиозного сознания, согласно которым человек и мир подчинены Высшей силе.

Технократическое сознание появляется как особая ориентация общественного сознания, как его направленность на абсолютизацию роли научно-технического фактора в общественном развитии только в эпоху Возрождения, на стадии активного овладения человеком природой и создания искусственной технической реальности. Однако вплоть до XX в. оно остается на вторых ролях, значительно уступая другим ориентациям (гуманистической, религиозной и т. д.). Технократическое сознание явилось детищем техногенной цивилизации со всеми ее плюсами и минусами, своеобразной попыткой ее осмысления. Оно впитало в себя главные ценности техногенной цивилизации: 1) оно базируется на объективном фундаменте научных законов (посему центральный элемент технократического сознания — технократическое мышление); 2) приоритетная роль отводится им технике, научно-техническому фактору в целом, а научно-технические инновации приветствуются как стимул и движущая сила развития общества; 3) привилегированная позиция в социальной структуре отводится научно-технической элите как социальной группе, от которой напрямую зависит проведение в жизнь НТП и якобы базирующегося на нем социального прогресса.

Апогея технократическое сознание достигает на индустриальной стадии общества (или, по Бердяеву, на стадии машинизма). Исторически развитые формы технократического сознания возникли в передовых капиталистических странах в XX в., когда материальный базис (прежде всего, уровень развития техники) объективно созрел для новых общественных отношений (для обобществления производства, нового типа управления и организации

и т. п.). Не случайно первые «классические» технократические теории были созданы в Германии и США, а носителями технократического сознания стали инженеры, привилегированные технические специалисты, обладавшие реальной производственной властью, но лишённые власти политической. В технократических теориях обосновывалась идея так называемого «промышленного переворота», «революции управляющих»⁶, которые позволили бы научно-технической элите занять позиции элиты властвующей.

В современных индустриально развитых странах социальная база технократизма расширилась. Носителем технократического сознания выступает значительная часть «среднего класса». Это высококлассные технические специалисты, управляющие разных уровней, представители науки, тесно связанные с НТП и производством, владельцы и совладельцы средних и малых фирм, чье благосостояние «завязано» на внедрении научно-технических новинок, квалифицированные рабочие,— словом, все те, кто не мыслит существования цивилизации без современных научно-технических достижений, в чей образ жизни прочно внедрились наука и техника. Для этих слоев достоинства техногенной цивилизации многократно перекрывают ее недостатки.

Уровень развития технократического сознания как одной из основных ориентаций общественного сознания в индустриально развитых странах является косвенным показателем реального уровня их технико-экономического развития. Как способ духовно-практической ориентации человека в мире технократическое сознание отличается от других видов направленности (религиозной, политической и т. д.) общественного сознания своими ценностями и идеалами. Научно-технические слои, основные носители технократического сознания, чьи специфические интересы прежде всего оно выражает, как правило, становятся сознательными распространителями его идей и мифологом, привлекая под свои знамена довольно широкие слои, заинтересованные в быстром НТП: квалифицированных рабочих, служащих, многие отряды работников умственного труда. Чем больше сторонников находит технократическое мировосприятие и технократическая картина социальной реальности, тем более причудливыми мифами они обрамляются. Практически современное технократическое сознание «подпитывается» и воспроизводится всеми реалиями западного мира. В нем переплетаются элементы сциентистского мышления, абсолютизирующего техническую рациональность и эффективность, с фаталистической верой в техническое всемогущество. Как на быденном, так и на теоретическом уровне технократическое сознание насыщено техномифемами (такими, например, как ФАБРИКА — символ индустриального мира, КОМПЬЮТЕР — «опознавательный знак» информационного общества, АВТОМОБИЛЬ, МЕГАМАШИНА и др.). И это естественно: технический фетишизм всегда был присущ сознанию, сформировавшемуся в условиях техногенной цивилизации, сколь бы высокого уровня ни достигала научная мысль. Различие лишь в том, какое место занимают элементы мифологизации реальности в структуре сознания.

На наш взгляд, можно выделить три формы функционирования технократического сознания, связанные с уровнями проявления в нем технологического фетишизма: утопическую, мифологическую и прагматическую. Три формы проявления технологического фетишизма выделил Араб-Оглы⁷ на основе общего анализа товарного фетишизма, выполненного К. Марксом в «Капитале»⁸. Каждая форма технократического сознания соответствует преобладающей в ней форме технологического фетишизма (хотя остальные его формы тоже присутствуют в каждой из них).

Утопическое технократическое сознание — это, прежде всего, его теоретический уровень, воплощенный в теоретических построениях, в концепциях на базе технологического детерминизма (собственно технократических, менеджеристских, индустриалистских и, наконец, информационно-компьютерных). Оно функционирует в данном случае на уровне науки и идеалов. В утопическом технократическом сознании представлен систематизированный идеализированный образ технократического будущего, построенный в соответствии с требованиями науки и техники. Это чисто идеальная конструкция наподобие «идеального типа» М. Вебера. Решение большинства социально-экономических и политических проблем в утопическом обществе зависит от уровня компетентности и образованности научно-технической элиты, находящейся у власти, а также от информированности широких масс. В этих концепциях с помощью научных методов обосновываются идеи технократической революции, технократического правления и т. п. Типичный пример — американские концепции Ст. Чейза, Дж. Гэлбрейта и др.

Мифологическое технократическое сознание — это искаженная форма со-

знания, соединяющая некоторые, взятые «готовыми» черты технократической утопии и иррациональной, превращенной в миф действительности, «жизненного мира». Эта форма технократического сознания наиболее насыщена техномифемами и элементами фетишизма. При этом, как отмечает Ст. Хилл, из всех значимых мифологических символов создается некая мифологическая картина мира, «технология сама становится культурным текстом»⁹. Мифологическое сознание функционирует на уровне идеологии и пропаганды, с легкостью внедряется в обыденное массовое сознание. Историческим примером мифологической формы технократического сознания может служить упрощенный вариант технократического мироосмысления, присущий Г. Скотту и его сторонникам в 30-е гг. в США¹⁰, а также сложившееся у нас в настоящее время квазитехнократическое сознание, сплошь мифологизированное¹¹. Носителями данного типа сознания могут быть как сторонники НТП, так и его противники (гуманитарии — сторонники «романтизма»), как бюрократия, так и специализированные научно-технические круги и широкие слои населения. В литературе наиболее ярко этот тип сознания отражен у Л. Мэмфорда, Ж. Эллюля, Г. Скотта.

Прагматическое технократическое сознание — это чисто деловой, обыденный уровень сознания. Его основные элементы — научно-технические стереотипы, шаблоны инженерной и обыденной деятельности, исходящие из приоритета научно-технических средств в решении любой проблемы. Оно может быть ярко эмоциональным, иметь четкую духовно-практическую направленность. Его носителями являются, кроме специалистов, и широкие круги населения, через которые утверждаются (в межличностном общении, в семейно-бытовой сфере, в воспитании и т. п.) стереотипы, эмоции, характерные для прагматического сознания. На этом уровне любая проблема предстает как решаемая техническими средствами, раскладывающаяся по полочкам. Например, ликвидация последствий радионуклидного заражения населения в результате аварии в Чернобыле предстает как проблема обеспечения населения соответствующими дозиметрическими приборами, а медицинских учреждений — новейшей техникой, лечебными препаратами и т. д. Типичные примеры проявления прагматического уровня технократического сознания приводят норвежский ученый Т. Норденстам и советский психолог В. Зинченко¹².

В реальном обществе могут одновременно сосуществовать несколько форм технократического сознания. В логическом плане прагматическое сознание является производной формой от мифологического либо утопического сознания, это как бы «сниженное», обыденное сознание. Преодолеть технократические стереотипы труднее всего на этом уровне: ведь именно здесь оно может подкрепляться различными реальными фактами успешного научно-технического развития, которые при желании можно истолковать в пользу технократизма.

Все упомянутые формы технократического сознания являются традиционными и редукционистскими. Они недооценивают роль нравственных императивов в общественной жизни, подводят под мораль прагматическую рационалистическую основу, не учитывают возросшее значение экологии в современном обществе. В условиях нравственного кризиса общества и обострения экологических проблем в конце XX века подобные формы мировосприятия неизбежно вытесняются другими, более адекватными изменяющимся социальным условиям, либо подвергаются коренной реконструкции.

Для технократизма путь обновления и трансформации начался в 70-е гг. с развития новейших концепций информационно-компьютерного общества Й. Масуды, Э. Тоффлера, Дж. Найсбита и др. авторов, когда в ткань традиционных технократических представлений о «технологической цивилизации» были включены идеи, ориентированные на человека, а сугубо техницистские идеалы и нормы потеснены идеями синергизма, глобализма и самоактуализации личности.

Таким образом, по мере развития информационно-компьютерной революции и перерастания западного общества из индустриального в информационное технократическое сознание претерпевает существенные изменения. Оно, будучи весьма адаптивным и эклектичным, впитывает в себя ценности новой модели общественного устройства, абсолютизирующей роль компьютерной техники и информатики: признание наряду с технологической, экологической и нравственной детерминант общественного развития, новую роль человека в производственном процессе, переориентацию с потребительских установок на ценности гармонического развития индивида и общества, признание целостности Универсума, в котором природа и общество неразрывно

взаимосвязаны. Новый вариант технократического сознания¹³ плюралистичен и сохраняет неизменной только ведущую роль научно-технического фактора в преобразовании мира, человека, его образа жизни. Этот новый вариант включает лучшие элементы как рационалистически-позитивистского, так и антропологического направления (в традиционном их понимании). На наш взгляд, синтетический вариант технократического сознания имеет реальные шансы на будущее.

* В информационном обществе сама новая компьютерная технология требует существенного возрастания роли человеческого фактора в производстве. Более того, она предлагает возможность индивиду наконец-то подняться до роли активного субъекта исторического процесса, творца. В этом смысле можно говорить о начале перехода из царства необходимости (доиндустриальная цивилизация + индустриализм) в царство свободы (высшая стадия информационного общества). Новая технология, дав необходимый стимул творческому саморазвитию личности, затем как бы отходит на второй план, вступает в гармонические взаимоотношения с развившимся до высоты творческой личности индивидом. С этого времени, по мнению авторов информационных концепций, можно будет говорить о возможном компромиссе между «техническим разумом» и принципами «экологического гуманизма». По-видимому, этот путь компромисса (если он осуществим) наиболее приемлем с точки зрения сохранения основных научно-технических достижений техногенной цивилизации и предотвращения гибели человеческого общества (в глобальной экологической катастрофе или ядерной войне).

Что касается советского общества, то в нем реальное технократическое сознание не получило сколько-нибудь существенного развития, несмотря на старания ряда социальных критиков объяснить провалы в советской экономике и политике «проявлениями технократизма». Причина недостаточного развития технократического сознания — прежде всего, низкий уровень собственно индустриального развития советской экономики и общества: низкая производительность труда, резкое торможение НТП, высокий процент ручного неквалифицированного труда, низкий профессионализм управленческого аппарата, примат идеологии и политики над экономическими законами и т. д. Вместе с тем в советском обществе культивировалось так называемое квазитехнократическое сознание, которое «подпитывалось» мифами о «передовых позициях» нашей страны в научно-технической революции, о «рационализме» плановой системы хозяйствования, о «лучшей в мире» советской науке и технике и т. п. Наличие этого мифа служило господствовавшей административно-командной системе идеологическим прикрытием, с помощью которого общественному сознанию внушалась мысль, что вину за те или иные ошибки, кризисные явления следует возложить на технократию. Партийно-бюрократическая элита умело уводилась из-под критики, а трудящиеся массы верили, что, избавившись от элементов технократизма, общество достигнет желаемого высокого уровня социального развития и материально процветания.

Реальность постепенно рассеивает эти иллюзии. Разоблачение псевдотехнократического мифа, наряду с ускорением коренных экономических преобразований в реальной жизни, — это конкретный шаг на пути к гармонизации взаимоотношений в системе «человек — техника» в нашем обществе, к его постепенному мучительному восхождению на современный уровень техногенной цивилизации.

¹ См.: Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3.

² Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147.

³ Ogburn W. F. On culture and Social Change. Chicago, 1964.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 33.

⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 149.

⁶ Veblen T. The Engineers and the Price System. New-York, 1921; В у r a h a m J. The Managerial Revolution. New-York, 1941.

⁷ А р а б - О г л ы Э. А. Обозримое будущее. М., 1986. С. 72—73.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 82.

⁹ Hill S. The Tragedy of Technology. London, 1988. P. 87.

¹⁰ См.: A K i n W. Technocracy and American Dream. Berkeley, 1977.

¹¹ См.: Г и т а р е н к о Л. Г. Технократическое сознание: присуще ли оно советскому обществу? // Философ. науки. 1991. № 1. С. 3.

¹² См.: Вопросы философии. 1990. № 1. С. 33; N o r d e n s t a m T. Technocratic and humanistic Conceptions of development. Helsingborg, 1985. P. 22.

¹³ M a s u d a J. The Information Society as Postindustrial Society. Washington, 1983.

ПРИНЦИП ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Наука на рубеже третьего тысячелетия вступила в новую (постнеклассическую) стадию развития, что связано с изменением ее облика и соответственно сложившейся научной картины мира ¹.

На каждом этапе развития научной картины мира можно выявить специфические принципы, составляющие ее фундаментальную основу и оказывающие доминирующее влияние на формирование мировоззрения. В настоящее время научная картина мира формируется как целостное видение мира, включающее в свой контекст и неживую, и живую, и социальную материю. Этому целостному видению мира соответствуют новые принципы, учитывающие многообразие различных наук и в то же время находящие в них общее содержание.

К фундаментальным принципам научной картины мира XX и грядущего XXI века философы и естествоиспытатели все чаще относят идеи о всеобщности эволюционного процесса.

Представления об универсальности процесса эволюции реализуются в специфической концепции, которая получила название глобального эволюционизма. Язык глобального эволюционизма позволяет дать единообразное описание разнообразных процессов неживой природы, живого вещества, общества ². Концепция глобального эволюционизма включает определенную совокупность конкретных научных знаний и ряд философско-мировоззренческих установок. В этой связи она может быть отнесена к тому слою знания, который в нашей философско-методологической литературе обозначается понятием «научная картина мира».

Именно для современной научной картины мира характерно включение идей глобального эволюционизма как основополагающих принципов ее построения и фундаментальной основы синтеза знаний. Для такого утверждения есть необходимые основания, причем не на уровне метафизических рассуждений, а на уровне конкретно-научных данных. В этом смысле вряд ли можно согласиться с утверждением Л. В. Фесенковой, что естествознание дает лишь весьма слабое обоснование идеи глобального эволюционизма ³.

Как представляется, определяющую роль в утверждении идей глобального эволюционизма сыграли теории биологической эволюции и развитая на ее основе концепция биосферы и ноосферы, теория самоорганизации (синергетика) и теория эволюционирующей Вселенной.

Для биологии принцип развития является фундаментальным со времен Ч. Дарвина. Эволюционное учение Дарвина, выявившее закономерности развития органического мира, сыграло решающую роль в утверждении концепции развития в науке. В нем, пожалуй, впервые была сформулирована мысль о понимании процессов исторического развития живой природы как процесса саморазвития. Благодаря эволюционной теории в науке получил обоснование принцип историзма, идея саморазвития, а человек стал рассматриваться как естественный и закономерный этап в эволюции природы.

Эволюционная теория, начиная с 20-х годов нашего столетия, дала начало новому направлению эволюционного учения, которое связано с именем В. И. Вернадского и которое называют учением об эволюции биосферы и ноосферы. Биосфера, по В. И. Вернадскому, представляет собой целостную систему, обладающую высокой степенью самоорганизации и способную к эволюции. Она обуславливается существованием в ней живого вещества — совокупности живых организмов. Сам человек и человечество теснейшим образом связаны с живым веществом, от которого они реально никаким физическим процессом не могут быть отделены. Это возможно только в мысли. А это значит, что человек тесно связан со всем остальным миром и свою деятельность он обязан строить в соответствии с законами развития этого мира, тем более, что в последние годы наблюдается интенсивный рост влияния одного вида живого вещества — цивилизованного человечества — на биосферу. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — ноосферу ⁴.

Концепция биосферы и ноосферы с достаточной очевидностью демонстрирует взаимосвязанность и взаимозависимость уровней организации в живой природе. Но эволюционная теория и созданная на ее основе концепция биосферы и ноосферы, несмотря на то, что она объясняла множество фактов, до определенного времени не давала оснований для перенесения принципа раз-

вития в полном объеме на неживую природу. Дело в том, что в науке длительное время существовало кажущееся противоречие между физикой и биологией, сложившееся еще в XIX веке. Имеются в виду те следствия, которые вытекали из эволюционной теории Дарвина и второго начала термодинамики. Согласно эволюционной теории Дарвина, в мире происходит непрерывное появление упорядоченных форм, все более сложно организованных систем. Второе начало термодинамики гласит: эволюция физических систем ведет к тому, что изолированная система с необратимостью движется к состоянию равновесия. Иначе говоря, если биологическая теория выделяла созидание, то термодинамика — разрушение порядка, непрерывный рост энтропии. Эти коллизии между физикой и биологией требовали разрешения, которого можно было достичь, как представляется, на пути экстраполяции принципа развития в его полном объеме на неживую материю.

Такая возможность возникла в результате формирования особого междисциплинарного направления, получившего название синергетики. Специфика синергетики заключается в том, что она уделяет внимание согласованному синергичному процессу самоорганизации в системах самой различной природы (и неживых, и живых, и социальных системах)⁵. Довольно долго самоорганизация соотносилась только с живыми системами, что же касается неживых — считалось, что если они и эволюционируют, то лишь в сторону хаоса и беспорядка (что обосновывалось опять же вторым началом термодинамики). Но здесь возникал существенный вопрос, решение которого трансформировало бы сложившееся видение (картину) мира. Этот вопрос связан с объяснением того, как из систем неживой природы могут возникнуть объекты живой природы, способные к самоорганизации. Вставал очень важный в методологическом отношении вопрос о взаимоотношении неживой и живой материи, взаимосвязи наук. Чтобы разрешить возникшую проблему, требовалось иначе посмотреть на исследуемые объекты. На протяжении нескольких поколений физика элиминировала «фактор времени» из своего рассмотрения, а механическая картина мира носила вневременной характер. В принципе это могло быть оправдано, так как классическая наука изучала преимущественно замкнутые, простые системы, уделяя внимание устойчивости, равновесности, однородности и порядку. Однако уже после формулировки второго начала термодинамики под сомнение был поставлен вневременной характер механической картины мира. Современная же наука ясно осознала, что большинство систем являются открытыми, обменивающимися веществом, энергией и информацией с окружающим миром, а определяющую роль приобретают неравновесные состояния. Существующая картина мира и основанная на ней теория оказались непригодными для описания и объяснения такого рода систем. Возникла потребность в выработке нового видения мира, в которое с необходимостью должен войти фактор времени.

Важный вклад в разработку нового подхода был внесен И. Пригожиным и его школой. В экспериментальных исследованиях было продемонстрировано, что, удаляясь от равновесия, системы приобретают принципиально новые свойства и начинают подчиняться новым законам. При сильном отклонении от равновесной термодинамической ситуации возникает новый тип динамического состояния материи, названный И. Пригожиным диссипативными структурами. Неравновесные состояния несут в себе «стрелу времени» и являются источником порядка, порождая высокие уровни организации⁶. И. Пригожин и П. Гленсдорф предприняли попытку сформулировать универсальный закон эволюции, который мог бы быть применен как для живой, так и для неживой материи. Это закон самоорганизации и эволюции любой системы. Речь фактически идет о расширении класса самоорганизующихся систем, о возможности применения явлений самоорганизации и к неживой, и к биологической, и социальной материи⁷.

Синергетика дала основания выявить общие закономерности развития мира; впервые возникла научно обоснованная возможность преодолеть существовавший длительное время разрыв между живой и неживой природой, установить взаимосвязь между науками, осознавая качественную специфику каждой из них. Жизнь не выглядела более как очаг соприкосновения второму началу термодинамики. Она возникала как следствие общих законов физики с присущей ей специфической кинетикой химических реакций, протекающих в далеких от равновесия условиях⁸.

Можно утверждать, что синергетика дала необходимую естественно-научную базу для установления взаимосвязи между всеми элементами мира — неживой, живой и социальной материей — и бесспорно может рассматри-

ваться как один из факторов формирования концепции глобального эволюционизма.

Наряду с биологической теорией эволюции и синергетикой важную роль в утверждении принципов глобального эволюционизма сыграли теории расширяющейся и раздувающейся Вселенной, которые существенно трансформировали современные представления о мире, введя идею космической эволюции в качестве неотъемлемого компонента в научную картину мира. Идея эволюции обоснованно была включена в неорганический мир, возникла возможность установления некоторых общих оснований между различными сферами реальности, а соответственно и различными науками: в частности, теория раздувающейся Вселенной позволила объяснить взаимосвязь между эволюцией Вселенной и процессом образования элементарных частиц⁹. Претерпел изменение и взгляд на Вселенную как на нечто однородное и изотропное: она теперь представлялась состоящей из многих локально однородных и изотропных мини-Вселенных¹⁰. Наблюдаемая Вселенная стала рассматриваться как часть Вселенной как целого, что выдвинуло ряд закономерных вопросов: почему наша Вселенная такая, как она есть? Является ли возникновение человека случайным или закономерным? Какое место человек занимает в эволюционирующей Вселенной? Один из вариантов ответа базируется на антропном принципе в его «слабом» варианте (наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с существованием нас в качестве наблюдателей) и «сильном» (Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей)¹¹.

Антропный принцип вводит исследователей в мировоззренческую плоскость, заставляя вновь задуматься над вопросом о месте человека в мире, его отношении к этому миру. Новые данные космологии позволяют сделать вывод о том, что объективные свойства Вселенной создают возможность возникновения жизни, разума на определенных этапах ее эволюции. Эти научные результаты, свидетельствующие об эволюционном характере наблюдаемых процессов, также дают основания рассматривать их как фактор утверждения принципа глобального эволюционизма в современной научной картине мира.

Итак, развитие современного естествознания, прежде всего его фундаментальных отраслей — физики, астрономии, биологии, дает конкретно-научное обоснование идеи глобального эволюционизма. Глобальный эволюционизм можно рассматривать как концепцию, относящуюся к уровню научной картины мира, в основе которой лежит принцип взаимосвязи самоорганизующихся систем разной степени сложности, объясняющий возникновение новых структур.

Эти принципы, составляющие фундамент научной картины мира, устанавливают взаимосвязь между уровнями организации материи, закономерно включая человека в контекст своего рассмотрения. Можно констатировать: на современном этапе осуществляются определенные изменения в развитии научной картины мира в сторону эволюционизма, что, в свою очередь, приводит к изменению мировоззренческих оснований.

¹ См.: Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10.

² См.: Мойсеев Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Там же. № 8. С. 53.

³ См.: Фесенкова Л. В. Идея глобального эволюционизма, естественнонаучный, мировоззренческий и аксиологический аспекты // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М., 1986. С. 39.

⁴ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Мысль как планетное явление. М., 1977. С. 13—14; 19.

⁵ См.: Хакен Г. Синергетика. М., 1985. С. 9.

⁶ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 54; 25.

⁷ См.: Jantsch E. The self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution. Oxford, 1980.

⁸ См.: Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. М., 1973. С. 260.

⁹ См.: Гут А. Г., Стейнхардт П. Дж. Раздувающаяся Вселенная // В мире науки. 1984. № 7; Линде А. Д. Раздувающаяся Вселенная // Успехи физических наук. 1984. Т. 144. Вып. 2.

¹⁰ См.: Линде А. Д. Раздувающаяся Вселенная // УФН. 1984. Т. 144. Вып. 2. С. 210.

¹¹ См.: Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория и наблюдения. М., 1978. С. 372—373.

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА, РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ДИДРО

В философском наследии Дидро значительное место занимают проблемы естественного права. Его взгляды формировались в идейной борьбе с теологическими представлениями о государстве и праве, роли религии и церкви в современном ему обществе. Дидро примыкал к представителям школы естественного права Гуго Гроцию и Пуфендорфу. Отказавшись от теологической оболочки их учения, он выступил против идеи о божественном происхождении власти и показал, что всякая власть имеет земное происхождение и зависит от людей. «Не члены общества созданы главою, а глава создан ими»¹.

Отвергая так называемое феодальное право, Дидро оценивал многие его положения как неправо и произвол, как нормы, обеспечивающие монархии свободу притеснения подданных. Будучи просветителем, он видел в праве общечеловеческую ценность. «Говорите себе чаще: я человек, и у меня нет иных подлинно неотъемлемых естественных прав, помимо тех, которые принадлежат человечеству» (7, 204).

Дидро является представителем рационалистического направления в интерпретации теории естественного права. В его учении право — это то, что предшествует закону и является выражением справедливости. Право есть принцип справедливости. В соответствии с этим тезисом справедливо не то, что существует, а общая воля, воля народов, равенство сословий и прав. Справедливо, чтобы каждый человек имел такие же права, как и всякий другой. Это достигается путем воспитания и просвещения не только всего народа, но прежде всего — законодателей. Только просвещенный законодатель, говорит Дидро, обладающий достаточно развитым интеллектом и имеющий познания в правилах законотворчества, в своей законодательной практике может адекватно отразить всеобщее требование справедливости.

Из учения Дидро о естественном, основанном на законах природы праве, вытекало то, что государство должно выражать волю большинства народа. «Воля отдельных лиц ненадежна, она может быть и богатой, и дурной, а общая воля всегда является благой, — она никогда не обманывается» (7, 204). Никакая личная воля не имеет права претендовать на господство над общей волей. Никто не может устанавливать законы, руководствуясь лишь личными соображениями. «Покорность всеобщей воле есть связующее начало всех обществ... Если даже предположить изменение понятия всеобщей воли у народов, то сущность естественного права от этого не меняется, ибо она всегда будет относительным выражением всеобщей воли и общего желания человеческого рода» (7, 205).

У Дидро тесно связано понятие естественного права с понятием естественного закона. Если естественное право является выражением общей воли, то естественный закон «есть вечный и неизменный порядок, которым мы должны руководствоваться в наших действиях». Вскрыть внутреннюю зависимость этих понятий мыслитель пытается через категории «добро» и «зло». Он утверждал, что естественный закон «основан на существенном различии между добром и злом» (7, 206). Хотя мнения людей о добре и зле весьма различны, тем не менее между ними есть существенное и объективное сходство. Это могут установить мыслящие люди. «Вечное различие добра и зла, нерушимый закон справедливости, устанавливается одобрением всех мыслящих и рассуждающих людей, ибо нет человека, которому в серьезных обстоятельствах не случилось бы добровольно преступать это правило, который не чувствовал бы при этом, что он действует против своих собственных принципов и против света своего разума и не упрекал бы себя за это втайне» (7, 206).

Дидро хочет доказать, что исторически существующие системы права необходимо содержат в себе в достаточной степени элементы разумного естественного начала, а не являются оторванным от реальной действительности результатом случайного стечения обстоятельств или продуктом чистого умозрения. Таким образом, его взгляды на естественное право и естественный закон логически вытекают из учения о человеке как существе биосоциальном.

Идея естественного права у Дидро приняла четко выраженную антирелигиозную направленность. Он выступил против теории «божественного права», делавшей бога творцом тех прав и законов, которые освещали социаль-

ную действительность. Нормы естественного права являются важным принципом оценки мыслителем существующего строя. «Вы имеете священнейшее естественное право на все, что у вас не оспаривается всем человеческим родом» (7, 204). Дидро последовательно стремился сузить сферу влияния духовенства на государственные институты. Социально-политическая концепция философа послужила методологической основой его взглядов на государственную власть и религию. Он систематически разоблачал религиозный фанатизм, утверждая, что церковь не должна вмешиваться в дела государства, что цели гражданского и религиозного общества различны. Вмешательство церкви в управление государством вело лишь к разнообразным злоупотреблениям, противоречащим общественным интересам. «Я не склонен допускать вмешательства в действия верховной власти тех лиц, которые проповедают перед сувереном волю высшего существа и говорят от имени этого существа все, что им вздумается» (10, 420). Однако, хотя Дидро и была близка идея отделения церкви от государства, он все же оказался в этом вопросе менее последовательным, чем в свое время Мелье.

Дидро видел, каким злом для народа является церковь с ее огромным аппаратом. Исходя из принципа общественного интереса, мыслитель показывает, что частные интересы класса имущих, в том числе и церкви, входят в противоречие с интересами всего общества. Он считает, что основой экономической структуры общества должен быть общий принцип: если человек хочет быть счастливым, то он должен считаться и с другими людьми, которые также хотят счастья. Человек не только не должен вредить другим людям, а более того, должен находить удовольствие в оказании добра другому. Вполне понятна поэтому неприязнь, которую вызывают у него монахи и монахини, давшие ложный обет бедности, отречения от мира, воздержания, которые много говорят о любви к ближнему, а в действительности действуют, исходя из своекорыстных, эгоистических интересов.

Дидро критикует христианство за стремление поддержать деспотические режимы, социальная деятельность которых находится в противоречии с общественными интересами. Рассматривая деспотическую власть как законченную систему несправедливости, он считает, что тем самым она подрывает основу собственного положения, становится неустойчивой. Пагубный характер носит и социальный облик деспотизма, делающего каждого подданного рабом высшей власти. Испытывая на себе ненависть всего общества, деспотизм оказывается бессильным перед лицом этой ненависти, поэтому он обречен на неминуемую гибель. Дидро показал, что тирания и религия одинаково враждебны народу, что между ними существует тесный союз и что религия и церковь своим авторитетом прикрывают произвол и насилие. Несмотря на то, что короли, говорит он, представляют собой лишь надменных тиранов, а народ является лишь рабом под их деспотическим игом, тысячи льстецов угрожают им во всем, выдавая их пороки за добродетель. «Не будучи в состоянии один пользоваться своей тиранической властью и сгибать народ ярмом своих распущенных желаний, он (тиран) вынужден вступать в союз со своими испорченными министрами. Его выбор непременно падет на людей развращенных, знающих справедливость лишь для того, чтобы нарушать ее, добродетель — чтобы унижать ее, законы — чтобы обходить их» (7, 241). Особенно преуспели в этом служители религии. Священники поддерживают и одобряют установление непосильных налогов, разорение горожан и сельских жителей, развязывание кровопролитных войн. Более того, духовенство, возгордившееся своей властью, нередко оспаривало права у королей. Дидро постоянно указывал на то, что церковь всегда выступала притеснительницей политических свобод. «Горе нации, у которой воспитание юного короля вверено священнику! Священник будет воспитывать короля для бога, то есть для самого себя. Он станет вбивать ему в голову два принципа: отказ от разума и глубокую преданность религии; он постарается развить в нем нетерпимость и независимость от всякой другой власти, кроме власти божьей» (10, 422). Дидро отмечал, что связь религии с политикой установилась еще в давние времена. Уже у древних египтян политическое и религиозное были взаимосвязаны. У египтян цари подлежали надзору жрецов. Монархи, не угодные богам, получали от их служителей повеление убить себя.

Говоря о тесной связи и взаимовыгодном союзе религии с деспотизмом, Дидро обращал внимание на то, что в сложные периоды истории они защищают друг друга и помогают друг другу. Часто монархия просила содействия у церкви в борьбе против социальных движений своего времени. С другой стороны, если христианская церковь не могла своими силами справиться

ся с еретическими движениями и вольнодумцами, она обращалась за помощью к светской власти. «Когда народу возвещают какой-нибудь догмат, противоречащий господствующей религии, или что-нибудь противное общественному спокойствию, то пусть провозвестник даже подтверждает свое призвание чудесами: правительство имеет право прибегнуть к мерам крайней строгости» (1, 108).

Как и другие французские материалисты, Дидро усматривал отсталость той или иной страны не в трудностях экономического развития, а в засилии деспотизма и религии, которые всегда были тормозом развития человечества, препятствием на его пути к счастью. «Я охотно сказал бы государям: если вы хотите, чтобы ваши законы соблюдались, пусть они никогда не противоречат природе; я сказал бы духовенству: пусть ваша мораль не препятствует удовольствиям невинного характера. Громите, угрожайте сколько будет угодно, открывайте перед нашими глазами врата ада — вы все равно не заглущите во мне желания быть счастливым. Желание быть счастливым есть первая статья того кодекса, который предшествует всякому законодательству, всякой религиозной системе» (10, 440—441).

Дидро справедливо отмечал, что светская власть пользуется религией, как политическим средством угнетения своих подданных. «Дурные короли нуждаются в дурных богах, дабы у них черпать примеры для своей тирании; они нуждаются и в священниках для того, чтобы заставить почитать этих богов-тиранов» (10, 421). Отмечая тесную взаимосвязь государства и религии, исследователь приближался к верному пониманию реакционной социальной роли религии, но тем не менее его рекомендации сводятся к тому, что мудрая и просвещенная политика должна строго предписывать священникам темы, на которые они могут говорить публично, и не позволять им отклоняться от этих тем под угрозой тяжких кар. Важно отметить, что Дидро настаивал на подчинении религии и церкви интересам государства, на ограничении политической активности ее служителей. Он считал, что церковь должна вести свою деятельность только исходя из интересов всего общества. Это, конечно, не самое радикальное требование к религии и церкви, но тем не менее положительное значение его не следует упускать из виду.

Критикуя связь религии с монархией, понимая, что в системе монархического режима невозможно ликвидировать религию, он ограничивался рекомендациями, направленными против религии. «Расстояние между алтарем и троном должно быть как можно большим. Опыт всех времен и всех стран показал, сколь опасным для трона является близкое соседство алтаря» (10, 420). Он не видел классовой основы этой связи, которая основывалась на феодальной собственности на орудия и средства производства, на феодальной эксплуатации, не понял, что корни религии лежат в любом эксплуататорском способе производства, что и новые, идущие на смену феодальному способу производства, буржуазные экономические отношения, в основе которых лежит все та же эксплуатация человека человеком, не смогут ликвидировать, а лишь только приспособят религию к своим нуждам и целям.

В трудах Дидро довольно остро ставился вопрос о несовместимости религиозной идеологии с политической свободой. «Любой разумный человек, окинув беспристрастным взором все земные религии, не может не усмотреть в них сплетение сумасбродных и лживых утверждений, систему, в которой имеются следующие ранги: бог, жрец, король, народ. Может ли суверен согласиться на такой порядок? Даже в демократическом государстве религия приводит к печальным последствиям» (10, 422).

Постоянно разоблачая связь религии с политическим деспотизмом, Дидро считал, что народы до тех пор не обретут свободы, пока не освободятся от опоры на религию, которая губит возведенное на ней здание. «Поэтому мой совет суверенам: унижайте, сколько вы можете, ту систему лжи, которая унижает вас самих» (10, 422). Дидро связывает свои надежды с просвещенным монархом, что, безусловно, ослабляет его критику политического союза религии и деспотизма. Тем не менее его идеи о реакционной роли религии и церкви в общественной жизни и их несовместимости с политической свободой не утратили актуальности. Однако политическая критика религии у Дидро не переросла в критику ее социально-классовой основы. Это связано с тем, что он рассматривал духовенство не как элемент классовой системы феодализма, а лишь как социальную группу, относящуюся к имущим слоям общества. Необходимо отметить и то, что французский мыслитель преувеличивал роль религии в жизни общества: в ней он видел источник всех зол и несчастий, включая экономическую отсталость страны. Дид-

ро не понял, что могущество церкви лишь отражало степень господства феодализма, препятствующего развитию новых экономических отношений. Идеалистическим, по существу, было и его мнение о том, что с устранением религии исчезнут все проблемы.

Анализируя политическую и правовую действительность, Дидро решительно отвергал религиозную трактовку политики и права. Целью государства, по его мнению, является примирение с помощью закона противоречий между всеобщей и индивидуальной волей и подчинение индивидуальной воли всеобщей.

Во взглядах на право Дидро придерживался рационалистической трактовки теории естественного права. Он рассматривал соотношение права и закона через категории добра и зла, вечное различие которых считал нерушимым законом справедливости.

¹ Дидро Д. Собр. соч. Т. 10. С. 464. Дальнейшие цитаты даются в тексте с указанием тома и страницы издания (в скобках).

Ж. М. ГРИЩЕНКО, А. В. ДОРИН

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИКА

Влияние общественного мнения на реальную политику нестабильно. Нестабилен и уровень его притязаний, категоричности: просьба, рекомендация, ультимативное обращение.

Правомерно говорить о конкретных формах влияния общественного мнения на официальные политические институты. На наш взгляд, эти формы могут быть следующими: а) одобряет предполагаемые политические решения и создает таким образом властям психологический режим уверенности в принятии и осуществлении этих решений; б) выражает протест в отношениях каких-либо фактически принятых решений, выступает за их отмену; в) требует выполнения каких-либо принятых решений; г) предлагает властям свои варианты решений.

Игнорирование общественного мнения в политике порождает кризис доверия к властным органам, конфликтность между ними и общественностью, а в условиях демократической системы это приводит и к краху политической карьеры государственных деятелей. Известны случаи, когда принимаемые в разрез с общественным мнением политические решения оказывались эффективными, время доказывало их правомерность, а вместе с этим менялось и общественное мнение об этих решениях и принимавших их официальных лицах. В данном плане можно выделить две ситуации, различные по характеру и вероятным последствиям: 1) принимается политическое решение, а затем происходит его осознание общественностью и вырабатывается негативная оценка этого решения; 2) предлагаемое к принятию политическое решение уже заранее не одобряется общественным мнением; таким образом, официальное принятие этого решения происходит как откровенный вызов общественности и сложившейся в ее сознании установке.

Соответствие политики общественному мнению не всегда возможно и эффективно. Во-первых, это связано с тем, что по многим проблемным и внезапно возникающим фактам политической жизни оно просто отсутствует, т. е. сознание общества не успевает среагировать на эти факты какими-либо представлениями из-за свойственной ему инерционности. Но отсутствие общественного мнения не объясняется только инерцией сознания. Общество не может постоянно находиться в состоянии политизации, которое характеризуется такими чертами, как озабоченность политикой, интерес к политике, сосредоточенность внимания на политике и высокие ожидания от политики, активизация процессов общения по поводу политики.

Во-вторых, общественное мнение не всегда справедливо и право. Значительная часть политических вопросов действительно может быть успешно решена и на уровне обыденного сознания. Но в политике, как и в других областях социальной жизни, существуют проблемы, для решения которых необходима компетентность: экспертный анализ, опыт и культура политического мышления, обработка и использование большого объема информации. Вопрос о границах компетентности общественного мнения требует прикладного изучения.

В-третьих, общественное мнение чаще всего не бывает единогласным. Бу-

дучи одномерным в начальный момент, оно сильно дифференцируется во времени, а по некоторым фактам политической жизни эта дифференциация возникает мгновенно. В таком случае политик вынужден выбирать, на какое мнение он должен ориентироваться.

В-четвертых, общественное мнение не только дифференцировано, но и нестабильно. Суждения, выражаемые одними и теми же социальными группами (субъектами общественного мнения) вчера, сегодня и завтра могут различаться до противоположности. Например, в интервале времени ноябрь 1990 — апрель 1991 г. популярность идеи частной собственности падает. Удельный вес высказывающихся «за» в среднем по всем категориям населения снижается с 73 до 20 %, вместе с тем повышается удельный вес высказывающихся «против» и сомневающихся. В дальнейшем возможна и обратная динамика.

Нестабильность общественного мнения создается факторами как знания, так и психологии. Слишком различна во времени информация об одном и том же предмете. Не остаются неизменными и настроения людей, а ведь именно от них зависят суждения.

Отличительной особенностью общественного мнения является то, что в отличие от официальных политических институтов массовое общество не отвечает за свои суждения и высказывания, за социальные, нравственные и логические ошибки. Подобная безответственность придает общественному мнению неограниченную свободу и смелость самовыражения.

Будучи чаще и прежде всего именно массовым сознанием, общественное мнение сильно подвержено стереотипам, характеризующим стремление к упрощению, сокращению и экономии мышления. На основании знания одних представителей группы (партии, движения, фракции) создается представление о всех других представителях данной группы; на основании успеха каких-то решений в одной ситуации делается вывод, что эти решения применимы и во всех других ситуациях; успех (неуспех) действий какого-либо субъекта политики сегодня внушает ожидание, что так же успешны (неуспешны) будут его действия в будущем. Это только некоторые примеры стереотипного мнения.

Исследователи общественного мнения отмечают в нем и другие черты иррационализма и обыденности: содержательная неразвитость и нечеткость, бессистемность, противоречивость и мозаичность, движение (скачки) от предмета к предмету без глубокой рефлексии каждого из них, подверженность моде и традициям, маятниковые колебания. Все эти явления интересны с общесоциологической точки зрения. Здесь лишь отметим, что черты иррациональности и обыденности общественного мнения имеют в политике и свои специфические объективные и субъективные причины: состояние политической науки и пропаганда ее результатов, которая всегда ограничена в условиях демократического режима; наличие в сознании общества сильных потоков дезинформации, являющихся неизбежным следствием политической борьбы; кроме того, в обществе господствует отношение к политическому знанию, как не являющемуся первой жизненной необходимостью или не требующему «особой научности».

Сложен, противоречив и процесс выявления общественного мнения. Всегда есть вероятность (или тенденция) его формализации, умышленного искажения эмпирических фактов, подчинения установке как заранее заданым и желательным, с точки зрения политической конъюнктуры, выводам. Да и уровень откровенности публичных высказываний в политике относительно низок. Под влиянием конформизма или традиции лицемерия эти высказывания строятся в такой тональности, которая не соответствует действительным настроениям и взглядам в обществе.

В современных условиях общественное мнение неразрывно связано с функционированием средств массовой информации. Последние ускоряют и расширяют социальные информационные взаимодействия, процессы обмена политическим знанием, позволяют оперативно ставить и обсуждать политические проблемы, вовлекают в политическое общение большие группы людей. Средства массовой информации выступают и как способ формирования, и как способ выражения общественного мнения.

Трудно ответить на вопрос, обладает ли особым психологическим действием печатное и техническое слово, но все же средства массовой информации являются эффективным фактором пропаганды общественного мнения и манипуляции им; они обеспечивают устойчивую, длительную и интенсивную информационную влияние на сознание общества.

Несмотря на феномен критического отношения к информации, стиль по-

литического мышления и содержание политических представлений значительной части общества максимально определены и ограничены некоторыми «любимыми» каналами прессы, радио и телевидения. Парадоксально, но оказывается, что значительная часть рабочих (80 % опрошенных) знает что-либо о своем же политическом движении именно из этих источников, а не из личных контактов друг с другом.

Из публицистов, журналистов, комментаторов, ведущих радио- и телепрограмм рождаются «лидеры мнений», с которыми общество связывает свои надежды на раскрытие «всей правды» и ожидания объяснений «как жить дальше». Все это и делает средства массовой информации объектом острой борьбы различных политических группировок.

В условиях обострения противостояния в сфере политической власти создается ситуация альтернативного политического лидерства между группировками (партиями) или их наиболее авторитетными представителями. Их программы становятся референтными нормами политического мышления, раскалывая общество на два лагеря. Так проявляется крайняя форма дифференциации общественного мнения — его поляризация, при которой доминируют только две противоположные позиции. Правда, всегда будут существовать социальные категории, не присоединившиеся к противостоянию из желания иметь независимую позицию или из-за равнодушия к проблемам политической жизни.

Дифференциация общественного мнения не обусловлена, конечно, только лишь характером политической ситуации, а имеет под собой более глубокие, социально-психологические основания. Содержание и характер политических установок испытывают влияние поло-возрастных характеристик их носителей. Так, в американской социологии 60-х годов утвердилась схема, согласно которой женщины, обладающие большей потребностью в жизненной стабильности и меньшим уровнем образованности, нежели мужчины, являются сторонницами преимущественно консервативных политических взглядов. По этим же причинам консерватизм и радикализм распределяется соответственно между зрелым и старшим возрастом, с одной стороны, и молодежью — с другой. Пусть и с некоторыми поправками, но данная схема верна сегодня и для нашего общества. Например, наибольший удельный вес высказывающихся за введение частной собственности оказывается в возрастной группе до 30 лет (60 %), наименьший — в возрастной группе старше 51 года. Приблизительно таково же соотношение положительных высказываний этих возрастных групп и о проблеме запрета партийной деятельности во всех социальных институтах (органах государственной власти, правопорядка и армии, на предприятиях и учреждениях, в системе народного образования).

Более сложным представляется вопрос о стратификационных основаниях дифференциации общественного мнения. Политические установки рабочих, служащих, крестьян, интеллигенции и их более конкретных подклассов отличаются неодинаковым отношением к собственности, власти и управлению, централизованным источникам распределения. Отличаются особенностями политические установки и региональных групп. Например, согласно исследованиям, население запада республики (Брестской и Гродненской областей) все-таки в большей мере поддерживает идею частной собственности на землю, нежели население юго-востока (Гомельской и Могилевской областей). Между этими регионами существует различие в плодородии и экологической системе земель, культуре и материально-технической базе земледелия. Отсюда и неодинаковая степень уверенности граждан в выгодности для себя новых принципов аграрного хозяйствования. Сказывается здесь и фактор традиций.

Показательно и то, что неодинаково высказывается по вопросам национального суверенитета, департизации и т. д. население деревни и города, малого города и столицы. Здесь рассматривается уже вертикальный срез региональной структуры населения.

Стратификационные различия в политических установках, выражаемых как общественное мнение, существуют тогда, когда предметом этих установок являются политические факты, очевидно и непосредственно соотносимые с групповыми интересами. При этом сами эти интересы должны быть осознаны. Политические установки представителей различных классов часто бывают сходными, несмотря на объективные различия в интересах. Это происходит во многом из-за того, что классы включены в одну и ту же информационную среду и систему культуры, что и подчиняет их политическое мышление единым законам массового сознания. Учет и изучение стра-

тификационных оснований (факторов) имеют прикладное значение, они позволяют не только объяснять, но и прогнозировать общественное мнение.

Мир фактов политической жизни безгранично богат, поэтому многообразны и реакции на них массового и группового сознания. Тем не менее есть смысл как-то структурировать эти реакции, разграничив сферы политических установок прежде всего по объекту отражения. Такая процедура необходима методологически, она позволит конкретизировать процесс изучения общественного мнения. Не претендуя на единственно правильный вариант, предлагаем следующую структуру политических установок.

1. Наиболее абстрактный имидж политики как целостного явления, его случайности или неизбежности, характера и роли в социальной жизни, самые общие ассоциации обыденного сознания, связываемые с понятиями политической власти, политического строя, политической борьбы. Заметим, что абстрактные и общие суждения о политике не являются монополией науки, они довольно распространены и популярны и в массовом обществе.

2. Представления о прикладных функциях политики, ее эффективности и правомочности в конкретных областях социальной жизни, являющихся наиболее повседневными для определенной социальной группы. Так, ученые могут судить о политике по состоянию науки, учителя и преподаватели — в образовании, рабочие — в производстве; и те, и другие, и третьи могут в одинаковой степени судить о политике по состоянию жилищной, бытовой, транспортной, досуговой, экологической, культурной и других сфер жизни, являющихся повседневными для каждой из социальных групп.

3. Отношение к определенным субъектам политики (групповым или индивидуальным), оценка и прогноз их деятельности. Вероятно, что данная сфера политических установок является наиболее преобладающей, «любимой» в массовом обществе.

4. Отношение к политической идеологии — программам, лозунгам, решениям, их оценка и прогноз эффективности.

5. Представления о собственном политическом статусе и интересах, о собственном участии в политике, его возможности, смысле и конкретных формах. Интересен вопрос о материальных и моральных мотивах участия людей в политике.

Различие политических установок можно проводить по уровню их абстрактности и конкретности, перспективной или ретроспективной направленности (т. е. степени наличия в массовом обществе памяти прошлого и представления о будущем). Целесообразно также различать аналитические и оценочные суждения общественного мнения.

Диапазон политических установок по своей четкости и определенности может колебаться от смутных образов и предчувствий до полностью построенных в оконченную языковую структуру высказываний. Это различие также принципиально. Социолог чаще всего обращает внимание на логическое содержание суждений общественного мнения, но суждения обладают и психологическим модусом — отношением к ним их субъекта-носителя. Высказывания респондента могут быть: а) стихийными, произвольными (первой ассоциацией, которая возникает в сознании); б) результатом импровизации «на месте», попыткой в ограниченное время выработать ответ на поставленный вопрос, который субъективно воспринимается как новый, неожиданный; в) отражением принципиальных позиций (убеждений), основанных на аргументации, глубоких личностных переживаниях и выработанных длительным опытом. Одним словом, одно и то же по смыслу и логической структуре высказывание может быть как подлинным мнением, так и имитацией мнения, формальным мнением.

Конкретные исследования показывают, что числа сторонников частной собственности на словах и тех, кто реально готов стать частным собственником, не совпадают. Оказывается, что каждая из исследуемых социальных групп желает «капитализма» не столько для себя, сколько для других. При этом проявляется и следующий феномен социальной установки: чем ближе ситуация и время действия, тем слабее уверенность и готовность его совершать. При сохранении общих авторитета и престижности идеологии приватизации и рынка все менее радостно оцениваются их конкретные жизненные перспективы. Так, сегодня только 6 % ожидают от будущего улучшения своего материального положения и только 54 % — возможности сохранения своей трудовой занятости.

Формальность, стихийность мнения можно иллюстрировать и следующими фактами: 70 % респондентов выражали определенное (положительное или отрицательное) отношение к подписанию Союзного договора, но только

40 % оказались «знакомы» с ним, т. е. представляли, о каком же собственно договоре идет речь.

Предлагаемая статья является попыткой построения краткой теоретической концепции, основанной на последних эмпирических исследованиях Белорусской службы общественного мнения.

Н. Н. БЕЛЯКОВИЧ

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИЗМА: ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ДОГМАМ ИЛИ ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ?

В процессе качественного обновления социалистического учения обществу предстоит, с одной стороны, переосмыслить прежние философские, политические и идеологические парадигмы, освободить их от лозунговой декларативности, упрощенчества и волюнтаристского толкования; с другой стороны — определить сущностные черты, критерии и параметры гуманного, демократического социализма.

Первоочередным моментом решения этих задач является четкое уяснение конституирующего принципа новой концепции. А именно: должно ли новое видение социалистического общества отражать его экономические, политические, социальные и духовные структуры или оно будет представлять только совокупность общих принципов, ценностей и норм будущего облика социализма? Правильные ответы на эти вопросы имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Они позволяют научно и более предметно определить модель того социального механизма, с помощью которого можно будет в наибольшей степени раскрыть гуманистический потенциал социализма. В современной социально-политической литературе ведется активный научный поиск ответов на эти сложные теоретико-методологические вопросы. В последних работах обозначились разные подходы ученых к обновлению социалистического учения. Так, авторы коллективной статьи «К современной концепции социализма» считают, что утверждение в марксистской теории новой концепции социализма требует критического использования мирового опыта строительства социализма, изучения теоретических разработок сторонников и противников социалистических учений, построения обоснованных прогнозов развития человеческой цивилизации¹.

В подходе к современной концепции социализма аналогичной точки зрения придерживается и автор ряда интересных работ по этой проблеме А. Бутенко. «Будущее социализма, — пишет он, — нужно моделировать, в первую очередь, опираясь на анализ реалий капиталистического и некапиталистического мира и исходя из закономерностей их сегодняшнего развития»².

Сущностными характеристиками социализма по-прежнему признаются: общественная собственность на средства производства, обеспечивающая быстрый рост производительных сил, объединенный и освобожденный труд, распределение по труду, преодоление социальных и национальных антагонизмов; работа на себя, а не на эксплуататора, реальное превращение трудящихся в хозяев общественного производства; развитие разнообразных форм собственности, создание новых экономических механизмов ее реализации, эффективно организующих и стимулирующих трудовую деятельность людей; предприимчивость, соревнование, смелый почин — и вместе с тем плановость, понимаемая как сознательно осуществляемая пропорциональность.

Такие представления о сущности социализма в настоящее время являются, пожалуй, самыми распространенными в нашем обществе. «Социализм сохраняется до тех пор, — пишет доктор философских наук В. Вазюлин, — пока сохраняется пусть и не безраздельное господство общенародной собственности»³. «Социализм, — утверждает другой автор, — это преобладание общего над частным, коллективного над индивидуальным, общественного над личным, управляемого над стихийным...»⁴. Причем общественная собственность сторонниками этой позиции понимается как государственная, важнейшим признаком которой является реальное обобществление труда, состоящее в устранении деления труда на необходимый и прибавочный⁵.

Предлагаемые подходы к построению современной концепции социализма, хотя бы этого или нет его авторы, находятся в рамках традиционных для нас методов мышления, теоретических схем и соответствующей им деформи-

рованной практики общественного развития. Основные характеристики социализма (общественная собственность на средства производства, планомерность, распределение по труду, работа на себя, на социалистическое государство, а не на эксплуататора и т. д.) и вытекающие из них критерии социалистичности (обобщественность, объединенность и антикапиталистичность) нужно якобы только «конкретизировать», «подправить», «разнообразить», «повысить их качественный уровень», учитывая опыт как социалистического, так и капиталистического развития.

Некоторое смещение акцентов в сторону человека и социальной сферы при прежней верности «святыням» социалистического выбора, сохранение их приоритета, а следовательно, и господства над личностью пока не решает главной теоретической задачи — создания новой методологии и технологии гуманного, демократического общества. Социальный механизм, пусть даже немного и видоизмененный, опять задается сверху, продолжает довлеть над человеком, диктует ему свои условия и правила поведения.

Засевшие в глубинах нашего сознания догмы мешают видеть реальность в ином (не говоря уже об истинном) свете и заставляют теоретический разум истолковывать новое как слегка измененное старое. Попытки понять социальную действительность только с помощью «единственно верного учения» все еще либо закрывают, либо существенно искажают реальную картину механизмов развития современного мира.

Не увенчались пока плодотворными теоретическими результатами «эмоциональные порывы» и радикально настроенных перестройщиков, стремящихся все разрушить, быстро и качественно изменить существующий мир. Сменив политическую «рясу», многие из них сегодня заняты активным поиском удобных мест и созданием спекулятивно-конъюнктурных теорий, критикуя всё и вся.

Творческое развитие социалистического учения требует решительного отказа от догматического метода мышления, когда предпочтение отдавалось схоластике, абстрактному теоретизированию, апологии сложившейся у нас, по существу, антимарксистской модели социализма. Предстоит большая работа по очистке учения о социализме от фальшивых, искусственно сконструированных догм, словесных штампов и стереотипов, бессодержательных лозунгов и мифов. Нигде и никогда еще не было создано новых теорий на основе старых, застывших философских, политических и идеологических положений. Наивно думать, что мы сможем обойти это важнейшее требование истории, ограничившись лишь косметическими поправками теории социализма.

Современное человеческое общество стало качественно иным по сравнению не только с тем, каким оно было в прошлом веке, но и с его обликом начала и даже середины нынешнего столетия. Естественно, что и многие устоявшиеся представления о нем безнадежно устарели. Мы стоим перед необходимостью качественного скачка в развитии социалистической мысли. Нужна новая концепция социализма как совокупности теоретических положений, отражающих более глубокую степень познания общественных процессов и новое состояние изучаемого объекта.

Создать новое социалистическое учение нужно в атмосфере свободных дискуссий, выдвижения и обсуждения «еретических» идей, конкуренции «строительных проектов». История не подтвердила господствовавшего ранее тезиса о реальном существовании одного-единственного «настоящего социализма». Картина развития социалистических идей и учений показывает, что и в прошлом, и в нынешнем веке существовали самые различные воззрения на наиболее гуманное и справедливое общественное устройство.

Нам представляется, что к разработке современной концепции социализма нужен иной методологический подход. Суть его состоит в том, чтобы не человека приспособлять к умозрительно сконструированной, пусть даже и с учетом мирового опыта, модели общественного устройства, а концепцию социализма нужно создавать и корректировать, учитывая реальную природу индивида, его интересы, потребности, стимулы, мотивы и т. п. Человек — исходное начало, стержень и критерий оценки развивающихся общественных отношений. Это — основной принцип построения современной концепции социализма.

Заметим, что лозунг «все во имя человека, все во благо человека» провозглашался и раньше. Однако в реальной жизни все ставилось с ног на голову. В качестве высших ценностей социализма выступали общественная собственность на средства производства, руководящая и направляющая роль коммунистической партии, идейно-политическое единство общества, понимае-

мое как единомыслие и т. д. Человек выступал как средство, обеспечивающее неизбежность «социалистического» строя, его авторитарно-бюрократических социальных структур и институтов политической власти. Насилие над людьми, подавление их творческих сил в таком случае были неизбежными. Ради сохранения «великих завоеваний социализма» могли быть уничтожены не только отдельные индивиды, но целые социальные слои и даже народы.

Концептуальное представление о гуманном, демократическом социализме предполагает, во-первых, интеграцию принципа человеческого измерения во все структуры общественной жизни, перевод его с декларативного уровня на уровень реальной практики. Во-вторых, новый подход к созданию социалистического учения требует рассмотрения человека в единстве его объектно-субъектных отношений. Объектных — через исследование материальных и духовных условий его социального существования; субъектных — через выявление творческой, созидательной роли современного человека в общественно-историческом процессе.

Проблема человека как субъекта общественных отношений сегодня является самой актуальной практической задачей, без решения которой невозможно рассчитывать на радикальные преобразования социализма. Ибо главная причина кризисного состояния советского общества, по нашему глубокому убеждению, заключается не столько в мощи и пороках командно-административной системы, сколько в самом человеке, характере и способе его социальной деятельности. Можно со всей определенностью сказать, что ни социально-экономическое ускорение, ни политические реформы, ни нравственное возвышение общества не продвигнутся ни на шаг далее того, что допускает современное состояние интеллектуального, трудового и общественно-политического потенциала народных масс. Именно в человека, уровень развития его способностей, профессиональных навыков и умений упирается сегодня решение всех проблем современности — как региональных, так и глобальных.

Между тем первый опыт перестройки советского общества обнаружил острейший дефицит профессионализма масс, качества их труда, высокой организованности и дисциплины, культуры человеческого общения, готовности взять на себя ответственность. Углубляется разрыв между наличным уровнем компетентности большинства работников производства и огромными возможностями передовой технологии, техники, которые находятся в их руках. Деятельность дилетантов становится той миной замедленного действия, которая приводит к разрушительным последствиям во всех сферах общественной жизни: экономической, социально-политической и духовной. Поэтому обновление социализма — это прежде всего перестройка человека, образа его мышления и сознания, психологии и духовно-нравственных ориентиров.

В настоящее время в индустриально развитых странах набирает силу процесс неуклонного сокращения доли работников физического труда, на смену научно-технической революции приходит интеллектуальная. В этих условиях увеличение знаний и созидательных, творческих возможностей человека как главного субъекта общественных преобразований стало приоритетным направлением социально-экономического развития. В систему экономических, производственных связей работник включается не только через высокую заработную плату, но и посредством всей структуры общественных институтов — воспитания, образования, медицины, культуры, различного рода психологических служб. Все это позволяет обеспечить достаточно высокий уровень образованности, квалификации и работоспособности современного человека.

С сожалением приходится констатировать, что с середины 50-х гг. наша страна стала терять достигнутые в предвоенные и послевоенные годы высокие позиции в наращивании творческого потенциала трудящихся масс, особенно в его интеллектуальной составляющей, в подготовке и эффективном использовании кадров. Достаточно сказать, что в период 50—80-х гг. по принятым ЮНЕСКО коэффициентам интеллектуального развития населения Советский Союз с третьего места в мире переместился, а точнее, опустился, на 45-е, а среди молодежи — на 49-е⁶. Как следствие этого — резкое снижение качества совокупной рабочей силы, интеллектуального и духовного потенциала советского общества в целом, несоответствие уровня его развития требованиям современного научно-технического и социального прогресса.

¹ См.: Правда. 1989. 14 июля.

² Бутенко А. Каким быть социализму? // Правда. 1989. 8 авг.

³ Вазюлин В. Чем грозит стране «школа безработицы» Г. Х. Попова // Правда. 1991. 14 янв.

⁴ Литературная газета. 1990. 18 апр.

⁵ См.: Плановое хозяйство. 1990. № 1. С. 83.

⁶ См. Политическое образование. 1989. № 4. С. 17.

А. А. ЖАРИКОВА

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Обновление всех сторон жизни нашего общества сопровождается интенсивным развитием общественного сознания, возрастанием политической и экономической активности молодежи. Одним из важнейших критериев социальной зрелости личности выступает уровень ее политической культуры, которая играет определяющую роль в формировании духовной жизни, политического сознания личности, общества в целом.

Анализ процесса формирования политической культуры молодежи затрудняет наличие многообразных определений термина, без рассмотрения которых невозможно уяснение критериев, тенденций развития политической культуры молодежи в условиях обновления нашего общества. В большинстве научных работ политическая культура рассматривается как неотъемлемая часть общей культуры человечества, связанная с деятельностью масс в социально-политической сфере. С определенной мерой условности можно выделить несколько основных подходов советских ученых к этому понятию. Представление о политической культуре как совокупности политических знаний и духовных ценностей, способов политической деятельности разделяют А. Г. Агаев, А. И. Арнольдов, Ф. М. Бурлацкий¹.

Другие же исследователи рассматривают политическую культуру в качестве обобщенной характеристики человека, степени его политической развитости, умения применять политические знания на практике (Ю. П. Ожегов, Ю. А. Тихомиров, Р. Г. Яновский). Как бы обобщая различные точки зрения, Чередниченко А. П. совершенно справедливо делает вывод о том, что политическая культура предстает как система политических, идеологических и социально-психологических ценностей, политических институтов и способов политической деятельности².

Политическая культура молодежи — относительно самостоятельная составная часть политической культуры социалистического общества и, как утверждает Л. И. Кривоцук, она характеризует качество общественно-политической деятельности молодежи, мотивы участия в ней, степень ответственности за дела трудового коллектива и за судьбу страны³. Своеобразие политической культуры молодежи заключается в характере усвоения ею духовных ценностей и в способах их реализации в общественно-политической деятельности. У большинства молодых людей отсутствует самостоятельное политическое мышление, обусловленное недостатком жизненного опыта. У различных слоев молодежи неодинакова степень социальной зрелости. Особенности образа жизни проявляются во вкусах, интересах, формах проведения свободного времени, стиле взаимоотношений. Политическая культура по ряду своих параметров и проявлений не всегда доступна непосредственному наблюдению и измерению. С этим связаны некоторые трудности определения показателей ее состояния, уровня развития. На наш взгляд, основной оценочный критерий политической культуры молодежи — ее активная гражданская позиция, участие в практических делах, ответственность за свои действия, равно как и за бездействие. Но, к сожалению, несмотря на процессы демократизации в обществе, недоверие к молодежи не преодолено. Молодые люди не всегда могут найти достойное применение своим профессиональным способностям, крайне редко выдвигаются на руководящие посты, практически не имеют возможности оказывать влияние на политическую жизнь страны.

В современных условиях в процессе формирования политической культуры молодежи проявляются определенные противоречия. С одной стороны, молодые люди выросли в условиях социализма, хотя и деформированного, и для их политического развития обществом создавались относительно благоприятные условия. С другой стороны, становление мировоззрения молодежи происходило в период обострения социально-экономических противоречий, нарастания негативных явлений. В среде молодых людей получили распро-

странение аполитичность, социальная апатия, отчужденность, нигилизм. Молодежь 70-х и 80-х гг. вступала в самостоятельную жизнь, когда снижение веры в общепризнанные авторитеты и ценности наблюдалось почти во всех социальных группах. Разрыв между ожидаемым идеалом и действительностью вел к политическому отчуждению молодежи.

Значительная часть молодежи и сегодня остается в стороне от общественной жизни или бросается в другую крайность — экстремизм. Главный источник этого, как отмечает ряд исследователей, в недостаточно высоком жизненном уровне молодых людей. Негативное влияние оказала и система идейно-воспитательной работы, которая была рассчитана на автоматическое усвоение молодежью социалистических ценностей, так как социализм представлялся бесконфликтным, стабильным обществом. Мифы о достижениях в воспитании нового человека все более расходились с практикой, все явственнее в молодежной среде стала проявляться двойная мораль. Негативные явления, связанные с недостаточным уровнем зрелости политической культуры молодежи, нельзя рассматривать вне всего круга социальных проблем нашего общества. Сегодняшняя ситуация необычна — происходит смена общественной психологии, общественного сознания, крушение прежних мифов, что не может не сказаться на процессе формирования политической культуры молодых людей. За годы перестройки произошли существенные изменения в мировоззрении молодежи, происходит переоценка прошлых и настоящих ценностей. По данным всесоюзных исследований, проведенных АОН при ЦК КПСС в 1988—1990 гг., за годы перестройки увеличилось число молодежи, негативно оценивающей исторический путь, пройденный нашим обществом⁴. Идея социалистического выбора в настоящее время не является консолидирующей.

По данным тех же исследований, молодежь высоко оценивает деятельность В. И. Ленина, хотя здесь и произошло смещение оценок от очень положительных к положительным. Если в 1988 г. роль Ленина очень положительно оценивали 80,2 % молодых людей, то в 1990 — 50,8 %. Отрицательное отношение не растет, на что надеялись определенные политические силы, развернув в прессе кампанию «активной» критики наследия Ленина, его личности и деятельности. Именно это обличение исторической роли Ленина заставило многих молодых людей обратиться к ленинским трудам, чтобы попытаться самим во всем разобраться. И как результат — велика доля тех (66,4 %), кто осуждает нападки на деятельность В. И. Ленина, в том числе среди жителей г. Минска — 68 %⁵.

Следовательно, сформировать антиленинское общественное мнение у большей части населения, в том числе у молодежи, не удалось. Авторитет В. И. Ленина в стране по-прежнему высок.

Важнейшей тенденцией современной политической ситуации в молодежной среде является рост интереса к политической жизни страны. Изменилась направленность интересов. Раньше у молодых людей преобладал интерес к международным политическим событиям, сейчас — к внутривнутриполитическим проблемам. Лишь 3—7 % молодежи не следят за политической жизнью⁶. К сожалению, всеобщий интерес молодежи к политическим проблемам не подкрепляется ее активным участием в политической жизни страны. За последний год снизилось число желающих включиться в такую деятельность с 17 до 11 %⁷. По нашему мнению, причины этого могут быть следующие: одни не знают, как конкретно им участвовать в общем деле, другие не уверены в своих силах, не видят позитивных преобразований.

Таким образом, можно предположить, что отсутствие реальных перемен приведет к еще большей напряженности в молодежной среде, распространению аполитичности, пассивности.

Важную роль в формировании политической культуры играют средства массовой информации. Основной поток информации молодые люди получают через теле- и радиовещание, периодическую печать, кинофильмы. И здесь очень важна правдивость политической пропаганды, которая достигается путем объективного конкретно-исторического анализа прошлого и настоящего социалистического развития, диалектики достижений и неудач, побед и поражений.

Анализ печати за последние годы показывает, что эффективности в политическом просвещении нельзя достичь, если сосредоточиться только на ошибках и поражениях в социалистическом строительстве. Нужно диалектически изображать сложный путь развития нашего общества, его взлеты и падения, успехи и недостатки, избегая шахаханий и приписок.

Значительное число молодых людей черпает социально-политическую

информацию из межличностного общения. Для 30—40 % — это основной источник политического информирования⁸. Наблюдается рост политической активности молодежи вне рамок традиционной политической системы, рост неформальных движений и объединений. Можно говорить о политизации неформального общения. С одной стороны, это радует, так как свидетельствует о росте интереса молодежи к политической жизни страны, о разрушении традиционных стереотипов. С другой — возникают трудности, вызванные проблемами объективности политического знания, отсутствием глубоких методологических знаний, стремлением продемонстрировать свою уникальность. В такой ситуации представляется желательным найти контакт с неформальными организациями, чтобы вести заинтересованный диалог по проблемам, волнующим молодежь. Необходимо при этом помнить, что молодежь не объект воспитания, а субъект социального действия.

Рассматривая особенности формирования политической культуры молодежи, следует отметить и тенденцию поляризации массового сознания в ходе перестройки. Если в начале провозглашения курса на обновление общества среди населения, в том числе и молодежи, преобладало оптимистичное настроение, то за последний год возросло неверие. Надежды сменяются неудовлетворенностью и разочарованием. В первую очередь, это связано с отсутствием реальных перемен в жизни, а зачастую и с ее ухудшением. А на первое место в структуре базовых ориентаций молодежь ставит высокий жизненный уровень, что является основой для пробуждения духовности, активного участия в общественно-политической жизни.

Формирование политической культуры молодежи — сложный, многогранный непрерывный процесс, обусловленный действием объективных условий и субъективных факторов. Как подтверждает общественная практика, данный процесс во многом зависит от способа производства, общественных отношений, идеологии, морали, сознания личности. Важнейшими составляющими политической культуры личности являются ее социальная деятельность, участие в управлении делами своего коллектива, государственными, общественными делами. Включаясь в общественно-политическую деятельность, молодой человек вступает в социальные отношения, которые помогают ему вырабатывать интерес к политической жизни, потребность в дальнейшем образовании, совершенствовании себя как личности.

¹ См.: Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левинафан. М., 1985. С. 197—198.

² Чередниченко А. П. Культура активного политического действия. М., 1896. С. 26.

³ См.: Социально-политические науки. 1990. № 6. С. 44.

⁴ См.: Социологический бюллетень АОН при ЦК КПСС. М., 1990. Ч. 1. № 8. С. 3.

⁵ Правда. 1991. 3 янв.

⁶ См.: Социологический бюллетень АОН при ЦК КПСС. С. 11.

⁷ Щегорцев А., Пихтовников Г. Массовое сознание молодежи в реалиях перестройки. М., 1989. С. 15.

⁸ Там же. С. 23.

Н. И. БАЗЫЛЕВ, К. А. БЕЛУГИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ РЫНОЧНОГО ТИПА

Существующая модель советской экономики не является рыночной. Советская и рыночная модели в значительной степени различаются по месту и роли государства, степени его вмешательства в экономическую жизнь, объемах государственной собственности и т. п. Характерная особенность советской экономики — наличие многочисленных возмездных связей, облаченных в денежную форму, когда государство как крупнейший собственник полностью контролирует денежную и финансово-кредитную системы. В последнее время в связи с расстройством этих систем возмездные отношения сбросили денежную оболочку и предстали в своем реальном виде — бартере. В советской экономике для производителя сейчас важен натуральный продукт. Такие интересы побуждают его, минуя рынок, находить другого производителя, выпускающего необходимую продукцию. Губительность данного положения в условиях, когда административные, приказные связи во многом не функционируют, приводит к ситуации отсутствия или полного прекращения поставок комплектующих изделий, значительного сокращения объемов выпускаемой продукции. По данным Госкомстата СССР, валовой национальный продукт снизился за I полугодие 1990 г. по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 10 %, национальный доход — на 12 %, производительность общественного труда — на 11 %. (См.: Экономика и жизнь. 1990. № 30).

Современна и стабильна смешанная экономика или экономика рыночного типа. Для нее бартерные связи — нонсенс. Здесь конкуренция побуждает товаропроизводителя выходить на рынок, работать на потребителя, а не на себе подобного субъекта, и только так получать доход, прибыль. Следовательно, в социальной ориентации экономической деятельности производителей кроется существенное различие советской и рыночной экономик.

Как известно, конкуренция возможна лишь при существовании некоторого числа обособленных товаропроизводителей. Обязательным атрибутом субъекта-товаропроизводителя является собственность, в присвоении и увеличении которой аккумулируются его потребности и интересы. Развитие экономики рыночного типа, безусловно, предполагает правовое признание равенства всех форм собственности. Однако в основе такого типа экономики лежит собственность гражданина, будь то частная, акционерная или долевая и основывающаяся на развитой системе прав собственности. Только право самостоятельно распоряжаться средствами производства и присваивать доходы в соответствии с результатами труда формирует у субъекта реальную заинтересованность и ответственность.

Сейчас в Беларуси уже приняты важные законодательные акты по проблемам собственности, разгосударствления и приватизации, образующие правовую базу экономической реформы. Правда, и здесь имеются издержки. Например, согласно Закону «О собственности в БССР», приоритет так или иначе отдается государственной собственности. Характерной особенностью функционирования частного сектора является его саморегулируемость. Образование организационной структуры, управление и координация субъектов государственного сектора осуществляются посредством бюджетного финанси-

ния. В отличие от этого частный сектор развивается, опираясь исключительно на свои собственные ресурсы. Однако разгосударствлением и приватизацией собственности проблемы становления рыночных структур не исчерпываются. Никакая приватизация, никакое разгосударствление не дадут эффекта, если не будет создана рыночная инфраструктура, под которой понимается сложная совокупность различных рынков, бирж труда, сырьевых, товарных, ценных бумаг, инфраструктуры связи. Без создания такой системы приватизированные предприятия просто не смогут функционировать. «Локомотивами» рыночной инфраструктуры выступают биржи.

Сырьевые биржи создают альтернативу централизованному государственному распределению материально-технических средств. Разорванные связи в экономике воспроизводятся уже в новом, товарно-денежном качестве именно через сырьевые биржи, где заключаются сделки между различными экономическими субъектами. Так формируются рынки товаров. Институт биржевых маклеров, занятых посреднической работой с товарами, нуждающимися в рыночном выявлении спроса, предложения и котировке, в значительной степени предопределяет ликвидацию товарных дефицитов.

Важнейшая роль в формировании собственности граждан и рынка капитала принадлежит фондовым биржам. Именно на основе образования фондовых бирж возникает и функционирует рынок ценных бумаг, на котором продаются и покупаются акции и облигации. На фондовых биржах реализуются экономические интересы двух субъектов. Непосредственный товаропроизводитель использует возможность мобилизовать денежные средства, необходимые для организации или расширения производства, а рядовой гражданин вкладывает свои средства в реальное «дело», где они будут защищены от инфляции и других коллизий переходного периода. Государство также прямо заинтересовано в успешности операций фондовых бирж, поскольку дефицит бюджета не позволяет ему продолжать вкладывать значительные суммы в развитие народного хозяйства. Однако и отлаженная система бирж не создает завершенности рыночной инфраструктуры. Для ее полноценности необходимы также и оптовые рынки продовольственных товаров. Законодательно предстоит решать проблемы становления смешанной экономики, конкуренции, формирования хозяйства, открытого внешнему воздействию (целевого, рационального притока капиталов), системы рынков — товаров, капитала, валюты, труда.

В теоретико-методологическом аспекте нуждается в конкретизации категориальный аппарат, инструментарий экономической науки. Экономическая литература последних лет изобилует терминами «рынок», «рыночная экономика», «смешанная экономика». Данные категории и их связь с другими (например, план-рынок) трактуются по-разному. По нашему мнению, следует различать понятия «рынок» и «рыночная экономика». Рынок — это совокупность экономических отношений, с помощью которых осуществляется обращение общественного продукта в товарно-денежной форме — превращение товара в деньги, денег в товар, которое обладает воспроизводственной самостоятельностью. Для существования рыночного отношения необходимо, как минимум, два субъекта: продавец и покупатель, потребности и интересы которых реализуются в таких экономических формах, как спрос, предложение, цена. На начальных этапах модель рыночного отношения предельно проста: посредник сводит продавца с покупателем. При росте масштабов рыночных операций посредников уже два: покупатель обращается к одному, а продавец — к другому. При еще большей развитости рыночных отношений уже сами посредники нуждаются в связующем звене и между ними появляются еще один. Связи же между субъектами осуществляются через деньги, которые выступают своего рода «смазкой» механизма рыночных отношений.

На рыночных отношениях основывается рыночная экономика. Для нее характерно господство товарного производства, базирующегося на преобладании частной и коллективной собственности. В условиях «чистой» рыночной экономики происходит постоянное расслоение на собственников и несобственников, что превращает собственность из универсального условия человеческого существования в привилегию некоторого числа индивидов. В этом плане, как показывает исторический опыт, рыночная экономика, как и ее прямая альтернатива — централизованное плановое хозяйство, являются неустойчивыми системами, имеющими переходный характер.

Неустойчивость этих систем проявляется и во взаимоисключающей, но парадоксальной ситуации — полном отсутствии какого-либо вмешательства государства в процессы функционирования централизованного планового хозяйства. Отмеченная нестабильность рыночной экономики и централизован-

ного планового хозяйства предопределяет их трансформацию в экономику рыночного типа. Иного пути развития нет и для Республики Беларусь. Этот путь будет длительным и тернистым, поскольку предстоит решить сложные экономические проблемы.

Прежде всего необходимо изменение экономической роли государства. Его монопольное положение обусловило существование двух специфических субъектов: управляющих в виде многочисленных министерств и ведомств, принимающих решения, и управляемых, реализующих решения, персонализация которых выступали государственные предприятия и колхозы. Именно через эти субъекты достигались цели регулирования экономики. Следовательно, доминировали сугубо государственные методы регулирования, основанные на жесткой системе управления через приказы, инструкции, подлежащие безусловному выполнению.

Для экономики же рыночного типа характерно сочетание государственных и негосударственных методов ее регулирования. Здесь экономическая деятельность государства также необходима для установления и поддержания структуры экономических связей. Однако эта деятельность сведена до минимума и ограничивается установлением законодательных условий хозяйственных связей в рамках определенных «правил игры». Так, напр., механизм рыночного ценообразования может эффективно функционировать лишь в рамках определенных норм, которые должны быть установлены, поддерживаться и контролироваться посредством государственных решений. В наиболее развитых экономиках рыночного типа наряду со свободными ценами, как в государственном, так и в частном секторах, государство регулирует цены на общественные услуги и продукты производства естественных монополий.

В современной рыночной экономике государство выполняет функции законодательно-правового обеспечения хозяйственных решений, развития и поддержания конкуренции на основе принятия антимонопольных актов, создания инфраструктуры производства. Ему принадлежит определенная роль в создании и поддержании финансово-кредитной системы и организации денежного обращения, оно осуществляет руководство экономической деятельностью в социальной сфере и контролирует предпринимательскую деятельность. Для реализации этих функций государство использует различные правовые нормы, целевые программы, финансово-экономические рычаги, инвестиции.

Таким образом, в смешанной экономике масштабы государственных полномочий сведены до минимума, но сама она может существовать и развиваться лишь в конституционных рамках, которые устанавливаются и поддерживаются исключительно через законодательно-правовую деятельность.

Экономика рыночного типа предполагает децентрализованное распределение средств производства и присвоение результатов труда, равно как и четкое правовое признание такого распределения с жестким контролем за его соблюдением. Иными словами, ответственность или права на собственность должны быть в руках большого числа экономических субъектов, а саму систему собственности надо защитить законом. Кроме того, должен быть законодательно разрешен обмен принадлежащими индивидам правами на имущество и самим имуществом. В такой децентрализованной системе отношений собственности с правовым признанием и защитой контрактов присутствуют основные элементы экономики рыночного типа. Возможны различные варианты применения и использования ресурсов: производство организуется через взаимосвязь различных вариантов экономической деятельности; товары и услуги производятся, поставляются и оцениваются в расчете на спрос потребителей. Цели смешанной экономики достигаются через соответствующие налоговую политику, политику в области субсидий, приспособленные к спросу и предложению. Результаты взаимосвязанных рыночных процессов обеспечиваются взаимодействием свободного выбора многих индивидов.

Положительная оценка смешанной экономики не означает ее идеализации. Она полна проблем. Многие достижения западной экономики явились реакцией на социальные завоевания Октября. Но главное заключается в том, что наиболее крупные достижения современной науки, системно внедренные в производство, стали возможными лишь на базе развитой рыночной экономики. Это проявляется как в изобилии товаров, в темпах и глубине научно-технической революции, так и в реальном обобществлении производства, в уровне социальной обеспеченности трудящихся.

Необходимо иметь в виду, что для становления современной экономики

у нас пока нет основного условия: наличия 60—70 % граждан так называемого «среднего класса» — налогоплательщиков, имеющих собственность. Их сейчас около 15 %. Становление таких субъектов связано со значительными трудностями. Этот объективный процесс пробивает себе дорогу через «блат» и кумовство, через возмездные связи и мафиозные структуры. Он сдерживается как несовершенством наших законов, так и нравов. Вот почему первоочередной целью государства в условиях переходного периода является решение макроэкономических проблем. Прежде всего — создание приоритетных условий для развития собственности граждан в различных ее формах и установление контроля за соблюдением этих условий. Ведущим экономическим субъектом должен стать хозяин-собственник. Это будет достигнуто в процессе формирования, возрождения различных экономических укладов. Путь к многоукладности лежит через эффективное антимонопольное законодательство. Необходимо создать правовую базу формирования и развития «среднего класса» — основы стабильности общества. Сейчас работа в этом направлении в республике осуществляется крайне медленно. Законодательные акты не только не стимулируют приватизацию собственности, они не создают достаточно надежных юридических гарантий ее неприкосновенности. Нарождающиеся формы собственности находятся в менее выгодном положении, нежели старые, по отношению к материально-техническому обеспечению, кредитованию и налогообложению, хотя их равенство и зафиксировано в новых законах.

Кроме полноправных собственников, экономика рыночного типа предполагает также наличие значительного количества предпринимателей, товаропроизводителей, продавцов, брокеров, а также равные условия доступа для любого субъекта к ресурсам, технологиям и видам деятельности. Только существование массы независимых экономических субъектов, занимающихся различными видами экономической деятельности, определяет рыночный характер функционирования хозяйственных процессов, включая и свободу цен, и конкуренцию, и возможности индикативного планирования, и эффективные финансовые рычаги государственного воздействия. Все поднятые нами проблемы могут и должны решаться в нашей республике.

З. Г. КОСЕНКО

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ СОВМЕСТНОГО С ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Заметный рост числа совместных предприятий породил ряд проблем. В теоретическом плане дискуссии вызывает прежде всего вопрос о природе экономических отношений, складывающихся в связи с совместным с иностранным капиталом предпринимательством. Многими авторами этот процесс воспринимается как капитализация советской экономики, шаг больше вынужденный в сложившейся кризисной ситуации, чем закономерный. Действительно, коммерческие основы деятельности совместных предприятий резко выделяют их среди советских предприятий, продолжающих действовать в рамках централизованного планового управления. С этой точки зрения, совместные с иностранным капиталом предприятия не являются социалистическими. Но их нельзя отнести и к категории капиталистических, поскольку совместные предприятия базируются на совместной собственности и подвергаются государственному регулированию. Двойственность экономических отношений, присущая совместному предпринимательству, позволяет рассматривать его как разновидность государственного капитализма.

Государственный капитализм как продукт развития производственных отношений в капиталистической форме представляет собой сложный феномен. Государство контролирует общественный процесс производства посредством регулирования капитала, владея при этом его частью (государственный сектор экономики). Социальное содержание этого регулирования и обобществления в национальном масштабе определяет специфику государственного капитализма. Присутствие госкапитализма в странах с различным уровнем развития производительных сил свидетельствует о том, что как общественная форма развития последних он несет в себе определенные перспективы их прогресса. В. И. Ленин, выступая за движение России к социализму через государственный капитализм, писал, что он представляет собой «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации..., всю ту сумму условий, которая дает социализм»¹.

Определение природы экономических отношений, складывающихся в связи с совместным с иностранным капиталом предпринимательством, как госкапиталистических имеет важное значение для анализа использования конкретных форм совместного предпринимательства. Последние на сегодня представлены: совместными с иностранным капиталом предприятиями на территории бывшего СССР; совместным предпринимательством в свободных экономических зонах; совместным предпринимательством за рубежом, в основном — смешанными обществами. Использование перечисленных форм поставило на практике, помимо вопросов общего плана, немало проблем и частного порядка, обусловленных состоянием советской экономики на данном этапе.

Между тем совместное с иностранным капиталом предпринимательство имеет по сравнению, например, с займом, как более простой и менее трудоемкой в практическом отношении формой привлечения капитала, весомые преимущества. Последние обусловлены производственным сотрудничеством с капиталистическими фирмами: сокращение времени, необходимого для организации выпуска новых видов продукции; снижение стоимости освоения нового производства и как результат — рост прибыли предприятий, получение ими валютных средств. Однако, несмотря на очевидную практическую целесообразность использования форм совместного предпринимательства, в последнее время в процессе создания совместных предприятий наметился спад, а из всех зарегистрированных предприятий работает только пятая часть.

По мнению западных специалистов, у нас до сих пор не учитывают, что риск инвестиций в советскую экономику весьма высок по сравнению с другими возможностями приложения капитала. С целью снижения риска иностранные предприниматели предпочитают делать малые «пробные» инвестиции и рассредоточивать капиталы по различным отраслям советской экономики. В связи с этим большинство действующих у нас совместных предприятий представляет собой по мировым масштабам мелкие предприятия; у 3/5 из них уставной капитал составляет менее 1 млн. руб.²

В сложившихся условиях более интенсивное привлечение капиталов в экономику может быть обеспечено за счет более низкого уровня налогообложения. Согласно ныне действующему законодательству налог на прибыль совместных предприятий составляет 30 %, а ставка на прибыль иностранного партнера, вывозимую за границу, — 15 %, что примерно соответствует средним показателям в мировой практике. Уменьшение налога на прибыль приведет к сокращению суммы поступающих в госбюджет средств. Но пока эта сумма еще незначительна вследствие относительно малого числа действующих совместных предприятий, такой путь интенсификации привлечения иностранных инвестиций может быть с выгодой использован: по истечении времени потери от извлекаемых налогов компенсируются за счет увеличения числа действующих СП. Другая возможность для расширения совместного предпринимательства заключена в реинвестициях прибылей СП. Стимулом для ее использования было бы повышение налога на вывозимую часть прибыли с одновременным понижением ставки на прибыль СП, о чем упоминалось выше. Следует учесть, однако, что и в этом случае заинтересованность иностранных предпринимателей в реинвестициях своих прибылей сталкивается с общими проблемами состояния нашей экономики и, прежде всего, неконвертируемостью рубля.

Иностранные инвестиции в основном направлены в те отрасли, которые могут принципиально изменить структуру экономики. На все отрасли машиностроительного комплекса на 1 ноября 1989 г. приходилось лишь 4,9 % общего количества созданных к этому времени совместных предприятий³. Не наблюдается и заинтересованности у западных предпринимателей инвестировать капиталы в высокотехнологические сферы производства. Американским предпринимателям наиболее перспективными видятся вложения в пищевую и легкую промышленность. Актуален в этой связи поиск экономических мер, методов, рычагов, использование которых позволило бы целенаправленно влиять на трансформирование отраслевого и технологического спектра СП. Первыми в их ряду должны стать льготное кредитование, льготный режим материально-технического снабжения в условиях отсутствия оптовой торговли средствами производства, создание льготных условий реинвестиций прибылей для предприятий передовых технологических групп. Отметим, что законопроектом «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь» предполагаются дополнительные льготы в налогообложении предприятиям с иностранным участием, действующим в сельском

хозяйстве, машиностроении, электронике, производстве лекарственных препаратов и потребительских товаров, занятых разработкой и внедрением высоких технологий, а также в случаях иностранного инвестирования на территориях, загрязненных радионуклидами.

Немаловажную роль для эффективного использования передовой технологии через канал совместного предпринимательства может сыграть амортизационная политика, которая в условиях современной НТР должна стать объектом особой заботы государства. В развитых капиталистических странах политика ускоренной амортизации дает возможность своевременно обновлять основной капитал, поддерживать на высоком технологическом уровне процессы производства. Отсутствие же норм, регулирующих данный аспект деятельности СП, на практике приводит даже к расходованию средств ФРПНТ не по назначению (например, для закупки товаров на валюту для работников СП).

Для нормальной предпринимательской деятельности в форме СП важны не только те или иные государственные льготы. В этом отношении устойчивость и предсказуемость развития экономической среды, в которой функционируют предприятия, значительно важнее. Последнее, ко всему прочему, отражается на экономическом доверии партнеров. Основные трудности для деятельности СП в наших условиях связаны с нечеткостью определения границ их экономической самостоятельности. Подробно оговоренные в актах государственного и республиканского уровней, они обеспечат поле для раскрытия деловой активности СП. Этому же будет способствовать информационное обеспечение СП, что потребует доступа к различным источникам экономической информации. Отставание в создании информационных систем, ориентированных на маркетинг, во внедрении современной компьютерной технологии передачи и обработки данных значительно усложняет поиск потенциальных партнеров для совместного предпринимательства и саму организацию СП.

Наиболее удобной и гибкой формой организации и деятельности совместных предприятий является акционерное общество. Пока же подавляющее большинство действующих у нас СП таковыми не являются. Выпуск акций, намечаемый такими крупными предприятиями, как ВАЗ и КамАЗ, предполагает в числе их держателей и иностранных предпринимателей.

Отличительным признаком совместного предпринимательства в свободных экономических зонах или зонах свободного предпринимательства является то, что здесь государством создаются для него исключительные условия: отсутствие пошлин на ввоз товаров, значительно большие льготы в налогах и использовании ресурсов, свободное установление цен на продукцию и оплату рабочей силы, а в некоторых случаях — локальной валюты. Сознательно ограничивая государственное регулирование экономики на части своей территории, государство стремится привлечь иностранный капитал.

Проблема функционирования свободных экономических зон в значительной степени нова для советских экономистов и находится на стадии концептуальной разработки. Диапазон подходов к образованию и механизму их функционирования значителен и зависит от предполагаемого местоположения последних (Находка, Выборг, Сочи, Калининград, Одесса и т. д.). Настоятельна потребность в разработке и принятии закона о свободных экономических зонах, включающего определение государством общих принципов и условий учреждения зон и норм регулирования их жизнедеятельности. Но государство при этом не может брать на себя весь коммерческий риск, связанный с деятельностью зон совместного предпринимательства. Инициаторы учреждения последних должны быть наделены значительными полномочиями и нести основные финансовые расходы. Необходимостью обеспечения удовлетворительной инфраструктуры для деятельности СП предполагает значительные инвестиции в соответствующие объекты на данных территориях. Источником финансирования помимо средств местного бюджета могут быть и заемные средства, включая иностранные. Государство может оказать содействие путем осуществления финансовой поддержки кредитами, организацией внешней рекламы зон для привлечения иностранных инвестиций; в некоторых случаях непосредственно участвовать в учреждении и финансировании зон.

Немаловажное значение для совместного предпринимательства в условиях свободной экономической зоны имеет то, какими возможностями она изначально располагает для эффективной работы СП. Так, проект зоны в районе Выборга, основой которой должно стать освоение наукоемких технологий и развитие туризма, учитывает, что для этого уже имеются некоторые

условия: высококвалифицированные кадры с опытом работы на предприятиях, производящих продукцию высоких технологий; соседство с западно-европейским рынком и близость такого промышленного и научного центра, как Санкт-Петербург; природное и культурное богатство региона. Чтобы производственная инфраструктура зоны была высококлассной, финская сторона предлагает создать здесь технологический центр («технологическую деревню») для ускоренного внедрения НИОКР в производственную деятельность, а также построить так называемый промышленный парк для обеспечения предпринимательской активности современной материальной базой. Эксплуатацией последнего, как предполагается, займется совместное предприятие «Имвесто», в перспективе предлагающее фирмам разнообразные услуги.

Эффективность использования формы совместного предпринимательства в свободных экономических зонах должна включать их вклад в народное хозяйство в целом. Перерождение зон в «витрины», изолированные оазисы совместного производства, как это произошло в некоторых случаях в КНР, не отвечает возможностям использования потенциала этой формы совместного предпринимательства. Необходимо наладить нормальное экономическое общение таких зон с хозяйственным комплексом страны с тем, чтобы их развитие не оказалось подчиненным лишь интересам самовозрастания иностранного капитала и полностью зависело от него.

Зарубежное совместное предпринимательство как еще одна из форм совместного с иностранным капиталом предпринимательства представлена у нас в основном смешанными обществами (СО), большинство из которых непромышленные. Эта форма совместного предпринимательства использовалась и в годы нэпа, а некоторые из организованных тогда СО действуют и теперь (например, Русское лесное агентство в Англии). На 1 января 1989 г. насчитывалось 130 смешанных обществ¹, причем большинство из них в европейских капиталистических странах. Более 80 % последних занимаются либо непосредственно реализацией советской экспортной продукции, либо способствуют ей, осуществляя рекламу, доработку и облагораживание товаров с учетом запросов западного потребителя. Однако получить возможность самостоятельного выхода на внешний рынок, многие предприятия стали отказываться от услуг СО. При этом, не обладая знаниями сложных условий реализации на современном рынке, они больше проигрывают, чем выигрывают.

Перспективы рассматриваемой формы совместного предпринимательства видятся в том, что главными акционерами зарубежных СО должны стать производители экспортной продукции, а не внешнеторговые объединения и отраслевые министерства. Но основная проблема здесь заключается в расширении производственной деятельности смешанных обществ за границей. Прямые инвестиции в иностранные промышленные предприятия и создание филиалов за границей компаниями различных стран уже давно являются одним из важнейших путей интернационализации производства как объективной потребности современной НТР. У нас же, к сожалению, и по сей день эти проблемы отнесены на второй план. В этой связи решение ряда машиностроительных предприятий России, Украины и Беларуси выкупить завод «Икарус» в Венгрии и выпустить акции с целью найти средства для его модернизации даст возможность привлечь иностранный капитал к совместному производству и выйти на западноевропейский рынок с конкурентноспособной продукцией. Созданная таким образом смешанная компания, контрольный пакет акций которой, как предполагается, останется в руках ее учредителей, может стать «первой ласточкой» в этом направлении.

Оценивая использование форм совместного с иностранным капиталом предпринимательства, важно избегать как необоснованных восторгов по поводу их возможностей, так и недооценки их роли в повышении эффективности нашей экономики. Неясность в оценке природы экономических отношений, складывающихся в связи с совместным с иностранным капиталом предпринимательством, ориентирует хозяйственную практику на отбрасывание, игнорирование тех или иных его форм. Необходим взвешенный подход, учитывающий противоречивость совместного предпринимательства как разновидности госкапитализма. Используя потенциал всех форм совместного производства, государство должно разработать экономический инструментарий для регулирования этих отношений.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 300.

² См.: Вопросы экономики. 1990. № 6. С. 73.

³ См.: Экономические науки. 1990. № 12. С. 28.

⁴ См.: Внешняя торговля. 1990. № 8. С. 42.

ОРГАНИЗАЦИЯ СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН

В последнее время в нашей экономической литературе дискутируется понятие о свободных экономических зонах. Не сошло это понятие и со страниц западной экономической науки. Свободные экономические зоны существуют как в органах Европейского сообщества, так и бывших социалистических. Однако цели в создании двух групп зон различны. В странах Европейского сообщества применяются свободные экономические зоны как инструмент региональной политики. В бывших республиках СССР и странах Восточной Европы данные зоны используются как связь между внутренним и внешним рынком.

Итак, цели этих зон различны, различен и механизм их функционирования. Ведь существует большая разновидность зон. Поэтому для Республики Беларусь является первостепенно важным, какую разновидность зон следует организовать. Вне всякого сомнения, необходимо основываться на всем опыте организации свободных зон в странах Европейского сообщества. Тем не менее нельзя отрицать и опыт социалистических стран. Во-первых, это были страны с государственной системой внешнеэкономической деятельности. Во-вторых, — с сильно выраженными закрытыми рынками. Поэтому любую разновидность зон следует применять к конкретным условиям, что зависит от цели. В связи с этим и складывается соответствующий механизм функционирования, его организация. Не менее важен для Беларуси вопрос о механизме внешнеэкономической деятельности, что, безусловно, накладывает отпечаток на специфику организации свободных зон.

Существуют инструменты организации, регулирования свободных экономических зон, которые зависят от конкретных условий. Попробуем их осветить. Так, под свободными экономическими зонами вообще понимают районы, области страны, в которых предприниматели организуют нетрадиционные для данной местности виды деятельности. Что касается стран Европейского сообщества, то в этих зонах осуществляются различные формы льгот (таможенно-свободные, экспортно-импортные и т. д.). В чем это проявляется и каким целям служит? Во-первых, осуществляется правовое регулирование. Это означает, что зоны определяют как часть таможенной области, в которой концентрируется внешнеэкономическая деятельность и создаются таможенные льготы для товаров внутри и вне зон.

К следующему виду зон относят экспорт. В этих зонах создаются места производства товаров иностранных инвесторов, которые затем экспортируются в развивающиеся страны. В рамках концепции экспорта создают внутри зон экспортно-ориентированное производство, как правило, с налоговым благоприятствованием. Итак, в этих зонах существуют льготы в организации таможни, инфраструктуры, информации, советов. Реализация таких зон позволяет уменьшать экономическую зависимость от традиционно первичного экспорта.

В Англии, США, Бельгии, Франции эти зоны используют как инструмент экономического оживления старых промышленных мест и городов. Каким же образом стремятся стимулировать эти зоны? Во-первых, существует монетарное побуждение в виде налоговых облегчений на доходы для смешанных обществ и дочерних компаний. Они составляют только 15 % против ставки налога в 33 %, действующей в данной стране¹. Для предприятий с кооперационными договорами на 10 лет существует полное освобождение от налогов на два года до получения первой прибыли и налог в размере 50 % для дальнейших трех лет.

Следующий вид зон стимулирует импорт путем установления таможенных выгод для импортируемого иностранного продукта. Последний не облагается налогом. Как первый, так второй и третий вид зон приемлем для нашей республики. Для их организации и успешного функционирования в Беларуси существует огромный внутренний рынок, неплохие коммуникации. Предстоит определить район зоны и применить юридический акт о таможне, земле, условиях ввоза оборудования, налогах. Это вполне достаточно для предпринимателя, которому открывается свободный от конкурентов рынок.

Вместе с тремя видами названных зон в странах Европейского сообщества функционируют коммерческие свободные зоны, промышленные зоны, зоны свободной экономической деятельности, отраслевые специфические зоны. Каждая из них функционирует для определенной цели.

Коммерческие зоны охватывают таможенные склады, в которых перера-

батываются промышленные товары. Эти зоны организуют для оживления торговли, а также с целью переработки товаров. Как правило, здесь либерализуются торговые и таможенные законы применительно к внутреннему рынку страны.

Эффект от этих зон достигается, во-первых, за счет оживления торговли, во-вторых, переработки товаров для мирового рынка. Цель же промышленных зон состоит в производстве товаров для внутреннего рынка. Они являются таможенно-свободными, в них возможен импорт и экспорт товаров. В данных зонах устанавливаются особые стимулы экспорта, импорта, налоговые льготы. Главным здесь также является целевая структура экспорта, которая должна охватывать требования иностранных прямых инвестиций, технологий. Без этого условия невозможно в данных зонах стимулирование экспорта. Ибо предприниматели могут вкладывать свои инвестиции лишь в определенную структуру промышленности. Целевая установка таких зон в развитии и повышении промышленного производства на данной территории, а также развития связей между внутренним и международным рынками.

От свободных промышленных зон отличаются зоны свободной экономической деятельности, в которых организация проектов направляется на повышение деятельности всех секторов. Но каким образом это осуществляется? Ведь невозможно создать одинаковое развитие всех отраслей. Вместе с тем развитие одной отрасли требует повышения экономической активности отраслей, обслуживающих данное производство. Поэтому в зонах свободной экономической деятельности экспорт является моносекторальным, направляется на промышленное производство. Одновременно осуществляется повышение экономической активности в сфере торговли, услуг, туризма, сельскохозяйственном производстве, строительстве. Тем самым активизируется деятельность данного региона, а также работает комплекс вспомогательных отраслей для развития моносекторального экспорта. Как правило, организация таких зон применяется в экономически неоживленных районах, а также в районах, специализирующихся на одном направлении экспорта. Именно организация такой зоны имеет большой эффект для Беларуси, так как создается многоэкспортный регион, вызывающий приток валюты, а также и закупки импорта. Такова должна быть интеграция Республики Беларусь в мировую экономику.

В настоящее время, когда экономика Республики Беларусь стремится занять свое место в экономическом сообществе, немаловажное значение имеет развитие отраслевых специфических свободных зон, где развиваются узкоспециальные отрасли.

Что касается организации свободных экономических зон в странах Восточной Европы, то она только начинается. Немногие государства идут на это. Так, Болгария стремится использовать свободные экономические зоны как связь между международным и болгарским рынками. В этих зонах работают в основном только иностранные предприятия или совместные, с участием болгарских фирм.

Во многих странах свободные экономические зоны развиваются под контролем министерств внешнеэкономических связей. Как правило, данные министерства указывают, в чем предприниматели в этих зонах свободны от контроля государства, ценообразования, финансирования.

Отношения труда и социальное обеспечение рабочих в свободных экономических зонах регулируются через согласованное законодательство. Важным для предпринимателей является ставка зарплаты и то, в какой валюте осуществляется выплата зарплаты. Предприниматели производят частично выплату зарплаты в конвертируемой валюте. Уровень зарплаты устанавливается договором. Вне всякого сомнения, такой метод может использоваться в организации свободных экономических зон на территории Республики Беларусь. Конечно, существует проблема конвертируемости рубля.

Важен также вопрос, какую цену платят предприниматели свободных экономических зон за сырье, которое импортируется из других стран. Ибо существует различие цен внутри страны и мировых цен на сырье. Так, внутренние цены на сырье, которые существуют для предпринимателей, как правило, не соответствуют мировым рыночным ценам. Поэтому в свободных экономических зонах устанавливается, что высота платы за ресурсы рассчитывается в мировых ценах².

Следующим вопросом является стимулирование свободных экономических зон. Обычно для этого применяются свободные таможенные правила. Они устанавливаются для всех импортируемых и экспортируемых товаров и услуг.

Одним из факторов стимулирования иностранного инвестирования является налоговая система. В соответствии с законом Республики Беларусь налог на экспорт и импорт представляет собой форму изъятия в доход государства чистого дохода, образующегося в результате различий в уровнях внешнеторговых и внутриреспубликанских цен. Вместе с тем налоговая система должна функционировать исходя из целей свободных экономических зон. Так, если данные зоны используются как связь между международным и белорусским рынками, то должна действовать и соответствующая система налогов. Сообразно статьям закона ряда стран, вся прибыль от экспортных операций с границей и операций внутри зон является свободной от налогов. Если производимые товары в зонах потребляются в этой стране, то существующая прибыль облагается налогом в размере 30%. На прибыль от товаров, проданных за границу, ставка налога составляет только 20%. Это — что касается системы налогов и прибыли, обмена с границей³. Такая часть налоговой системы является важным стимулом для иностранных инвесторов, так как существующая система налогов позволяет свободно вывозить прибыль за границу, а также организовывать там соответствующие фирмы и общества. Этому способствует и система налогов для иностранных инвесторов в свободных экономических зонах — так называемая внутренняя система.

Что касается первой системы налогов на прибыль, вывозимую за границу, то значительные налоговые льготы позволяют иностранным инвесторам вкладывать средства в другие предприятия и иметь соответствующие прибыли. К активности или стимулированию иностранных инвесторов относится создание иностранными инвесторами или разрешение для них филиалов и других акционерных обществ в Республике Беларусь. Они могут участвовать или иметь часть собственности в совместных предприятиях. Устанавливаемые налоговые льготы позволяют получать значительную прибыль и соответственно на эти средства приобретать различное оборудование, которое может использоваться в свободных экономических зонах.

Существует и другая система налогов, которая действует внутри зон. Так, от системы налогов зависит получаемая прибыль предпринимателей. И, конечно, путем этой системы, ее комбинирования возможно стимулирование различной деятельности. Ключевым является вопрос о доле изъятия налогов с прибыли. При этом следует, видимо, более внимательно прислушаться к тем предложениям ученых, которые доказывают, что результатом сокращения налоговой ставки является не уменьшение, а увеличение общих налоговых поступлений. Это особенно необходимо для дальнейшего развития предприятий, которые работают в свободных экономических зонах.

¹ Weinnand J. Freizonen als Instrument. Köln, 1990. S. 14.

² Hucko E. Außenwirtschaftrecht. Wien, 1990. S. 7.

³ Börgers K-h. Export und Kapital. Köln, 1990. S. 132.

Н. М. КОЗЛОВА

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ЗАКОНА В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Процесс демократизации глубоко затронул все сферы общественной жизни, отчетливо обнажив пробелы в функционировании правовой системы, без преодоления которых нельзя в полной мере осуществить цели правовой реформы, создать основы правового государства.

Радикальные процессы, происходящие в политической жизни Республики Беларусь, объявление экономической и политической независимости Республики, наряду с сильными демократическими процессами в обществе, обуславливают необходимость переосмысления концепции нашей государственности, теоретических представлений об обществе, пересмотра сложившихся стереотипов и подходов к праву, его сущности и назначению, определения перспектив его дальнейшего развития в цивилизованном обществе, особенно в условиях формирования подлинно правового государства. И сегодня мы по-новому воспринимаем вчера еще незыблемые понятия: государство, право, закон.

Этим вопросам в последние годы уделяется большое внимание в юридической науке, в работах таких ученых-юристов, как В. Н. Кудрявцев, С. С. Алексеев, Г. Н. Манов, Ю. А. Тихомиров, Р. З. Лившиц, Н. И. Матузов, В. О. Мушинский, Н. А. Власенко, Б. Н. Тапорнин и др.

Процесс преобразования нашей общественной системы в полной мере дает основания для вывода, что перестройка — это не просто реформы, «а многосложный переход от всеобъемлющей тоталитарной системы, административно-репрессивного режима в обширном государстве к социальной системе демократического гражданского общества»¹. Этот переход невозможен без сильного и развитого права, сориентированного на гуманистическое общество, на приоритет общечеловеческих ценностей.

Определив четкие различия между правом и законом, С. С. Алексеев обращает внимание на то, «что первое как самостоятельный феномен, отличающийся значительной социальной силой и самостоятельной ценностью, обретает свои свойства особого институционального структурированного образования посредством государственно-правовых актов, т. е. того, что именуются источником права или формой права»².

Для обеспечения функционирования правового государства нужна разветвленная правовая система при всеобщем и безоговорочном господстве закона.

В связи с этим огромное значение приобретает разработка четкой и ясной концепции закона. Предстоит глубже и по-новому раскрыть смысл и природу закона, решительно отказываясь от сложившегося в последние годы его широкого понимания, охватывающего и другие законодательные акты, в частности постановления правительства. Сегодня нам необходим точный и единообразный закон как акт высшего представительного органа государственной власти. Для Республики Беларусь это законы Верховного Совета. Никакой другой орган не обладает правом издания закона. В этом заключается высшее проявление полноты государственной власти, сосредоточенной в руках указанного органа. Издание законов исключительно высшими государственными представительными органами власти или принятие их непосредственно самим народом образует первый основной признак, характеризующий законы как главный юридический источник права. Более высоким должен

быть удельный вес закона в правовой системе, что отразит верховенство народа в правообразующей системе волеизъявления.

Закон как главный и первичный источник всех правовых и государственно-общественных, самоуправленческих актов призван непосредственно регулировать основные общественные отношения. Большинство авторов, придерживающихся данной точки зрения, определяет объект правового регулирования закона как отношения «основные» и «важнейшие»³. Одна из проблем здесь — наиболее правильное разграничение законодательной и исполнительно-распорядительной компетенции.

Особенностью законов является их нормативный характер. В отличие от других актов, которые могут быть как нормативными, так и ненормативными, закон выступает как акт, вносящий изменения в систему действующих норм путем их создания, изменения или отмены. Эту точку зрения в настоящее время разделяют большинство советских юристов.

Как акт высшего органа власти государства, а также всенародного волеизъявления путем референдума закон призван стоять на вершине нашей правовой системы, быть наиболее авторитетным и непререкаемым. Его верховный характер, высшая юридическая сила — непреложный принцип любого цивилизованного общества, а тем более правового государства. До последнего времени его роль не была адекватна его значению.

Обеспечение верховенства закона во всех сферах жизни общества связывается с усилением механизмов поддержания правопорядка на основе развития народовластия. Это означает, что закон приобретает значение первичного регулятора. Однако здесь важно, чтобы и власть, и управление, и поведение граждан в равной мере основывались на законе. К сожалению, сегодня приходится преодолевать психологический консерватизм правовой системы, которая долгие годы была сориентирована на командно-административные методы руководства с их многочисленными запретами и мелочной регламентацией.

Важной характеристикой господства закона является его всеобщность, безусловный охват законами всех сфер и областей жизни, регулируемых правом так, чтобы не оставалось правовых пробелов, пустот, сфер, позволяющих в силу этого ведомствам заполнять их своими циркулярами. Конечно, это вовсе не исключает необходимости принятия подзаконных актов, которые обеспечивали бы более детально применение закона, решали бы частные вопросы. Но между изданием закона и соответствующих подзаконных актов не должно быть разрыва во времени, иначе велика возможность (о чем свидетельствует печальный опыт прошлых лет) исправления, необоснованной корректировки закона. Вот почему представляется существенным предложение С. С. Алексеева и А. С. Пиголкина о введении такого порядка, «при котором конкретизирующие нормативные акты, призванные сопровождать закон, принимались бы единым «пакетом», одновременно с созданием самого закона»⁴.

Важное значение для обеспечения верховенства законов в советском праве имеет отграничение законов от иных актов и, в частности, актов, издаваемых Президентом как главой государства. В сущности, это вопрос о соотношении законодательной и исполнительной власти. Если исходить из того, что степень юридической силы — это вопрос взаимодействия и соподчиненности актов, их места в иерархии источников права, то с этой точки зрения акты главы государства, несомненно, являются подзаконными актами.

Правовое государство подразумевает прежде всего сочетание строгого исполнения законов с принципом разделения властей. Учение о «разделении властей» — часть теории демократии. В литературе дан анализ разделения властей как одной из наиболее устойчивых доктрин прошлого и настоящего⁵. Классическая доктрина Ш.-Л. Монтескье «разделение властей» исходит из отсутствия в государстве единой власти и существования трех независимых властей: законодательной, исполнительной, судебной. Выдающийся французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо и другие идеологи французской буржуазной революции пошли дальше и выдвинули идею суверенитета народа, рассматривая законодательную, исполнительную и судебную власть как особые проявления единой верховной власти народа. Ж.-Ж. Руссо допускал возможность передачи власти народом (за исключением законодательной). Законодательную власть народ осуществляет непосредственно на собраниях (создание представительного органа допускалось в крупных государствах)⁶.

Советский правовед В. Е. Чиркин выделяет три неодинаковых подхода к концепции разделения властей, существующих в современной юридической науке⁷.

В социалистической доктрине утверждалось, что только Советам принадлежит полнота государственной власти, все остальные органы прямо или непосредственно формируются Советами (исключение делалось, например, для народных судей, избравшихся гражданами), подотчетны и подконтрольны им. На практике, в условиях административно-командной системы, Советы подменялись партийным аппаратом, исполнительными органами. Не имея материальной базы, финансов, местные Советы зависели от ведомств, от расположенных на их территории предприятий.

Анализируя практику ряда государств, в частности Великобритании, ФРГ, Италии и других, ученые отмечают нарушения доктрины разделения властей и в указанных странах (совмещение мандата министра и парламентария, назначение президентом членов верховного суда, утверждение верхней палатой парламента многих должностных лиц исполнительной власти и др.). Это значит, что ни в одной из стран доктрина разделения властей в «чистом» виде не осуществляется.

Исторический опыт показал, что теория разделения властей неосуществима в полном объеме. Она может быть реализована не в виде непроницаемых перегородок между различными сферами деятельности государства, а в плане общего принципа, руководящего начала, которым следует оперировать при создании структуры государственных органов и определении их полномочий. Практика свидетельствует о взаимосвязи, взаимопроникновении тех или иных полномочий государственных органов. Однако необходимо разграничить методы и сферы юридической деятельности различных государственных органов. Обычно выделяют четыре способа, вида деятельности государственных органов по осуществлению единой государственной власти: законодательство, управление (исполнение), правосудие, контроль. Причем ни один из этих видов деятельности не может быть полностью изолирован от остальных. Создавая систему властных механизмов обеспечения верховенства закона, мы и должны учитывать всю сложность и неоднозначность осуществления принципа разделения властей.

¹ Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 3.

² Там же. С. 5—6.

³ См., напр.: Тихомиров Ю. А. Закон в социалистическом правовом государстве // Советское государство и право. 1988. № 10. С. 8.

⁴ Советское законодательство: пути перестройки. М., 1989. С. 21.

⁵ См.: Барпашов А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.

⁶ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 21.

⁷ См.: Чиркин В. Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. 1990. № 8. С. 9.

А. А. ДАНИЛЕВИЧ

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ РЕЧИ СУДЕБНОГО ОРАТОРА

Одной из основных задач правосудия, определяющей структуру и форму судопроизводства, является поиск и установление истины, что всегда представляет собой творческий процесс, предполагает борьбу противоположных мнений. Это и делает судебные прения одной из важнейших частей судебного разбирательства, поскольку именно здесь достигается кульминация столкновение процессуальных интересов, противоборствующих сил, через которые только и мыслимо движение к истине.

Судебные прения, где их участники выступают с речами, требуют от них не только высокой правовой подготовки, но и знания законов логики, так как «только соблюдая правила логики, оратор может сделать правильный вывод. Всякое же нарушение их приводит к ложному выводу, избранию неправильной позиции по делу»¹.

Теорией оратороведения разработан ряд методов построения публичного выступления: дедуктивный, индуктивный, аналогии, концентрический, ступенчатый и др. Все эти методы приемлемы и к построению речи судебного оратора.

Используя дедуктивный метод построения судебной речи, когда мысли следуют от общего положения к частному выводу, судебный оратор произво-

дит доказывание отдельных фактов, сторон, преступного деяния. Для этой цели им применяются правила формальной логики о построении различного рода силлогизмов: от простого категорического силлогизма до таких его разновидностей, как энтимема, полисиллогизм, сорит, эпихейрема и ряд других. Необходимость применения дедуктивного метода в судебной речи станет очевидной, если учесть, что, во-первых, вывод частного из общего также является определенным новым шагом в познании фактов объективной действительности, поскольку само общее не обязательно выводится путем изучения всех частных, а лишь как закономерность. Значит, подводя под общее частный случай, мы приходим к такому выводу, который, возможно, вовсе не принимался во внимание при выведении общего (даже в том случае, когда из общего выводится частное, которое принималось во внимание при формулировании общего). Происходит расширение (приращение) знания, так как до вывода мы знали просто о факте существования частного, а после вывода получаем знания о его необходимом существовании и об интересующих нас аспектах частного. Во-вторых, общее, приводимое судебным оратором в качестве большой посылки, не обязательно формулировалось, устанавливалось (и даже известно) всем слушателям, поэтому и само общее и особенно выведенное на его основе частное (т. е. результат умозаключения) всегда будет служить средством информации, расширения знаний, убеждения, а в конечном итоге, важным средством доказывания, применяемым судебным оратором. Таким образом, сущность дедуктивного метода в судебной речи выражается в том, что судебный оратор выдвигает определенный общий тезис, разъясняет его, аргументирует другими посылками и, наконец, как бы вместе со слушателями идет к частным выводам, дополняя и разъясняя общее положение. Этот прием, на наш взгляд, очень удачен при юридическом анализе преступного деяния, его квалификации, формулировании выводов о виде и размере наказания и т. д. Используя дедуктивный метод, судебному оратору легче объяснить присутствующим в зале судебного заседания лицам сущность применяемых судом правовых норм, обеспечить превентивные и воспитательно-информативные функции судебного выступления.

Индуктивный метод построения судебной речи заключается в движении знания от единичного (частного) к общему суждению. Индукция выступает как определенная логическая форма, т. е. такая устойчивая связь мыслимого содержания, в которой отражается и фиксируется восхождение мысли от менее общих положений к более общим². Индукция является более простым и часто употребляемым приемом построения судебной речи, чем другие. В конечном итоге любая судебная речь, взятая в целом, являет собою пример индукции: от множества частных положений, суждений, фактов судебный оратор в заключение переходит к формированию общего и главного вывода о виновности или невиновности подсудимого. Более того, излагая материал своего выступления индуктивным способом (как впрочем и любым другим), судебный оратор, по сути, имитирует индукцию, ибо тот общий вывод, к которому он как бы приведет слушателей через цепочку отдельных частных доказательств, самому судебному оратору известен заранее. Вот почему все логические приемы доказывания служат главным образом для демонстрации метода, пути познания, для демонстрации правильности процесса познания.

При построении судебной речи чаще всего применяется неполная индукция, которая отличается от полной тем, что в доказательство общего приводятся не все составляющие его частные факты, а лишь максимально возможное (известное) их количество. Конечно, более предпочтительной была бы полная индукция, где вывод — всегда категорическое суждение. Вывод же при неполной индукции носит вероятностный характер. Тем не менее вероятность неполной индукции ни в какой мере не умаляет ее доказательственного значения. Вероятностность индуктивных умозаключений связана с принципиальной незавершенностью человеческого опыта, с бесконечностью процесса познания, на что особое внимание обращал В. И. Ленин³.

Теорией доказательств в советском уголовном процессе разработаны и научно обоснованы гносеологические и логические основы познания, осуществляемого в уголовном судопроизводстве. Конечная цель такого познания — установление объективной истины. Вероятностные выводы и суждения могут быть использованы (оценены) судом лишь постольку, поскольку они способствуют установлению достоверного знания, имеющего значение объективной истины. Истина, достигаемая в уголовном судопроизводстве, является объективной, однако она не может в силу неисчерпаемости познания быть полной (и в этом смысле абсолютной). Неполный ее характер ни в коем

случае не может быть истолкован как догадка, вероятностное предположение. Вот почему при пользовании методом индукции судебному оратору следует строго руководствоваться формально-логическими правилами применения этого метода, избегать ошибок, которые могут привести к ложным выводам, таких, как «поспешное обобщение», «после этого, следовательно, по причине этого» и других.

Следует отметить, что в судебной речи всегда наличествует диалектическое единство индукции и дедукции. Эти две стороны единого процесса познания ни в коем случае нельзя противопоставлять, так как их объективной основой является взаимосвязь отдельного и общего. Судебный оратор, используя метод дедукции, в качестве общего положения может взять то общее, которое ранее само было получено из частного, т. е. методом индукции и наоборот. «Индукция и дедукция,— писал Ф. Энгельс,— связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упустить из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга»⁴.

Метод аналогии представляет собой форму получения определенного вывода таким способом, когда в результате сходства явлений в одних признаках делается вывод об их сходстве в других. Судебным оратором в речи могут использоваться различные разновидности аналогий: *каузальная* (когда делается вывод об аналогичности явлений, порождаемых одинаковыми причинами); *аналогия следствий* (когда основанием вывода по аналогии служит аналогичность причин, а сам вывод заключается в переносе информации об одном из следствий причины на другое); *функционально-структурные, структурно-функциональные* и ряд других. По нашему мнению, наиболее эффективно применять метод аналогии в судебной речи целесообразно при анализе причин и условий, способствовавших совершению преступления, при рассмотрении общественно-политического значения дела, иногда при характеристиках подсудимых (потерпевших и др.). Хорошие результаты дает применение аналогии и для того, чтобы лучше пояснить мысль, сделать речь оратора более доходчивой, яркой, образной. Пользуясь методом аналогии, судебный оратор должен следовать, по крайней мере, трем основным правилам: «1) аналогия должна основываться не на поверхностных признаках явлений, а на их существенных свойствах; 2) общие свойства явлений должны характеризовать явления с различных сторон; 3) в процессе умозаключения по аналогии следует устанавливать не только сходство, но и черты различия явлений»⁵.

Вместе с тем судебному оратору следует помнить, что, будучи хорошим средством для формирования тех или иных подлежащих дальнейшему исследованию положений, аналогия неприменима для доказательства и опровержения тех или иных фактов. Аналогия, являясь инструментом познания, помогает установлению истины в уголовном судопроизводстве, но никогда не может выполнять роль основного или единственного средства для ее установления. В уголовно-процессуальном доказывании аналогия, в силу этого, может рассматриваться как вспомогательный прием.

Концентрический метод построения судебного выступления представляет собой такую систему, при которой все изложение строится вокруг единого центра, своеобразного «ядра» судебной речи. Таким единым центром, как правило, бывает главная мысль, основной вывод судебной речи или ее отдельной части. Эта мысль проходит как бы лейтмотивом через всю речь (или ее часть). Судебный оратор многократно возвращается к главной мысли, повторяет, оттесняет ее, а затем окружает ее цепочкой аргументов, доводов. Представляется, что концентрический метод в судебной речи наиболее применим и эффективен тогда, когда судебному оратору необходимо подчеркнуть, сделать более выпуклой основную, «сквозную» мысль всего судебного выступления.

Судебное выступление не может полностью строиться концентрическим методом, так как он наиболее удачно применяется лишь в определенной информационной части судебной речи, например, в той части, где судебный оратор группирует все доказательства вокруг главного факта: вывода о виновности (невиновности) подсудимого. Вся судебная речь, как правило, строится на основе ступенчатого метода, когда судебный оратор последовательно излагает содержание речи, переходя от одной ее ступени к другой. Это сообщает речи последовательность, логическую стройность.

Используя указанные методы, законы формальной логики (тождества,

противоречия, исключенного третьего и достаточного основания), руководствуясь общими принципами и теоретико-прикладными рекомендациями теории судебной речи, выступающий в зале судебного заседания прокурор или защитник может подготовить речь, соответствующую предъявляемым к ней требованиям и функциональному назначению.

¹ Алексеев Н. С., Макарова З. В. Ораторское искусство в суде. Л., 1985. С. 61.

² Михневич А. Е. Введение в методику лекционной пропаганды. Мн., 1982. С. 127.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 542—543.

⁵ Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. М., 1981. С. 160—161.

М. И. САВЧЕНКО

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ — МОРСКАЯ ДЕРЖАВА

(международно-правовой аспект)

Масштабы и темпы современного материального производства требуют все большего количества минерального сырья, а интенсивный прирост населения земного шара вызывает необходимость увеличения пищевых ресурсов. В связи с этим вполне понятен интерес, который человечество проявляет к новым источникам минерального и продовольственного сырья. Исследования показали, что крупнейшим источником минерального и продовольственного сырья является Мировой океан, значение которого для человечества непрерывно возрастает и будет возрастать по мере развития производительных сил, науки и техники. Ученые утверждают, что мировая экономика будущего — это прежде всего экономика Мирового океана. Известный французский исследователь Клод Риффо писал: «Завтра Океан станет столь же необходим для существования людей, как воздух и свет, земля и растения»¹.

Общая масса всех живых организмов Мирового океана насчитывает 20—30 млрд. т. Из них на долю рыбы приходится 500 млн. т., остальную массу составляют моллюски, ракообразные, другие виды животных и морская растительность.

Богат Мировой океан и минеральными ресурсами. По подсчетам ученых, запасы конкреций Мирового океана определяются в 300—350 млрд. т, а их ежегодный прирост превышает годовую потребность мировой экономики в железе, марганце, кобальте и других элементах. Богат океан также химическими и энергетическими ресурсами.

Рыболовство и добыча разнообразных морских животных является наиболее древним и традиционным видом использования богатств Мирового океана. В настоящее время с его громадных пространств ежегодно добывается более 70 млн. т рыбы, водорослей, ракообразных и моллюсков.

В связи с этим в последние годы почти все государства мира в той или иной мере уделяют внимание проблемам, связанным с Мировым океаном. Не остается в стороне от этих проблем и Белорусская ССР, которая будучи членом-учредителем Организации Объединенных Наций принимала участие в работе многих международных конференций ООН по морскому праву. Так, Советская Белоруссия участвовала в I Конференции ООН по морскому праву, проходившей с 24 февраля по 27 апреля 1958 г. в Женеве и принявшей три основополагающие конвенции по международному морскому праву, а именно: Конвенцию об открытом море, Конвенцию о континентальном шельфе и Конвенцию о территориальном море и прилежащей зоне. Белоруссия подписала их 31 октября 1958 г. Все названные конвенции являются действующими.

Белорусская ССР также была участницей II Конференции ООН по морскому праву, проходившей в Женеве в 1960 г., которая рассматривала всего лишь один вопрос — определение ширины территориального моря. Окончилась она безрезультатно, потому что США, Англия и другие западные страны настаивали на 3-мильной ширине, а СССР (в том числе БССР) и другие социалистические страны, отстаивали 12-мильный лимит территориального моря.

Спрашивается, зачем Белорусская ССР — сугубо сухопутная республика — принимала участие в Конференциях по морскому праву? Ведь в то

«застойное» время она не могла и не должна была помышлять о создании своего морского флота, защищать свои национальные интересы. Все это верно. Однако в ту пору Центру был нужен лишний голос, вот потому и ездила белорусская делегация-марионетка по международным конференциям, где отстаивала то и тогда, где и когда было выгодно и угодно союзной делегации.

В настоящее время, когда Союз Советских Социалистических Республик практически прекратил свое существование, а Республика Беларусь стала независимой, пришло время вплотную заняться своими насущными проблемами, в том числе и морскими.

Как известно, Беларусь является внутриконтинентальным государством, т. е. не имеющим морского побережья. Таких государств в мире насчитывается немногим более 30. Из них почти половина находится на африканском континенте.

Внутриконтинентальные государства значительно отличаются друг от друга в социально-политическом и культурном отношении, находятся на разных ступенях экономического развития, расположены на четырех континентах в различных климатических поясах. Общим для них фактически является только отсутствие морского побережья. Однако именно это обстоятельство ставит перед странами, не имеющими выхода к морю, целый комплекс одинаковых проблем.

Во-первых, не имея своего морского побережья, внутриконтинентальные страны вынуждены осуществлять доступ к морю через территорию соседних прибрежных государств. Поэтому они заинтересованы в выработке норм международного права, которые гарантировали бы им эффективность такого доступа. Во-вторых, ввиду особого географического положения внутриконтинентальные страны нуждаются в защите международным правом их интересов в области торгового мореплавания, ведения промысла рыбы и других морепродуктов как в открытом море, так и в экономических зонах прибрежных государств, а также эксплуатации минеральных ресурсов морского дна за пределами континентального шельфа.

Основой международного морского права является принцип свободы открытого моря, который означает, что открытое море свободно для судоходства и морских промыслов всех государств. Оно открыто на основе равноправия для всех наций и всех стран, как имеющих морское побережье, так и не имеющих его.

Понятие открытого моря и стремление исключить его из-под власти отдельных государств возникли давно, еще в период борьбы буржуазии против феодальных порядков, сковывавших экономическое развитие капиталистических отношений, в том числе международную торговлю и мореплавание. В прошлом некоторые государства претендовали на монопольное обладание отдельными морями и океанами. Это стало вызывать особенно сильные возражения в конце XVI и начале XVII в. Русское государство еще в 1587 г. заявило в переписке с Англией: «Божью дорогу, океан-море, как можно перенять, унять или затворить?». Позднее, в 1609 г. голландец Гуго Гроций в книге «Свободное море» обосновал требование свободы открытого моря. Однако окончательно принцип свободы открытого моря приобрел характер общепризнанного принципа международного права лишь на рубеже XVIII—XIX столетий. Вместе с тем нельзя утверждать, что принцип свободы открытого моря носил уже в тот период всеобщий характер, поскольку он не распространялся на страны, не имеющие выхода к морю.

Несмотря на это, Швейцария, не имеющая выхода к морю, в 1864 г. построила в Японии морское судно и начала добиваться признания права на морской флаг. С этой целью швейцарское правительство консультировалось с ведущими морскими державами относительно признания с их стороны права Швейцарии иметь морские суда под своим национальным флагом. Ни одно из этих государств не выступило против, однако были высказаны сомнения в целесообразности такого шага ввиду трудности осуществления Швейцарией эффективного контроля над своими судами. Учитывая позицию ведущих морских держав, Федеральный совет Швейцарии лишь в 1880 г. наконец принял решение о предоставлении швейцарским гражданам права иметь суда под национальным флагом. Однако из-за отсутствия всеобщего признания подобного права другими государствами швейцарские суда вплоть до конца первой мировой войны были вынуждены регистрироваться в одном из морских портов прибрежных государств и плавать под двумя флагами: швейцарским и флагом государства порта регистрации. Лишь Парижская мирная конференция в 1919 г. признала право стран, не имеющих вы-

хода к морю, на морской флаг. Это нашло отражение в ст. 278 Версальско-го мирного договора.

Окончательное закрепление права внутриконтинентальных стран иметь суда под национальным морским флагом нашло в Декларации о признании права на флаг государств, не имеющих морского побережья, подписанной 20 апреля 1921 г. на I Генеральной конференции по средствам сообщений и транзиту в Барселоне². Признание за внутриконтинентальными странами права на морской флаг имело исключительно важное значение. Оно фактически означало распространение на эти государства норм и принципов международного морского права.

Упомянутая ранее Женевская конвенция об открытом море 1958 г. окончательно расставила точки над «i». Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к ее статьям 3 и 4.

П. 1 ст. 3 гласит: «1. Государства, не имеющие морского берега, для того, чтобы пользоваться свободой морей на равных правах с прибрежными государствами, должны иметь свободный доступ к морю. Для этой цели государства, расположенные между морем и государством, не имеющим морского берега, по общему соглашению с этим последним и в соответствии с существующими конвенциями предоставляют: а) государству, не имеющему морского берега, на основе взаимности, свободный путь через свою территорию и б) судам, плавающим под флагом этого государства, на условиях равенства со своими судами или судами других государств, доступ к морским портам и использованию этих портов».

В ст. 4 говорится, что «каждое государство, независимо от того, является ли оно прибрежным или нет, имеет право на то, чтобы суда под его флагом плавали в открытом море»³.

Чтобы пользоваться свободой открытого моря и принимать участие в международной торговле, внутриконтинентальные государства должны иметь доступ к морю. Поэтому уже в XIX веке ученые-международники, признававшие всеобщий характер свободы открытого моря, высказывали мнение, что это должно влечь за собой признание права внутриконтинентальных государств на доступ к морю. При подготовке Венского конгресса 1815 г. русский адмирал Мордвинов указывал, что «право свободы морей должно безусловно сочетаться и рассматриваться одновременно с правом выхода к морю любой страны...»⁴. После первой мировой войны право стран, не имеющих морского побережья, на доступ к морю и от него обсуждалось на Парижской мирной конференции 1919 г. и было зафиксировано в ряде мирных договоров. Так, например, право Венгрии и Австрии на доступ к Адриатическому морю было закреплено в ст. 294 Трианонского мирного договора и ст. 311 Сен-Жерменского мирного договора. Аналогичное право получила Чехословакия в соответствии со ст. 322 Сен-Жерменского мирного договора, а по ст. 363 Версальского мирного договора Германия должна была сдать ей в аренду на 99 лет в Гамбургском и Штеттинском портах пространства, обладающие общим режимом свободных зон и предназначавшиеся для прямого транзита товаров, идущих в Чехословакию или из нее⁵.

После первой мировой войны большинство внутриконтинентальных государств было расположено на европейском континенте. Поэтому вопрос о доступе к морю в рамках международных конвенций решался в основном исходя из их интересов. Этим недостатком грешили многосторонние конвенции, принятые на Барселонской (1921 г.) и Женевской (1923 г.) конференциях, которые включали Конвенцию и Статут о свободе транзита, Конвенцию, Статут и Дополнительный протокол о режиме судоходных водных путей международного значения, Конвенцию и Статут о международном режиме железных дорог, Конвенцию и Статут о международном режиме морских портов. Правда, уже первые годы применения этих конвенций показали, что они не могут решить всех проблем, возникающих при осуществлении странами, не имеющими морского побережья, доступа к морю. Это обстоятельство привело к заключению ряда двусторонних соглашений.

В начале 60-х годов ряд афро-азиатских государств, не имеющих выхода к морю, поднял вопрос о необходимости подготовки и принятия новой всеобъемлющей многосторонней Конвенции о транзите внутриконтинентальных стран. Конвенция о транзитной торговле внутриконтинентальных государств⁶ была подписана на Конференции ООН по транзитной торговле стран, не имеющих выхода к морю, проходившей в Нью-Йорке с 7 июня по 8 июля 1965 г. В работе Конференции приняло участие 57 государств.

Названная Конвенция была подписана Белорусской ССР 28 декабря 1965 г., ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета Белорусской

ССР от 15 мая 1972 г. и вступила в силу для БССР 10 августа того же года. Конвенция в значительной степени способствовала конкретизации понятия свободы доступа к морю внутриконтинентальных государств. Согласно п. 1 ст. 2 прибрежное государство обязано предоставлять свободу транзита через свою территорию соседней стране, не имеющей выхода к морю. В конвенции подробно рассматриваются условия транзита товаров и грузов через территорию транзитного государства.

Транзитное движение не подлежит обложению импортными и экспортными пошлинами со стороны транзитного государства (ст. 3). Конвенция подтвердила принцип запрещения дискриминации по признаку места происхождения, отправки, ввоза, вывоза или назначения товаров либо в связи с любыми обстоятельствами, относящимися к праву собственности на товары или к праву собственности на суда, средства наземного транспорта или иные используемые транспортные средства, места регистрации или флага указанных транспортных средств (п. 1 ст. 2).

Характерно, что с момента признания права стран, не имеющих выхода к морю, на морской флаг, ни одно прибрежное государство ни разу не отказывало внутриконтинентальной стране в доступе к морю через свою территорию.

В заключение нельзя не сказать о том, что 10 декабря 1982 г. в Монтего-Бее (Ямайка) 119 государств подписали всеобъемлющую Конвенцию по морскому праву и Заключительный акт III Конференции ООН по морскому праву. Этим событием была завершена четырехдесятилетняя работа, в которой приняли участие представители более 150 государств, располагающих разными возможностями добычи полезных ископаемых морского дна: прибрежных, находящихся в географически неблагоприятном положении по отношению к морскому пространству, и государств, не имеющих выхода к морю. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.⁷ представляет собой большой и сложный международно-правовой документ, состоящий из трехсот двадцати статей и девяти приложений, которые содержат около тысячи правовых норм, регулирующих все основные вопросы использования морских пространств, живых и минеральных ресурсов моря.

В этой Конвенции в полном объеме зафиксированы права внутриконтинентальных стран. Об этом красноречиво свидетельствует даже название части X «Право государств, не имеющих выхода к морю, на доступ к морю и от него и на свободу транзита». Девять статей этой части подробно и всесторонне регламентируют права внутриконтинентальных стран. К сожалению, рамки журнальной статьи не позволяют прокомментировать их.

Следует подчеркнуть, что Белорусская ССР принимала самое активное участие в разработке этого уникального международно-правового документа и подписала его.

Итак, Республика Беларусь как суверенное внутриконтинентальное государство имеет все правовые основания создавать свой рыболовственный и транспортный морской флот, поднимать свой национальный флаг на морских судах и регистрировать их в портах соседних прибрежных государств на условиях двухсторонних отношений.

¹ Риффо Клод. Будущее — океан. Л., 1978. С. 4.

² League of the Nations Treaty series. М., 1925. V. 7. P. 73.

³ Белорусская ССР в международных отношениях. Мн., 1960. С. 259.

⁴ Очерки международного морского права. М., 1962. С. 293.

⁵ См.: Ключников Ю. В., Сабанин А. Итоги империалистической войны. М., 1926. Вып. 4.

⁶ См.: Белорусская ССР в международных отношениях. Мн., 1983. С. 280.

⁷ См.: Морское право: Конвенция ООН по морскому праву. Нью-Йорк, 1984.

Е. А. САЛЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ

Сегодня уже не возникает вопросов, связанных с обоснованием необходимости акционерных компаний как одной из основных движущих сил перехода к рыночной экономике. Но существуют проблемы развития акционерных обществ и их решение требует тщательного исследования всех аспектов, в том числе в историческом плане.

В разное время в России действовало более четырех тысяч акционерных

предприятий¹. Само понятие «акционерная компания» было известно российскому законодательству еще с XVIII в. В законах общего характера впервые понятие акционерной компании было закреплено в Указе Александра I Сенату от 1 августа 1805 г. в связи с иском кредиторов к Акционерной для строения кораблей компании². В нем получил отражение важнейший правовой принцип существования и деятельности акционерных предприятий — принцип ограниченной ответственности акционеров: «...мы признаем нужным подтвердить при сем случае то правило, что акционерная компания отвечает одним складочным капиталом, и, следовательно, ни один из акционеров ее при неудачах не теряет свыше положенного в компанию капитала».

Важное значение в установлении правовых норм организации в России акционерных обществ имел манифест 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». В нем акционерным компаниям (или товариществам по участкам) посвящался следующий абзац: «Сверх того бывает товарищество по участкам, которое слагается из многих лиц, складывающих воедино определенные суммы, коих известное число дает складочный капитал. Но как цель оно служит важным видам Государственного хозяйства, то сего рода компания учреждается с Нашего утверждения, и по существу своему допуская участников из всех состояний, не прямо принадлежит к занятиям купечества»³. Как видим, в манифесте в основном была определена правовая конструкция акционерных компаний, слагающаяся из следующих основных элементов: компания имеет основной капитал; основной капитал подразделяется на определенные доли; владельцами долей (акционерами) могут быть различные («из всех состояний»), ничем не связанные между собой лица. С другой стороны, возможность возникновения акционерных компаний предусматривалась как исключение для решения наиболее важных общегосударственных хозяйственных задач, в связи с чем порядок их организации и деятельность фактически не регламентировались. Оговаривалось лишь, что компании возникают с разрешения верховной власти на основании частных законодательных актов.

Таким образом, названные два документа впервые определили понятие, основные признаки акционерных компаний и принципы их деятельности, став юридической основой при их учреждении в России на последующие годы вплоть до принятия 6 декабря 1836 г. «Положения о компаниях на акциях».

Целью закона 6 декабря 1836 г. было создание необходимых правовых условий для развития акционирования в стране (экономическое значение акционерных компаний как специфической формы организации капиталистического производства и необходимость их функционирования в этот период ни разу не ставились под сомнение) с одновременным закреплением эффективных мер воздействия и контроля на этот процесс со стороны органов власти. Но вскоре после принятия закон, по сути, перестал действовать. Уже в 60-х гг. лишь менее половины всех его статей имели практическое значение, и то с позднейшими изменениями и дополнениями. В связи с этим одна из статей закона в порядке кодификации была дополнена примечанием следующего содержания: «Уставами некоторых акционерных компаний допущены изъятия из общих правил...»⁴. «Положение о компаниях на акциях» 1836 г. стало первым и последним законодательным актом, осуществившим попытку общего законодательного регулирования акционерной деятельности в дореволюционной России.

Не решенный царским правительством вопрос об акционерной реформе встал сразу же после Февральской революции. Были отменены все законоположения, ограничивающие деятельность акционерных компаний и разрешено непосредственное участие в них рабочих и служащих. Основная цель, которую преследовало Временное правительство в этом плане, — сглаживание межклассовых противоречий, попытка достижения «классового мира».

В числе первых мероприятий Советской власти было законодательное запрещение деятельности акционерных учреждений. Декретом ВЦИК 14 декабря 1917 г. были национализированы все акционерные кредитные учреждения⁵. 28 июня 1918 г. СНК опубликовал общий декрет о национализации крупной промышленности⁶, согласно которому национализации подвергались главным образом предприятия, принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам. Такая политика позволяла Советскому госу-

дарству овладеть основным институтом капиталистической экономики — акционерными предприятиями, ставшими в России к началу XX в. преобладающей формой капиталистической организации производства.

И все же без акционерных обществ народное хозяйство того времени обходилось недолго — менее трех лет. В 20-е гг. вновь начинает использоваться частный капитал, разрабатываются новые методы хозяйствования, основанные на товарно-денежных отношениях и т. д. Эти изменения в хозяйственной жизни страны получили закрепление в праве, в первую очередь гражданском, регулирующем имущественные отношения. В принятом в 1922 г. Гражданском Кодексе РСФСР достаточно много места было уделено договору товарищества и весьма обстоятельно разработаны правовые основы организации и деятельности одного из видов товарищества — акционерных обществ, которым посвящалось 45 статей (ст. ст. 322—366)⁷.

Закон давал следующее определение понятия акционерного общества: «акционерным (или паевым) признается товарищество (общество), которое учреждается под особым наименованием или фирмой с основным капиталом, разделенным на определенное число равных частей (акций), и по обязательствам которого отвечает только имущество общества». Из приведенного определения вытекают основные отличительные правовые черты акционерного общества, а именно: акционерное общество является юридическим лицом; акционерное общество имеет определенный основной капитал, разделенный на части, называемые акциями, причем эти части равны; акционерное общество несет имущественную ответственность перед кредиторами в пределах принадлежащего ему имущества. Акционеры перед кредиторами никакой ответственности не несут.

Гражданским Кодексом подробным образом регламентировался порядок создания акционерных обществ как один из наиболее важных вопросов, от которого зависит само распространение акционерной формы предприятия. Можно выделить следующие стадии учреждения общества. Первая — выработка учредителями устава общества и утверждение его строго соответствующими органами. Необходимо отметить, что к форме и содержанию устава кодекс предъявлял жесткие требования, несоблюдение которых влекло за собой определенные юридические последствия. В частности, предусматривалось, что ходатайство об утверждении устава должно быть возбуждено не менее как пятью учредителями (таким образом определялся и минимальный состав участников общества). Требование было настолько категорично, что ходатайства, исходящие из меньшего числа учредителей, не рассматривались.

Опубликование решения об утверждении устава общества являлось основанием к переходу ко второй стадии учреждения — созданию основного капитала. Кодексом определялся его минимальный размер и устанавливалось несколько различных способов распределения акций при его сборе: либо между учредителями, либо путем привлечения ими к участию в акционерном обществе конкретных или иных лиц. Допускалась частная и публичная подписка. Причем с целью усиления заинтересованности и повышения ответственности учредителей в успехе деятельности акционерного общества законом оговаривалась обязательная доля акций, которая должна принадлежать учредителям (не менее 1/10 всех выпускаемых акций), и срок, в течение которого эта доля не может быть отчуждена.

Кодекс прямо не предусматривал оплату акций с рассрочкой платежа, т. е. «акций на срок», хотя смысл ряда установленных в нем норм не исключал такой возможности (а именно, ст. 327 — о признании общества несостоявшимся и его ликвидации в стадии формирования основного капитала, ст. 331 — о требованиях, предъявляемых к объявлениям о публичной подписке). В принятом же в 1927 г. Положении об акционерных обществах⁸ эта норма устанавливалась непосредственно одной из статей, определявшей, что подписка на акции производится выдачей подписчиком письменного обязательства оплатить акцию с указанием сроков оплаты.

Предусматривалась денежная и натуральная оплата акций, причем особо оговаривалось, что имущество, вносимое в качестве оплаты, должно заключаться в такого рода товарах, вещах и материальных ценностях, операции с которыми входят в задачи этого общества либо могут быть использованы для его организации или дальнейшей деятельности. Положение 1927 г. при сохранении прежних требований к натуральной оплате давало более широкое толкование понятия «имущество», включая в него не только материальные ценности, но и права (тем самым вводился субъективный момент в содержание понятия).

По завершении подписки на акции и оплаты предусмотренной законом части уставного капитала наступала стадия проверки действий учредителей, включая следующие этапы. Предварительное общее собрание акционеров заслушивает доклад о ходе его учреждения, о всех действиях и сделках, совершенных учредителями, о всех принятых и предлагаемых к утверждению обязательствах. Для проверки отчета учредителей собрание избирает комиссию. Доклад комиссии заслушивается на проводимом в установленных законом сроки учредительском собрании. На нем же принимается решение о признании общества состоявшимся, избираются члены правления и иные выборные органы, решаются другие вопросы.

Заключительной стадией учреждения общества являлась его регистрация. Именно с момента регистрации акционерное общество приобретало права юридического лица. С этим моментом связывалось право на выпуск акций.

Акция является особым документом, подтверждающим членство и права акционера в обществе. В соответствии с Кодексом 1922 г. акционеры имели права на получение дивиденда, участие в управлении предприятием и на часть имущества общества в случае его ликвидации. Пределы прав акционеров должны были находиться в пропорциональной зависимости от количества принадлежащих им акций. Но в законе была сделана оговорка о том, что в уставе может быть установлено наименьшее число акций, дающее право голоса, либо ограничение числа голосов, предоставляемых одному акционеру.

Кодексом устанавливались два вида акций в зависимости от способа легитимации управомоченного лица: именные акции, как исключение, акции на предъявителя, выпуск которых допускался лишь при условии, что это предусмотрено уставом конкретного общества. Однако затем в законодательстве был закреплен лишь один вид акций. Статья 45 Положения об акционерных обществах 1927 г. гласила: «Акции могут быть только именными». Таким образом, нормы ГК РСФСР 1922 г. способствовали распространению акционерной формы предприятия, хотя несколько и снижали возможность как внешнего, так и внутреннего контроля за ней.

Возможность выпуска привилегированных акций (т. е. дающих определенные преимущества по сравнению с другими — простыми акциями) не предусматривалась.

При регулировании вопроса о прекращении деятельности общества ГК 1922 г. исходил из общих правил, различая добровольное и принудительное прекращение. Добровольное прекращение наступало по решению общего собрания акционеров; принудительное — при объявлении общества по суду несостоятельным либо по постановлению правительства в случае отклонения общества от цели деятельности, а равно в сторону, противную интересам государства. Порядок ликвидации зависел от оснований прекращения общества: либо самим обществом, либо специально назначаемыми соответствующим органом ликвидаторами.

Таким образом, Гражданский Кодекс РСФСР 1922 г. не только ввел понятие акционерного общества как формы организации производства применительно к условиям экономики страны, но подробным образом регламентировал, по сути, все вопросы, касающиеся их организации и деятельности. Аналогичный подход был закреплен в кодексах других союзных республик этого периода. В соответствии с постановлением Президиума ЦИК ССРВ от 2 февраля 1923 г.⁹ на всей территории Белоруссии вводился в действие ГК РСФСР. Стало быть, все вопросы правового положения, организации и деятельности акционерных обществ в Белоруссии решались так же, как и в России, с единственным дополнением — относительно иностранных акционерных обществ, для приобретения прав юридического лица которым необходимо было особое разрешение правительства республики.

В процессе кодификации гражданского законодательства конца 50-х — начала 60-х гг. нормы, регулирующие акционерные отношения, не были включены в союзные Основы гражданского законодательства и были исключены из гражданских кодексов всех советских республик (в том числе и ГК БССР). Сегодня, когда в республике намечается возрождение акционирования, думается, изучение и использование накопленного в этой сфере опыта, в том числе и законодательного регулирования, поможет становлению акционерных компаний как одной из составных частей рыночной экономики.

¹ См.: Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 6.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 28. Ст. 21900.

³ Там же. Т. 19. Ст. 22418.

⁴ Свод законов гражданских Российской империи. Ст. 2160. Прим. 1.

⁵ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 230.

⁶ Там же. Т. 2. С. 498 и далее.

⁷ См.: ГК РСФСР с постратейно-систематизированными материалами. М., 1925. С. 784 и далее.

⁸ См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1927. Ст. 50.

⁹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССРБ. Мн., 1923. № 3. Ст. 29.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ

(публікацыі і пераклады)*

Часопіс прапанауе чытачам Праграму Саюза 17 акцябра («акцябрыстаў»), створанага ў 1905 г. у выніку расколу Саюза вызвалення. Пасля разрыву з кадэтамі стаў на бок урадавага лагера. Гэта была партыя гандлёва-прамысловай і фінансавай буржуазіі і абуржуажваных памешчыкаў. Акцябрысты аднадушна падтрымалі Маніфест цара ад 17 кастрычніка (акцябра). Саюз самадзяржаўя і буржуазіі — воль іх ідэал.

ПРОГРАММА «СОЮЗА 17-ГО ОКТЯБРЯ»¹

Высочайший манифест 17-го октября 1905 года, являющийся дальнейшим развитием закона 6 августа 1905 года о Государственной думе, приобретает народ русский к деятельному участию, в согласии с царем, в государственном строительстве. Народному представительству, прочно опирающемуся на широкие народные массы, черпающему свою силу, силу знания нужд народных и силу своего авторитета из общего избирательного права, манифест предоставляет выдающееся влияние в делах законодательства и управления страной. Как неперемное условие для осуществления этих прав политической свободы и для упрочения начал гражданской свободы устанавливаются в качестве основных элементов правового строя неприкосновенность личности, свобода совести, слова, печати, собраний и союзов. Таким образом, манифест 17-го октября знаменует собой величайший переворот в судьбах нашего отечества: отныне народ наш становится народом политически свободным, наше государство — правовым государством, а в наш государственный строй вводится новое начало — начало конституционной монархии.

Новый порядок, призывая всех русских людей без различия сословий, национальностей и вероисповеданий к свободной политической жизни, открывает перед ними широкую возможность законным путем влиять на судьбу своего отечества и предоставляет им на почве права отстаивать свои интересы, мирной и открытой борьбой добиваться торжества своих идей, своих убеждений. Новый порядок вместе с тем налагает на всех, кто искренно желает мирного обновления страны и торжества в ней порядка и законности, кто отвергает одинаково и застой, и революционные потрясения, священную обязанность в настоящий момент, переживаемый нашим отечеством, момент торжественный, но полный великой опасности, дружно сплотиться вокруг тех начал, которые провозглашены в манифесте 17-го октября, настоять на возможно скором, полном и широком осуществлении этих начал правительственною властью с прочными гарантиями их незыблемости и оказать содействие правительству, идущему по пути спасительных реформ, направленных к полному и всестороннему обновлению государственного и общественного строя России.

Какие бы разногласия ни разъединяли людей в области политических, социальных и экономических вопросов, великая опасность, созданная веко-

* Раздзел вядзе прафесар Коршук У. К.

вым застоём в развитии наших политических форм и грозящая уже не только процветанию, но и самому существованию нашего отечества, призывает всех к единению, к деятельной работе для создания сильной и авторитетной власти, которая найдет опору в доверии и содействии народа и которая одна только в состоянии путем мирных реформ вывести страну из настоящего общественного хаоса и обеспечить ей внутренний мир и внешнюю безопасность.

С этой целью на почве признания начал, возведенных в высочайшем манифесте, образуется союз, в который приглашаются войти как отдельные лица, так и целые партии, программа коих в основных чертах совпадает с программой союза. Союз этот получает наименование «Союза 17-го октября» и провозглашает следующие основные положения:

1. Сохранение единства и неразделенности Российского государства

Положение это обязывает признать, что жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания является ограждение единства ее политического тела, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера. Вместе с тем положение это обязывает противодействовать всяким предположениям, направленным прямо или косвенно к расчленению империи и к замене единого государства государством союзным или союзом государств. При широком развитии местного самоуправления на всем пространстве империи, при прочно установленных основных элементах гражданской свободы, при участии равно всех русских граждан, без различия национальности и вероисповедания, в создании правительственной власти, при признании за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд в пределах, допустимых идей государственности и интересами других национальностей, такое положение, отрицающее идею федерализма в применении к русскому государственному строю, вполне допускает объединение отдельных местностей империи в областные союзы для разрешения задач, входящих в пределы местного самоуправления, и насколько не препятствует местным особенностям и интересам различных национальностей найти себе выражение и удовлетворение в законодательстве и управлении, основанных на признании безусловного равенства в правах всех русских граждан. Исключительно за Финляндией признается особое положение, дающее ей право на известное автономное государственное устройство при условии сохранения государственной связи с империей.

2. Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем избирательном праве

Это положение обязывает к признанию начала общего избирательного права, открывающего возможность всем русским гражданам участвовать в осуществлении государственной власти. Это положение, далее, призывает к коренному преобразованию нашего государственного строя на началах конституционных и к прочному закреплению за народным представительством дарованных ему манифестом прав деятельного участия, рядом с монархом, в законодательных трудах и управлении страной.

Это же положение признает и закрепляет за монархическим началом в изменившихся условиях политической жизни России новый государственно-правовой характер. Прежний неограниченный самодержец всемогущий по идее, но связанный в действительности всеми путями приказного строя, слабый вследствие отчужденности от него народа становится конституционным монархом, который, хотя и находит пределы своей воли в правах народного представительства, но в самом единении с народом, союзе с землей, в новых условиях государственного строя получает новую мощь и новую высокую задачу быть верховным вождем свободного народа. Являясь в народном сознании по-прежнему воплощением государственного единства, служа неразрывной связью преемственно сменяющихся поколений, священным стягом, вокруг которого в минуту грозной опасности собирается народ русский, монархическое начало отныне получает новую историческую миссию величайшей важности. Возвышаясь над бесчисленными частными и местными интересами, над односторонними целями различных классовых сословий, национальностей, партий, монархия именно при настоящих условиях призвана

осуществить свое предназначение — явиться умиротворяющим началом в той резкой борьбе, борьбе политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы. Укрепление в русской политической жизни этих начал, противодействие всякому посягательству, откуда бы оно ни шло, на право монарха и на право народного представительства, как эти права определяются на почве манифеста 17-го октября, должно входить в задачи союза. Только этим путем, путем единения монарха с народом, может быть создана сильная, уверенная в себе правительственная власть, которая сумеет вернуть нам мир.

3. Обеспечение гражданских прав

В политически свободном государстве должна господствовать и гражданская свобода, создающая единственно надежную основу для всестороннего развития как духовных сил народа, так и естественной производительности страны. Манифест 17-го октября на первое место ставит дарование незыблемых основ гражданской свободы. Развитие и укрепление этих начал в законодательстве и нравах составляет одну из главнейших задач союза.

Сюда входят прежде всего: свобода вероисповеданий, свобода слова, устного и печатного, свобода собраний и союзов. Сюда же относится обеспечение свободы передвижения, выбора места жительства и рода занятий, обеспечение свободы труда, промышленности, торговли, свободы приобретения собственности и распоряжения ею. Гражданская свобода предполагает также неприкосновенность личности, жилища, переписки, собственности граждан. Все эти права, огражденные законом, имеют один естественный предел в правах других граждан и в правах общества и государства. Никто не может быть арестован, подвергнут какому-либо насилию, обыску, лишению имущества и т. п. без постановления соответственной судебной власти. Всякое лицо, задержанное по какому-либо обвинению, должно в точно определенный и кратчайший срок, напр., 24 часа в городах, быть представлено судебной власти или освобождено. Для ограждения всех этих прав от посягательств как со стороны частных лиц, так и со стороны лиц должностных, они должны быть поставлены под защиту уголовных законов; при этом должна быть установлена судебная ответственность должностных лиц, каково бы ни было положение их.

4. Неотложность созыва Государственной думы

Дальнейшее развитие политических форм должно находиться в органической связи со всей предшествующей исторической жизнью России. Созыв, как того требуют некоторые партии, учредительного собрания, собственною властью определяющего свою компетенцию, предполагает как бы отсутствие всякого правительства, заключает в себе полный разрыв связи с прошедшим и поведет к пересмотру таких начал нашего политического и общественного быта, кои не могут быть поколеблены без тяжелого революционного потрясения всей страны.

Обусловленная этим отсрочка созыва Государственной думы отдалит на неопределенное время восстановление нормального хода государственной жизни и законодательной работы, а вместе с тем и разрешение некоторых неотложных вопросов, связанных с жизненными интересами широких масс населения. Ввиду этого союз высказывается против созыва учредительного собрания, которое только отдалит столь желанный час успокоения страны.

Государственная дума первого призыва должна взять на себя проведение ближайших на очереди политических реформ, направленных к усовершенствованию народного представительства, как то: пересмотр положения о Государственной думе, избирательного закона и т. п. Наряду с этим она должна приступить к разрешению тех насущных вопросов экономических, социальных и иных, неотложная необходимость разрешения коих выдвинута самой жизнью.

Приступив к органической созидательной работе, Государственная дума, по мнению союза, должна себе наметить для разработки и постепенного разрешения следующие вопросы первостепенной государственной важности.

а) Крестьянский вопрос

Из насущных реформ на первом месте должны быть поставлены меры к решительному и бесповоротному приобщению крестьян к полноте граждан-

ских прав наравне с остальными гражданами. Сюда относится: отмена исключительных законоположений, юридически принижающих податные условия, отмена административной опеки, признание мирского землевладения институтом гражданского права. Помимо настойчивых государственных забот о поднятии производительности земледелия, мерами к подъему крестьянского благосостояния являются: регулирование мелкой земельной аренды, преобразование деятельности крестьянского поземельного банка, содействие расселению и переселению, признание государственных и удельных земель фондом для удовлетворения земельной нужды бывших крестьян и других разрядов мелких землевладельцев, разверстание чересполосных крестьянских и помещичьих земель с обязательным отчуждением отрезков, мешающих хозяйственной цельности владений, и, наконец, при недостаточности этих мер, допускаемое в случаях государственной важности отчуждение части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения, устанавливаемых законодательной силою.

б) Рабочий вопрос

Рабочий вопрос является в настоящее время одним из самых острых вопросов и имеет все права на особенные заботы со стороны Государственной думы. Он не может быть, однако, решен удовлетворительно в интересах самого же рабочего без поддержки промышленности вообще: только правильно развивающаяся промышленность страны может обеспечить рабочего. Союз полагает, что Дума должна поставить себе общую задачу пересмотра, усовершенствования и расширения законодательства о рабочих в соответствии с местными особенностями отдельных производств и с началами, принятыми в этой области в наиболее просвещенных промышленных государствах. Сюда также относятся меры по обеспечению рабочих и их семей в случае болезни, инвалидности и смерти, меры к постепенному осуществлению страхования рабочих во всех видах труда, меры к ограничению рабочего времени для женщин и детей и в особо вредных для здоровья производствах.

Вполне признавая свободу профессиональных союзов и свободу стачек, как средств защиты рабочими своих интересов, следует, однако, признать необходимым законодательным путем регулировать условия этой экономической борьбы. Для этого, с одной стороны, должен быть выработан ряд действительных мер к устранению случаев насилия над личностью и посяательства на имущество, как способов принуждения к вступлению в союз или к участию в стачках, а с другой стороны — должны быть выделены в особую группу такие производства, предприятия и учреждения, от коих зависит жизнь и здоровье населения, важные общественные и государственные интересы, безопасность государства, интересы обороны, а условия работы и службы в таких отраслях, за которыми должно быть признано государственное значение, должны быть подчинены особым узаконениям, ограждающим интересы рабочих и служащих, но подчиняющим их высшему государственному интересу.

в) Развитие и укрепление начал местного самоуправления

Необходимым условием для обновления политической и общественной жизни России и для полного и последовательного проведения провозглашенных манифестом начал свободы является преобразование местного земского и городского самоуправления с расширением его прав и круга деятельности, с приданием ему должной самостоятельности и упразднением административной опеки, с устройством мелкой земской единицы, с устранением сословности, с распространением начала самоуправления по возможности на все местности империи и с привлечением к участию в самоуправлении возможно широкого круга лиц. Участие в обновленном самоуправлении будет лучшей школой политической свободы для народа.

г) Забота о народном образовании

Имея в виду, что лишь при повышении умственного уровня народа и при распространении в его среде образования можно ожидать, что он достигнет и политической зрелости, и хозяйственного благосостояния, что сама судьба выполняемой ныне политической реформы в значительной мере зависит от степени сознательности, с которой население отнесется к осуществ-

лению дарованных ему прав, союз высказывается за то, чтобы нужды народного просвещения были выдвинуты в законодательных работах Думы на первый план и чтобы на удовлетворение этих нужд были ассигнованы самые широкие средства. В частности, должны быть приняты все меры, чтобы в скорейшем времени могло быть практически осуществлено всеобщее начальное обучение. Рядом с этим должно быть увеличено число средних и высших учебных заведений, особенно технических, в пределах действительной общественной потребности, с предоставлением самой широкой свободы частной и общественной инициативы в делах открытия и содержания учебных заведений. Одновременно должны быть пересмотрены программы с целью их упрощения и приближения к потребностям жизни и должна быть установлена прямая преемственная связь между различными ступенями школ.

д) Реформы судебные и административные

Упорядочение форм общежития и упрочение гражданской свободы возможны лишь тогда, когда население страны находит опору и защиту всех своих прав в суде и когда деятельность административных властей поставлена в границы, ясно очерченные в законе. Исходя из этих положений, «Союз 17-го октября» ставит себе задачей проведение в Государственной думе таких реформ, кои направлены к введению бессословного суда, руководствующегося общими для всего населения законами, к введению выборного начала в местную юстицию, к установлению независимости суда от воздействия администрации и упразднению судебно-административных учреждений, к ограждению гласности судопроизводства и расширению компетенции суда присяжных. В сфере административного строя, кроме общего его упрощения и подчинения его деятельности строгим нормам закона, следует установить доступный всем способ обжалования распоряжений и действий административных властей, порядок строгой ответственности, уголовной и гражданской, за нарушение этими властями установленных законов и прав частных лиц, а для уничтожения тягостной всем волокиты надлежит установить в законе срочность работы администрации.

е) Меры экономические и финансовые

Ввиду громадных расходов, предстоящих в ближайшие годы государственному казначейству, для осуществления неотложных и важных культурных задач, а также в интересах государственной обороны в деле пересоздания наших военных — сухопутных и морских сил, нельзя рассчитывать на сокращение государственной сметы расходов и на облегчение общего податного бремени. Но уже в ближайшее время возможно осуществить более рациональную и справедливую налоговую систему и переложить податную тягость с более слабых плеч на плечи более сильные. С целью подъема народного благосостояния, увеличения государственных доходов и в интересах распределения обложения в соответствии с платежными силами плательщиков предполагаются:

1) меры содействия подъему производительных сил, особенно в области сельскохозяйственной промышленности;

2) организация доступного населению сельскохозяйственного, промышленного и торгового кредита;

3) широкое распространение технических знаний с целью поднятия производительности труда;

4) меры к наилучшему использованию народных богатств, причем должен быть облегчен доступ к эксплуатации лесных и минеральных богатств, принадлежащих государству;

5) развитие прямых налогов на основе прогрессивного подоходного обложения с постепенным понижением косвенного обложения предметов первой необходимости;

6) развитие сети железных, а равно водных, шоссейных и грунтовых дорог.

Как бы, однако, ни были необходимы и действительны все указанные правительственные меры, следует помнить, что подъем народного благосостояния возможен лишь при том условии, чтобы нашему национальному характеру были возвращены те драгоценные качества, которых он лишился под влиянием старого порядка, основанного на правительственном надзоре, правительственной опеке, правительственной помощи. Политическая и гражданская свобода, провозглашенная манифестом 17-го октября,

должна пробудить к жизни дремлющие народные силы, вызвать дух смелой энергии и предприимчивости, дух самостоятельности и самопомощи и тем самым создать прочную основу и лучший залог нравственного возрождения.

¹ Полный сборник платформ всех русских политических партий. Спб., 1906. С. 96—106.

Н. С. ТАЛАШОВА, М. С. КОРЗУН

АНТИЧНОСТЬ В ПИСЬМАХ КАРЛА МАРКСА

В настоящее время одной из важнейших задач является основательное, конкретно-комплексное изучение суждений Маркса по истории, не отрицание, а глубокое исследование интеллектуального потенциала его учения. Сейчас необходимо прежде всего изучить Маркса как мыслителя, как человека с присущими ему личными симпатиями и духовно-интеллектуальными привязанностями, чтобы понять не тот созданный за долгие годы догматизма и начетничества «марксизм», против которого протестовал еще сам Маркс, а подлинную культуру его теоретического мышления.

Мировоззрение Маркса характеризует его всесторонне и как ученого, и как человека. Именно в переписке с друзьями Маркс раскрывается удивительно целостным человеком, которому, если воспользоваться его любимым выражением из комедии Теренция «Самоистязатель», «ничто человеческое не чуждо».

Читая письма Маркса, поражаешься глубине, пластичности его внутреннего мира, его способности вовлекать в орбиту своих интересов богатства всей мировой культуры, его необыкновенной работоспособности.

Переписка Маркса содержит множество сюжетов из античной истории и культуры. За период с февраля 1842 по март 1883 г. встречается около 180 упоминаний, связанных с античностью. Чаще всего они встречаются в переписке за 1856—1864 гг.— более 80. Остальные упоминания — около 100, содержатся в письмах за 1864—1882 г., т. е. за 18 лет¹.

Античные реминисценции встречаются в письмах Маркса дифференцированно, в зависимости от его респондента, чаще всего в письмах к Энгельсу. Около десятка упоминаний встречается в письмах к Ф. Лассалю. Это понятно, ибо Энгельс был самым активным корреспондентом Маркса, а с Лассалем, написавшим книгу «Гераклит Темный из Эфеса», обсуждались только вопросы греческой философии. Хотя Маркс в письмах к нему употреблял и крылатые латинские выражения, цитировал Горация, Ювенала, Теренция, Вергилия. Античные реминисценции встречаются и в письмах к дочерям, а также к Л. Кугельману, В. Либкнехту, И. Вейдемейеру и др. Маркс упоминает в письмах гомеровских героев (Терсита, Гектора, Одиссея, Клисса, Калипсо), но здесь их удивительно мало по сравнению с использованием материала из поэм Гомера в публицистике и «Капитале».

Встречаются и отсылки к трагедиям Софокла — 4 раза², трагедии Еврипида «Орест» — 1 раз³. Однако ни разу в письмах Маркса не встречается обращения к произведениям Эсхила, вопреки его известной привязанности к трагедиям последнего. Маркс ежегодно перечитывал их в подлиннике⁴ и на вопрос «Исповеди», которую он заполнял по просьбе дочерей, о любимом поэте, он среди перечисленных (Шекспир, Гете, Данте) два раза назвал Эсхила⁵. Маркс, любивший и хорошо знавший трагедии Эсхила, видимо, не хотел высказывать стерестипные, общеизвестные истины. Возможно, для него Эсхил был и чем-то глубоко личным, что не хотелось вытаскивать на всеобщее обозрение.

Зато чаще других авторов в письмах Маркса встречаются цитаты из произведений Горация (13 раз), Теренция (9), Вергилия (8) и Ювенала (7). Из Горация наиболее часто (5 раз) употребляется выражение «всему есть мера»⁶.

Из комедий Теренция в письмах Маркса два раза приводится в сокращенной форме крылатое выражение «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо». Неоднократно повторяются слова из комедии Теренция «Девушка с Андроса» — «Вот отчего эти слезы!»⁷ Видимо, это выражение нравилось Марксу своей краткостью и меткостью. Из сатир Ювенала Маркс использовал в письмах только два выражения. Это употребленное пять раз «Вот снова Криспин»⁸ и высказанное дважды «Гнев делает поэтом»⁹.

Как видно, Маркс очень охотно употреблял крылатые выражения из произведений Горация, Теренция, Вергилия и Ювенала (37 раз). Такая значительная по сравнению с другими частота их использования была связана, возможно, с тем, что в письмах, в которых чаще всего обсуждались общие дела, выражалось четкое авторское отношение, были свои целевые установки, определявшие краткость, лапидарность стиля. В эту стилистику общения очень органично «вписывались» крылатые античные выражения. Маркс со-здал даже свой стиль усеченного их использования.

В остальных случаях чаще всего упоминаются имена и выдержки из учений философов: Аристотеля (5 раз), Гераклита (4), Демокрита (2), Эпикура (3), имена политических деятелей: Цезаря (7 раз), Помпея (4), Катилины (3) и т. д. Количество имен велико: это и Ликург и Ромул, Александр Македонский, Брут Луций и Брут Марк, братья Гракхи, Катон Младший и Катон Старший, Красс и Помпей, Сулла и Серторий, Лукулл и Август. Встречаются имена историков: Фукидида, Аппиана, Диодора, Ливия, Плутарха, Тацита, оратора Цицерона. Их труды Маркс знал очень хорошо. Есть упоминания имен богов и мифологических героев: Адониса, Амура, Ариадны, Ахилла (чаще других — 4 раза), Вакха, Венеры, Калипсо, Непгуна, Океана, Ореста и Пилада, Тесея, Цербера, Цирцеи, Ясона.

Все эти античные реминисценции, упоминания имен применяются бегло, как бы попутно и рассчитаны на осведомленного адресата, в них всегда присутствует определенная фрагментарность. Самостоятельной текстообразующей функцией они, за редким исключением, почти не обладают.

Выражения из произведений драматургов, поэтов употреблялись Марксом из-за их выразительности, меткости, точности; они давали возможность коротко, не теряя лишних, ненужных слов, выразить суть вопроса. Не любивший пространных выражений, особенно в письмах к близким людям, отличающихся особой атмосферой взаимопонимания, Маркс часто употреблял крылатые выражения. Все это позволяет сделать вывод о широте знаний и интересов Маркса в области античной истории и культуры. Легкость и импровизация в использовании их говорит о постоянстве и глубине общения Маркса с античным наследием, о его внутренней привязанности, даже увлеченности античными сюжетами и в то же время о его глубоких знаниях, когда он, как говорится, «с ходу» вступал в обсуждение какой-либо исторической ситуации в античном мире. Об этом очень хорошо свидетельствуют два случая из его жизни. В 1861 г. К. Маркс выезжал в Германию и в связи с этим ему пришлось много поволноваться и хлопотать в течение двух недель, улаживая дела, связанные с отъездом, кредиторами, деньгами. Он писал Энгельсу 27 февраля 1861 г.: «Из-за противной беготни в течение последних недель, — потребовалось, право, немало изобретательности, чтобы предотвратить полный крах всего моего дома, — я совсем не следил за газетами, не просмотрел даже, что пишет «Трибуна» об американском кризисе. Зато по вечерам читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Автор — родом из Египта. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что тот старался покопаться до материальной основы гражданских войн»¹⁰.

В этом письме Маркс очень заинтересованно, с великолепным знанием истории Рима I в. до н. э. оценил военные действия римских полководцев — Лукулла, Сертория, Суллы, Цезаря, Красса, Помпея. Здесь же он дал очень неординарную оценку Спартаку, отметив его качества как человека и как полководца. «Спартак в его (Аппиана) изображении предстает самым великодушным парнем во всей античной истории. Великий полководец (не чета Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата»¹¹. Маркс выделил самое главное в его характере (что отмечали и античные авторы) — благородство руководителя восстания рабов¹².

Затем, когда в этом же году, в мае, произошла крайне тяжелая для Маркса в моральном и материальном отношении задержка с публикацией в печати некоторых его статей, он обратился к чтению труда Фукидида «История». В письме к Ф. Лассалю К. Маркс под впечатлением от прочитанного писал: «...чтобы рассеять свое скверное настроение, вызванное моим во всех отношениях неопределенным положением, читаю Фукидида». Далее идет фраза, глубоко раскрывающая секрет и смысл его обращения к античным авторам: «Эти древние, по крайней мере, всегда остаются новыми»¹³. Маркс очень верно подметил интеллектуально-нравственную глубину античных сочинений. Обилие античных деталей в письмах Маркса — то необходимое дополнение, которое позволяет глубже проникнуть в творческий процесс мыслителя. Молодой Маркс, как известно, увлекался идеями младоге-

гельянства. Но без них он не создал бы материалистическую концепцию истории, в формировании которой важнейшее место отводится изучению экономики, социально-классовой структуры и культуры античного общества.

О человеке и человеческом обстоятельно и мудро говорили Софокл и Теренций Африканец. Последний умер около 159 г. до н. э. в возрасте Максима Богдановича, 26 лет. Выходит из африканского племени оказался одним из основоположников римской литературы, как Пушкин — российской. Кем была бы славянская троица народов без Пушкина, генетические корни которой уходят в Эфиопию?!

Сентенция о человеческом всеобъемлюща, но содержание ее закономерно ограничено и видоизменяется эпохой. Римляне осознавали себя в культурном отношении на уровне цивилизованных греков, но племена третировали как варваров.

«Антропос» и «гомо». «Человек» по-гречески и по-латыни. Но раб, часто из варваров, как, впрочем, и другого происхождения — это «андраподон», «человеконогое», рабочий скот, исключаемый и греками и римлянами из понятия «человек». За грамматика Мутация Дафнида его владельцы уплатили 700 тыс. сестерциев, но он оставался рабом, хотя его социальный статус отличался от статуса раба-каменотеса. Великий Т. Шевченко оставался крепостным. Парадокс. Создатель общечеловеческой культуры официальным правом не признавался за гражданина, а значит, и за человека. Сословно-классовое деление общества определяло содержание человеческого в человеке. Российский дворянин и польский вельможа не стрелялись на дуэли с крепостными. Быдло считалось достойным только порки на конюшне. Понадобились века, чтобы признать в рабе человека, как это сделал философ Эпиктет (ок. 50—138 гг.), раб по происхождению, доказавший возможность свободы раба своей внутренней духовной независимостью. Исторически наука всегда шла впереди политики и права. Уровень и содержание культуры, а не племенное и социальное происхождение, создают человека и человеческое.

Такова наша трактовка понятия «человеческое» в интересующую нас эпоху. Нам представляется, что античность была созвучна человеческой сущности самого Маркса и поэтому она стала необходимым элементом его жизни и значительной частью культурного багажа, культуры общения, стиля писем, формировала культуру теоретического мышления.

Итак, из писем мы узнаем, что даже в крайне тяжелых жизненных ситуациях Маркс обращался к античному наследию. Это было его внутренней духовно-интеллектуальной потребностью. Письма наглядно свидетельствуют о его больших знаниях в области античной истории и культуры, о постоянстве, глубине и эмоциональности контактов с античным наследием.

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 29, 30, 39.

² Там же. Т. 29. С. 220; 329; Т. 35. С. 249. В письме к Энгельсу от 20 января 1858 г. приводятся слова из «Антигоны» Софокла на древнегреческом языке: «В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего» (Т. 29. С. 220), а в письме от 25 февраля 1859 г. — из «Царя Эдипа» Софокла: «Увы! Как страшно знать, когда от знания нет пользы нам» и чуть ниже: «и в одной лишь корысти зряч, в гаданьях же — слепец!» (Т. 29. С. 329).

³ В письме к Энгельсу от 23 июля 1877 г. приводится фраза из Еврипида «разнообразные полезно для тела» (Т. 34. С. 44).

⁴ См.: Лафарг П. Личные воспоминания о Карле Марксе // Воспоминание о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1988. Ч. 1. С. 142.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 492, 595.

⁶ Гораций. Сатиры, I, 1.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 481; Т. 30. С. 105, 192.

⁸ Ювенал. Сатиры, IV.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 172; Т. 29. С. 474.

¹⁰ Там же. Т. 30. С. 125, 126.

¹¹ Там же. Т. 30. С. 126.

¹² Напр., Плутарх (Красс, VIII) писал: «Спартак, номад-фракиец, обладавший не только большой смелостью и физической силой, но умом и гуманностью. Этим он значительно превосходил других, будучи похожим скорее на эллина».

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 30. С. 498, 499.

П. А. Лойка. **Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII ст.** Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 112 с.

Манаграфія П. А. Лойкі — першае ў савецкай гістарыяграфіі комплекснае даследаванне феадальнай рэнты ў прыватных уладаннях Беларусі ў другой палове XVI—XVIII ст. Мабілізацыя аўтарам масавага матэрыялу дазволіла яму істотна ўдасканаліць метадыку даследчыцкай работы. Акцэнт усёй аргументацыі перанесены з апісання асобных фактаў, г. зн., з ілюстрацыйнага паказу, на пераважна статыстычны аналіз. У храналагічных рамках другой паловы XVI—XVIII ст. такая методика асвятлення тэмы прыменена ўпершыню. Сам гэты факт сведчыць, што манаграфія П. А. Лойкі змяшчае арыгінальны пошук у вырашэнні адной з самых складаных праблем гісторыі феадальнай грамадска-эканамічнай фармацыі на Беларусі.

Разнастайнасць і інфармацыйныя магчымасці выкарыстаных аўтарам крыніц дазволілі яму значна шырэй, чым у апублікаванай раней літаратуры, вызначыць задачы свайго даследавання сістэмы рэнтных адносін на Беларусі ў перыяд развітога і позняга феадалізму. Сярод іх новымі з'яўляюцца: увесь комплекс пытанняў аб феадальнай рэнце ў прыватнаўласніцкіх маёнтках, вызначэнне ў дынаміцы ўзроўню эксплуатацыі ў іх, вывятленне парэнных асаблівасцей феадальнай рэнты. Прынцыповае значэнне мае падыход аўтара да праблемы рэнтных адносін з пазіцыі пошуку ўзаемасувязей, якія складаліся ўнутры гэтых адносін, вывятленні іх значэння ў развіцці сялянскай гаспадаркі, у разгортванні класавай барацьбы сялянскіх мас. Такі падыход сведчыць аб глыбокім разуменні аўтарам ролі дыялектыка-матэрыялістычнага прынцыпу вывучэння гэтай тэмы.

Методыку даследавання П. А. Лойкі выгадна адрознівае шырокае прымя-

ненне прынцыпу параўнання супастаўных даных, пошук дынамічных паказчыкаў. Тым самым у манаграфіі праблема рэнты паўстала ў руху, у развіцці, г. зн. яна вывучаецца не як статычная з'ява, а як працэс, што таксама надае ўсяму асвятленню тэмы навізну. Было б цікава пашырыць гэты метадалагічны прымёк шляхам супастаўлення даных аб рэнце ў працах па гісторыі Расіі, а таксама рэгіёну Прыбалтыкі, дзе структура рэнты фарміравалася пад моцным уплывам таварна-грашовых адносін.

У першай главе манаграфіі грунтоўна прааналізаваны стан гістарыяграфіі па данай тэме. У ёй падкрэслена вядучае значэнне прац савецкіх гісторыкаў. Аўтар раскрывае тэарэтычную абмежаванасць прац дваранскіх і буржуазных гісторыкаў, слабыя бакі трактоўкі імі феадальнай рэнты.

Поўную характарыстыку атрымала крыніцазнаўчая база даследавання, якая складаецца ў асноўным з арыгінальных архіўных дакументаў, большая частка з якіх прыцягваецца ўпершыню.

Другая і трэцяя главы раскрываюць ва ўсёй шматскладанасці працэс фарміравання сістэмы рэнтных адносін ва ўмовах другой паловы XVI—XVIII ст. Моцным бокам гэтай часткі манаграфіі з'яўляецца ўсебаковы паказ фактараў, якія вызначалі структурныя рысы, канкрэтна-гістарычны змест рэнтных адносін. Упершыню формы рэнты атрымалі поўную характарыстыку як вынік шэрагу сацыяльна-эканамічных, палітычных абставін, характэрных для Беларусі ў разглядаемы перыяд.

Звяртае на сябе ўвагу тое новае, што ўнесена аўтарам у выклад праблемы. Абгрунтавана карэкціруецца схема эвалюцыі форм феадальнай рэнты ў другой палове XVII — пачатку XVIII ст., якую ў свой час пралагнаваў вядомы гісторык-аграрнік Д. Л. Пахілёвіч.

Чацвёртая глава лагічна завяршае

разгорнуты аналіз феадальнай рэнты. Асабліва выразна бачна ў гэтай главе арыгінальнасць вывадаў і назіранняў аўтара. Тут упершыню раскрыты канкрэтна-гістарычны змест дынамікі асобных формаў рэнты і ўсёй структуры рэнтных адносін, якія склаліся на Беларусі. Нагляднае ўяўленне аб гэтым працэсе змяшчаюць табліцы 1—12 дададкі да гэтка манаграфіі. Вывады аўтара адносна цяглых сялян пабудаваны на вялікім і разнастайным матэрыяле крыніц і таму выглядаюць больш пераканаўча, чым назіранні над данымі аб суадносінах формаў рэнты ў чыншавікаў. Але і там сцверджанні аўтара прарэчаныя не выклікаюць. Прынцыпова важным з'яўляецца вывад аўтара аб тым, што другая палова XVII — першая палова XVIII і асабліва другая палова XVIII ст. з'явіліся часам найвышэйшага развіцця фальварачна-паншчынай сістэмы, што мела сваім вынікам значнае павелічэнне апрацоўчай рэнты, прыкметную яе перавагу ў агульным павіннасным рэжыме прыватнаўласніцкіх сялян Беларусі.

Кніга П. А. Лойкі «Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі» уносіць прыкметны ўклад у гістарычную навуку. Яна ўяўляе цікавасць для навуковых супрацоўнікаў, выкладчыкаў, студэнтаў, і ўсіх, каго вабіць мінулае беларускай вёскі.

А. П. Ігнаценка,
Б. З. Капыскі,
У. А. Сосна

В. К. Лукашевич. **Научный метод: структура, обоснование, развитие.** Мн., «Навука і тэхніка», 1991. 207 с.

Наметившаяся в последние годы тенденция к уменьшению количества публикаций по философским проблемам научного метода находится в явном противоречии с необходимостью изучения многочисленных новаций современного научного познания в их воздействии как на процессы разработки конкретно-научных методов, так и на содержание и направленность философско-методологической рефлексии над данным компонентом познавательной деятельности. Опубликованная монография, одну из задач которой автор видит в достижении стабильной сопряженности между внутрингносеологическим и конкретно-научным (индуцированным потребностями актуально реализуемого познавательного процесса в различных областях науки) направлениями исследования проблем метода (с. 9), несомненно, является своевременной. Это многоаспектное системное исследование ряда проблем в русле обоих направлений, объединяемых общим понятием проблемы научного метода, понимаемой автором как задача выявления «закономерностей построения новых методов, необходимых для познавательного освоения объектов принципиально иной системной организации, по сравнению с теми объектами, которые

успешно изучаются имеющимися методами» (с. 57). Основное внимание уделено вопросам структуры научного метода, его обоснования и тенденциям развития методов в общем русле научного прогресса.

Структурообразующим ядром, концентрирующим действие многочисленных (конкретно-научных, логико-гносеологических, мировоззренческих, психологических, социокультурных, практических и др.) факторов генезиса и развития научных методов, по мнению автора, является их предметно-концептуальное содержание, представляющее собой опережающее отражение познавательной ситуации, объекта, предмета, средств и условий познания. Оно генетически первично по отношению к операционально-нормативному содержанию метода, с которым нередко отождествляется содержание метода в целом, и вторично относительно его логического содержания, индуцируемого логической структурой проблемы, для исследования которой разрабатывается данный метод. С учетом отмеченных генетических зависимостей рассмотрены механизмы концептуального и логического обоснования научного метода. Гносеологическую сущность этой процедуры автор справедливо усматривает в рационализации его операционально-нормативного содержания. Коррелятивно типам обоснования метода рассмотрено содержание гносеологического и логического критериев научности метода, в совокупности образующих содержание наиболее общего и фундаментального критерия научности метода — его рациональную обоснованность (гл. III).

Методологически продуктивной и оригинальной является разработанная автором концепция развития методов как динамического синтеза предметного и концептуального содержания научного прогресса (гл. IV), основанная на исходном понимании гносеологической сущности метода как формы функционального синтеза предметного и нормативного знания (гл. II). Возможные типы их взаимодействия проанализированы в условиях экстенсивного и интенсивного развития знания в контексте проблемы «теория и метод», в русле концептуального взаимодействия наук, динамики предпосылочного знания и формирования нелинейного стиля мышления. Использование методологического потенциала теории творчества дало возможность показать стимулирующее и репрессивное воздействие различных факторов на субъект познания, реализующий процесс развития методов и, что наиболее важно, акцентировать внимание на познавательных ситуациях, включающих в качестве исследуемых объектов человекомерные системы.

Рецензируемая монография отличается всесторонностью анализа проблемы, строгой аргументированностью, эвристической направленностью авторской концепции. Это дает основание

оценить ее содержание не только как позитивное решение ряда фундаментальных проблем научного метода, прежде всего связанных с исследованием его структуры и рационально-конструктивных механизмов обоснования в условиях освоения объектов с возрастающей сложностью системной организации, но и как квалифицированное видение новых проблем и путей их продуктивного изучения.

Л. Ф. Кузнецова

И. Л. Петрухин. *Правосудие: время реформ.* М.: Наука, 1991. 206 с.

Республика Беларусь, как и другие независимые суверенные государства бывшего Союза ССР, — накануне судебно-правовой реформы, которая призвана заложить основы и правовой механизм «третьей» (наряду с законодательной и исполнительной) самостоятельной и равнозначной судебной власти, способной эффективно и надежно защищать права, свободы и законные интересы граждан, быть гарантом законности, справедливости, гражданского мира и согласия. Предстоит поднять авторитет суда, доверие к нему населения, сделать его независимым и подчиненным только закону, способным законно и справедливо разрешать правовые споры и конфликты, возникающие в обществе. Необходимо коренным образом реформировать нашу правоохранительную систему, кардинально пересмотреть все законодательство, регулирующее организацию и деятельность органов юстиции, по существу, создать новую правовую систему.

В этой связи большой интерес вызывает недавно вышедшая в свет книга доктора юридических наук И. Л. Петрухина. В сравнительно небольшом по объему издании живо, лаконично и заинтересованно, в полемической и вместе с тем корректной форме он сумел рассмотреть наиболее животрепещущие вопросы судебно-правовой реформы: о введении суда присяжных заседателей, судебного порядка санкционирования арестов, обысков, помещения граждан в психиатрические учреждения, гарантиях судебской независимости, презумпции невиновности, состязательности процесса, допуске защитника с момента задержания и ареста и многие другие вопросы, связанные с радикальным переустройством правоохранительной системы.

Являясь автором хорошо известных в стране научных трудов, глубоко зная теорию и практику судоустройства и

судопроизводства, автор высказывает немало аргументированных, убедительных суждений по спорным вопросам судебно-правовой реформы, однако с некоторыми из них трудно согласиться. Так, весьма сомнительно мнение о необходимости сохранения института народных заседателей ради, по словам И. Л. Петрухина, «эффекта присутствия» их рядом с судьей в целях предупреждения нарушений и злоупотреблений с его стороны (с. 175—176). Это не может не вызывать недоумения, поскольку автор известен как горячий сторонник прочного утверждения в нашем обществе презумпции добросовестности (в судопроизводстве — презумпции невиновности), и недоверие к служителям правосудия вызывает, по меньшей мере, сожаление. Тем более, что идет разработка правового механизма отбора на судебные должности достойных кандидатов. Видимо, нам пора отказываться от всеобщей подозрительности и установки на неборосовестность даже судей, которым нередко веряется судьба человека.

Без оснований робко решается автором вопрос о введении в новую судебную систему мировых судей (с. 176). Он считает, что прежде надо создать основы правового государства и всего общества с достаточно высокой правовой культурой, вместе с тем автор весьма категорично (что вызывает одобрение) настроен на введение у нас суда присяжных, обоснованно полагая, что «тем более он необходим в наше время, когда закладываются основы советского правового государства» (с. 181). Спрашивается, разве не это же самое можно сказать и о мировых судах, которые, будем надеяться, при их возрождении, как и до революции, быстро завоюют доверие и популярность у населения, а их камеры станут, по выражению А. Ф. Кони, не только «местом отправления доступного народу правосудия, но и школой порядочности и уважения к человеческому достоинству» (Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 1. С. 289).

Следует также сказать, что, поскольку книга была написана до августовских и последовавших за ними событий, приведших к качественным изменениям в общественно-политической обстановке, скрупулезный анализ многих правовых норм общесоюзных законов и структур правосудия утратил свою значимость.

Монография, несомненно, привлечет внимание не только массового читателя, но и специалистов — ученых юристов и практиков.

И. И. Мартинович

Наши юбиляры

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ИГНАТЕНКО

Исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории Беларуси Александру Петровичу Игнатенко. Родился он 10 февраля 1932 г. в д. Студенец Климовичского района Могилевской области в крестьянской семье. О поколении, к которому принадлежит Александр Петрович, говорят, что они дети войны. В 1938 г. он пошел в первый класс местной школы, учебу в которой прервала война. В 1955 г. окончил исторический факультет Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина, а в 1958 — аспирантуру.

Трудовую деятельность начал в 1958 г. старшим лаборантом кафедры истории Белоруссии. С этого времени вся его научная, педагогическая и общественная деятельность связана с историческим факультетом Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. В 1963 г. здесь он защитил кандидатскую диссертацию, в 1976 г. — докторскую, с июня 1980 г. — профессор.

С 1966 по 1975 г. он работал заместителем декана вначале заочного, а затем исторического факультета. С 1975 по 1978 г. исполнял обязанности, а с 1989 г. и по настоящее время — заведующий кафедрой истории Беларуси. За этот период у него появились ученики и последователи. Под его руководством 10 человек защитили кандидатские диссертации.

Научные интересы юбиляра связаны с проблемами русско-белорусских связей второй половины XVII—XVIII в. и истории РБ. Об этом свидетельствуют уже названия многих его монографий, брошюр и учебных пособий: Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Мн., 1963; Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570—1667 гг.). Мн., 1963; Хрестоматия по истории БССР. Ч. I. Мн., 1972; Ч. II. 1976; Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII—XVIII в.). Мн., 1974; Древнерусский язык: Учебное пособие для студентов исторических факультетов. Мн., 1968, 1970, 1977; История БССР. Мн., 1981; Хрестоматия по истории БССР (1917—1983). Мн., 1984; История СССР: Учебно-методические рекомендации для слушателей подготовительного отделения и подготовительных курсов. Мн., 1987, 1989, а также многочисленные статьи по истории Беларуси. Всего им опубликовано более сорока работ общим объемом свыше 300 печатных листов.

Педагогическую и научную работу профессор А. П. Игнатенко сочетает с активной общественной деятельностью. В настоящее время он является председателем проблемного научного совета университета по истории Беларуси, заместителем председателя специализированного совета университета по присуждению ученой степени доктора исторических наук, членом совета университета по защите кандидатских диссертаций.

За многолетнюю активную и плодотворную научно-педагогическую и общественную деятельность А. П. Игнатенко неоднократно награждался грамотами ректората и месткома университета, Грамотой и Почетной грамотой министерства народного образования Республики Беларусь, значком «За отличные успехи в работе высшего образования СССР».

Сердечно поздравляем Александра Петровича Игнатенко с 60-летием и желаем ему доброго здоровья, дальнейших творческих успехов.